

"Все смиренно (ЛП)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Эмма Чейз

Все смиренно

Все запутано — 3

ГЛАВА 1

В течение последних нескольких недель, я обратил внимание, что иногда женщинам просто нравится плакать. Они плачут над книгами, ТВ-шоу, теми ужасными рекламами об издевательствах над животными и фильмами — в особенности над фильмами. Специально сидеть и смотреть то, что, наверняка, сделает вас несчастными? В этом нет никакого хренова смысла.

Но это нормально, я просто возьму это на заметку, чтобы перейти к следующему, чего я никогда не понимал в своей девушке. Да — я сказал девушке. Ди Уоррен официально моя девушка.

Еще раз, для тех, кто не в теме — девушка — Долорес — *моя*.

Может, от того, что я постоянно это повторяю, я выгляжу как незрелая девчонка, одержимая Гарри Стайлзом, но мне плевать. Потому что эта победа мне досталась нелегко — если бы вы знали, через что мне пришлось пройти, что бы она стала моей, вы бы поняли.

Ну ладно, вернемся к тому, что я говорил. Девчонки любят поплакать — но это совсем другая история. В ней нет умирающих лучших друзей, никакого темного терзающего прошлого, никаких скелетов в шкафу, никаких громких расставаний, или извращенного траха.

Ну... ладно... извращенный трах есть — но это за счастье.

Это история о бабнике, который встречает слегка сумасшедшую девчонку. Они влюбляются, и бабник меняется навсегда. Возможно, вы уже раньше слышали такую историю, может, даже от моего друга, Дрю Эванса. Только дело в том, что пока он и Кейт разгребали свое дерьмо, мы с Долорес находились в какой-то параллельной вселенной, о которой вы не подозреваете. Так что, не уходите далеко, даже если думаете, что знаете, чем все закончилось. Потому что самая лучшая часть путешествия не в конечном пункте назначения. Все сумасшествие происходит по пути.

Прежде, чем мы начнем, вам может пригодиться кое-какая общая информация. Во-первых — Дрю — классный парень, настоящий лучший друг. Если бы мы были из Крысиной Стаи [1], он был бы Фрэнком Синатрой, а я — Дином Мартином. Хотя я и Дрю очень близки, мы отличаемся во мнениях о женщинах. В этой точке нашего рассказа, он видит себя холостяком по жизни. Он придерживается всех этих правил, как никогда не приводить женщину к себе домой, никогда не встречаться с тем, с кем он работает, и Кардинальное Правило: не спать с одной и той же женщиной дважды.

Мне же, наоборот, все равно где заниматься сексом — у себя дома, у нее, на смотровой площадке Эмпайер Стейт Билдинг.

То была великолепная ночь.

Также я не против встречаться с кем-нибудь с работы — хотя большинство девушек в моей сфере деятельности нервные, вечно курящие кофеманки с неприятной тягой к конфликтным ситуациям. У меня нет проблем, чтобы тусоваться с одной и той же женщиной на многочисленных мероприятиях, до тех пор, пока мне это доставляет удовольствие. И когда-нибудь, я планирую остепениться — женитьба, дети, все дела.

Но пока я ищу миссис Правильность? Я оторвусь по полной с мисс Плохая.

Во-вторых, я тот парень, у которого стакан всегда на половину полный. Ничего не может меня расстроить. У меня потрясающая жизнь — хорошая карьера, которая позволяет мне наслаждаться лучшими мужскими игрушками на рынке, замечательные друзья, странная, но любящая семья. В моем словаре не существует слова «Эмо», но «один-раз-живем» должно быть моим вторым именем.

Теперь, Долорес Уоррен — Ди, если хотите, чтобы ваши отношения сложились. По сегодняшним стандартам это необычное имя, но ей оно идеально подходит. Она необычная — другая — во всех хороших смыслах. Она предельно честна, с акцентом на слове «предельно». Она сильна, и плевать хотела на то, что о ней думают другие. Она остается верной себе и не извиняется за то, что она хочет или за то, кто она есть. Она сумасбродна и красива — как неприрученная чистокровная кобыла, которая лучше всего бежит без седла.

И вот где я чуть не оступился. Я хотел усмирить ее. Думал, у меня хватит на это терпения, но я надавил слишком сильно, слишком сильно потянул за вожжи. Так что она их просто порвала.

Вас оскорбляет то, что я сравнил женщину, которую люблю с кобылой? Нахрен, смиритесь с этим — это не та история, которая понравится полиции политкорректности.

Но я забегаю вперед. Просто знайте, что Кейт Брукс наша коллега, и лучшая подруга Долорес — как Ширли у Лаверны [2]. И ни разу за все годы, что я знаю Дрю — а это вся жизнь — я ни разу не видел, чтобы он так реагировал на женщину, как он реагировал на Кейт. Их притяжение, даже если поначалу оно было враждебным, было очевидным. Все, у кого есть глаза, могли это видеть.

Ну, все... кроме них самих.

Кейт, как и Долорес, — классная девчонка. Тот тип женщин, который, согласно бессмертным словам Эдди Мерфи в *Поездке в Америку*, может возбудить интеллект мужчины так же, как и его чресла.

Улавливаете? Замечательно. Давайте начнем.

Моя жизнь изменилась примерно четыре недели назад. В самый обычный день — когда я повстречал девушку, которая была кем угодно, но только не обычной.

ЧЕТЫРЕ НЕДЕЛИ НАЗАД

— Мэтью Фишер, Джек О'Шей, Дрю Эванс, это Ди-Ди Уоррен.

Любви с первого взгляда не существует. Этого просто невозможно. Простите, что разрушаю

вашу фантазию, но такова жизнь. Незнание, может дать чувство блаженства, но когда вы снимите слой счастья, недостаток информации все равно останется.

Чтобы по-настоящему любить другого человека, вы должны знать его — его причуды, его мечты, что его раздражает и заставляет улыбаться, его сильные стороны, его слабые стороны, и его пороки. Слышали цитату из Библии — ту самую, которую произносят на свадьбах: «Любовь терпелива, добра...»? У меня своя версия: Любовь — это когда не замечаешь утреннее дыхание любимого. Считаешь его красивым, даже если у него красный нос, как у олененка Рудольфа, а на голове будто гнездо, а не волосы. Любовь — это не значит терпеть кого-то из-за его ошибок — это значит обожать кого-то из-за них.

Теперь страсть с первого взгляда, вот это уже реально. И более распространено. На самом деле, когда многие парни встречаются женщину, они за пять минут понимают, к какой категории из «трахни, убей, женись» они относятся. Для парней, категория «трахни» довольно низкая.

Хотел бы я вам сказать, что первое, что я заметил в Долорес — было чем-то романтическим, как ее глаза, или ее улыбка, или ее голос — но нет. Это были ее сиськи. Я всегда заглядывался на женскую грудь, и у Ди они были фантастичные. Слегка вываливались из ее узкого ярко-розового топа, так сжаты вместе, что привлекали своей заманчивой ложбинкой, красиво обрамленные серым вязаным свитером.

Прежде чем она произнесла свое первое слово в мой адрес, я страстно желал грудь Долорес Уоррен.

После того, как она с минуту подшучивает над Дрю, я переключаю ее внимание на себя.

— Так, Ди-Ди... это сокращенное от чего-то? Донна, Дебора?

Теплые, медового цвета глаза поворачиваются в мою сторону. Но прежде чем она успевает ответить, Кейт раскрывает секрет.

— Долорес. Это их традиционное имя в семье — от ее бабушки. Она его ненавидит.

Долорес игриво смотрит на Кейт.

Если вы хотите произвести впечатление на девушку, юмор — беспроигрышный вариант. Для женщины это знак, что вы смелый, умный, уверенный в себе. Если вы смелы, у вас есть яйца? Козырните ими.

Поэтому я говорю подруге Кейт:

— Долорес — шикарное имя, для шикарной девушки. К тому же он созвучно с *клитор есть...* а я знаю, как с ним обращаться! Большой поклонник!

Как и планировалось, моя реплика вызывает мгновенную реакцию. Она медленно расплывается в улыбке и проводит пальчиком по своей нижней губе, соблазнительно. Каждый раз, когда женщина прикасается к своему телу в ответ на то, что сказал мужчина? Это хороший знак.

вернуться

команда деятелей американского шоу-бизнеса 1950-1960 г

вернуться

2

Ширли и Лаверна — телесериал

Потом она разрывает наш зрительный контакт и говорит нам всем:

— Как ни крути, но мне пора сваливать. Работа ждет. Было приятно познакомиться, мальчики.

Ди-Ди обнимает Кейт и подмигивает мне. *Опять же, хороший знак.*

Я наблюдаю за ней, когда она уходит, и не могу не отметить, что вид сзади такой же великолепный, как и спереди.

Дрю спрашивает Кейт:

— Ей надо на работу? Я думал, что стрип клубы не открываются раньше четырех

Здесь должен с ним согласиться. Когда ты посетил столько стриптиз-клубов, сколько и мы, ты начинаешь разбираться. Одежда, что носят женщины — хоть ее и мало — одинаковая. Будто они закупаются в одном месте. И Ди определенно источает энергию девочек из Strippers “R” US.

Хотя, может, мне просто хочется так думать. Было бы замечательно, если бы она оказалась танцовщицей. Они не просто гибкие — секс с ними жесткий. Абсолютно без тормозов. Тот факт, что обычно они низкого мнения о мужском виде — тоже плюс. Потому что это означает, что самый простой акт благородства воздается с крайней благодарностью. А благодарная стриптизерша — это стриптизерша, делающая отличный минет.

Но Кейт разрушает мои надежды.

— Ди не стриптизерша. Она одевается так, просто чтобы сбить с толку людей. Они обычно в шоке, когда узнают, чем она на самом деле занимается.

— И чем она занимается? — спрашиваю я.

— Она ракетостроитель.

Джек читает мои мысли.

— Ты сейчас пытаешься нас обдурить?

— Боюсь, что нет. Долорес — химик. Один из ее клиентов — НАСА. Ее лабораторные работы по улучшению эффективности горючего используют для космических шаттлов, — ее передергивает. — Ди-Ди Уоррен с ее взрывчатыми веществами... это то, о чем я стараюсь не думать каждый день.

И теперь мое любопытство такое же сильное, как и моя страсть. Мне всегда нравилось что-нибудь необычное — экзотическое — женщины, музыка, книги. И в отличие от Дрю, чья

квартира тщательно обставлена, я тяготею к вещам с историей. Даже если они не смотрятся вместе, нетрадиционное — всегда интересно.

— Брукс, ты должна свести меня со своей подружкой. Я хороший парень. Можно, я куда-нибудь ее свожу. Она об этом не пожалеет.

Кейт задумывается. Потом говорит.

— Хорошо. Конечно. Ты, кажется, ей подойдешь. — Она подает мне визитку неоновозеленого цвета. — Но я должна тебя предупредить. Она из тех девушек, что поматросил и бросил. Если ты ищешь девушку на ночь или две, то непременно ей позвони, но если ты хочешь более серьезных отношений, я бы держалась от нее подальше.

И теперь я знаю, как чувствовал себя Чарли, когда ему достался последний золотой билет на Шоколадную Фабрику Вонка [3].

Я поднимаюсь и целую Кейт в щеку.

— Ты... мой новый лучший друг.

Думаю о том, чтобы ее обнять — просто чтобы подразнить своего друга — но не хочу рисковать своими яйцами. У меня на них имеются планы. Которые должны быть на первом месте.

Кейт говорит Дрю, чтобы он не дулся, и отпускает комментарий относительно своей груди, но я уже их не слушаю. Потому что слишком занят мыслями о том, где я встречу с Долорес Уоррен, чтобы пропустить по стаканчику — и не по одному.

Вот так вот все и началось. Не предполагалось никаких сложностей — никакой любви с первого взгляда, никаких великих жестов, сильных чувств. Само собой, провести хорошо время, переспать один раз, без намеков на второй. Со слов Кейт, этого же хотела и Ди, и это все, что нужно было мне. Все, на что я рассчитывал.

Элвис Пресли был прав. Безумцы мчатся без оглядки. И если вы это еще не поняли, я самый большой хренов безумец.

ГЛАВА 2

Многие люди живут ради своей работы. Не потому, что их обязывает финансовое положение, а из-за того, что чем они зарабатывают на жизнь — это то, кто они есть — их профессия дает им уверенность, цель, может, даже приток адреналина. И не всегда это плохо. Офис — это игровая площадка для бизнесмена, зал заседания для юриста — это как дом. И если мне когда-нибудь понадобится операция? Ко мне приблизится только врач-трудоголик до мозга костей.

С учетом вышесказанного, я инвестиционный банкир в одной из самых уважаемых и престижных компаний в городе. Я хорошо делаю свою работу, зарплата приличная, с клиентами справляюсь — делаю их счастливыми, и получаю новых клиентов. Но я бы не сказал, что я это люблю. Это не моя страсть. Когда я буду умирать, я не собираюсь жалеть о том, что не так много времени проводил в офисе.

В этом отношении, я такой же, как отец. Он серьезно относится к компании, которую он, Джон и Джордж основали, но он не позволяет обязательствам вмешиваться в его игру в гольф. И он старомоден в вопросах семьи — всегда был. Когда я рос — ужин подавали строго в 6 часов. Каждый вечер. И если моя задница не сидела на стуле за обеденным столом, лучше бы мне было оказаться в скорой, иначе наказания не миновать. Разговоры за ужином обычно фокусировались на «Чем ты сегодня занимался?» и «Ничем» никогда не было приемлемым ответом. Будучи единственным ребенком в семье, у меня не было братьев и сестер, чтобы отвлечь моих родителей от того, чтобы пасти меня. Мой старик хорошо знал, какого это расти привилегированным в Нью-Йорке, так что он приложил все силы, чтобы я держался подальше от проблем.

Ну... во всяком случае, большую часть времени.

Каждый ребенок заслуживает того, чтобы ввязаться в небольшие неприятности. Это помогает ему научиться быть находчивым, принимать решения, не сильно их обдумывая. И если подростку запрещено иметь свою жизнь, в колледже его не ждет ничего хорошего.

Три основных правила моего отца были: Хорошо учись, не попадайся полицейским и держи штаны застегнутыми.

Два из них не так уж и плохи, правда?

Даже если мой отец осознает всю важность семьи и разделения бизнеса и удовольствия, это совсем не значит, что у меня есть поблажки в фирме, только потому, что я его сын. По правде говоря, мне кажется, он относится ко мне намного жестче, чем к другим подчиненным, просто, чтобы избежать обвинений в протекции. Злоупотребление своим положением в офисе — это то, чего он не станет терпеть. Он ударит по этому, как кувалда Галлахера по дыне [4].

Это еще одна причина, почему мой отец и его партнеры смогли построить такой успешный бизнес — а именно, каждый из них привнес свои собственные уникальные таланты в команду. Джон Эванс, отец Дрю и Александры — как персонаж Фейс из Команды А. он обаятельный, умеет убеждать — он делает все, чтобы клиенты были счастливы, а работники не просто довольны, но еще и полны энтузиазма. Потом Джордж Райнхарт — отец Стивена. Джордж — это голова всего процесса. Не то, чтобы у моего отца и Джона с этим проблемы, но Джордж, он как Стивен Хокинг без БАС [5]. Я больше никого не знаю, кому бы так нравился технический аспект банковских инвестиций, кто бы так щелкал цифры, как орешки.

Потом мой отец, Фрэнк — он — сила. Устрашитель. Он долго не разговаривает, что означает, когда он говорит, вашим ушам лучше бы его слушать, потому что то, что он говорит того стоит. И у него нет проблем с увольнением людей. По сравнению с моим отцом Дональд Трамп просто ссыкло. И совершенно не имеет значения единственный ли вы кормилец в семье или беременная женщина на позднем сроке — если вы не выполняете хорошо свою работу, вас тут же вышвырнут вон. Слезы его не трогают, и второй шанс он дает редко. Еще когда я был ребенком, он говорил: «Мэтью, семья есть семья, друзья есть друзья, а бизнес — это бизнес. Не смешивай все это».

Не смотря на то, что он прет напролом, он всегда справедлив. Честен. Держите свои точки над «и» и у вас не будет проблем. Я всегда стараюсь убедиться, что мои точки над «и». И не потому что я хотел сохранить свою работу, но потому что... я никогда не хотел разочаровать своего старика. Увы, это сейчас редкость. Столько много придурков сейчас, которые не задумываются даже о том, чтобы вести себя так, чтобы их родители ими гордились — но Дрю, Александра, Стивен и я так были воспитаны.

вернуться

3

Чарли и Шоколадная Фабрика — художественный фильм

вернуться

4

Рори Галлахер (ирландский рок-гитарист, певец, композитор) в своем клипе бьет по дыне

вернуться

5

Боковой амиотрофический склероз

Ну ладно, вернемся к настоящей истории.

После обеда с парнями, я провел остаток дня за своим столом, просматривая договор и мило беседуя с клиентами по телефону. Где-то в шесть часов, я начинаю собираться, когда в мою дверь всплывает Стивен.

— Угадай, кто провел свой перерыв в очереди бешенных игроков?

Я пихаю папку в свой портфель, чтобы перед сном иметь не самое веселое чтение. Если вы не хотите иметь жизнь, не прикованную к письменному столу? Правильное распределение рабочего времени очень важно.

Я отвечаю:

— Видимо, ты?

Он улыбается и кивает.

— Чертовски, верно, брат. И посмотри чего.

Он поднимает вверх свой пакет.

Во времена моего отца, парни обычно собирались вместе, чтобы порыбачить и пропустить по стаканчику в местном баре после длинного рабочего дня. Но то, что Стивен держит в руках, это затягивает еще сильнее, чем алкоголь, и намного веселее, чем наживка на крючке.

Это последняя версия Call of Duty.

— Мило, — я беру из его рук диск, переворачиваю его, чтобы посмотреть усовершенствованную, приближенную к реальности графику.

— Как насчет того, чтобы поиграть сегодня? Где-нибудь в девять?

Если вы еще до сих пор не знаете — Стивен женат. И он не просто женат — он женат на Александре — ранее именуемой Эванс, также известной, как Сучка. Но если что, я этого не говорил.

Если обычная жена — это шар на конце цепи, то Александра — это Шерман танк. Она держит Стивена на коротком поводке — не разрешает ему ходить в бар по субботам, только позволяет ему раз в месяц сыграть в покер. Не смотря на то, что у Стивена своя голова на плечах, Александра считает, что зависать с нами — это опасно, что холостые друзья плохо повлияют на ее мужа. И... возможно, она права.

Но, как и любой хороший надзиратель знает, как сильно можно ограничить заключенных. Можно запереть их на десять часов в день в клетке, запретить прогулки — но попробуйте отобрать у них сигареты? И у вас грандиозный мятеж.

Икс-бокс единственная отдушина Стивена. До тех пор, пока его игры не мешают их дочери, Маккензи, после того, как она ложится спать. Как-то Стивен слишком шумел во время очередного сражения и разбудил Маккензи. На неделю игра была под запретом. Он усвоил этот урок.

— Да, братан, рассчитывай на меня.

Я возвращаю ему игру, а он говорит:

— Клево. Увидимся в 21-00.

Потом он салютует мне и направляется к выходу.

Я беру свой портфель и спортивную сумку и выхожу спустя несколько минут. По пути к лифту я заворачиваю в кабинет Дрю.

Он стоит, склонившись над своим столом с бумагами, делая какие-то пометки красной ручкой в документах.

— Привет.

Он поднимает взгляд:

— Привет.

— Сегодня в девять Икс-бокс. У Стивена новый Call of Duty.

Переключая свое внимание снова на документ, Дрю говорит:

— Я не могу. Мне надо быть здесь хотя бы до десяти.

Люди, о которых я говорил, что живут ради работы? Дрю Эванс — такой тип людей.

Но ему это подходит. Он не какой-то там задрыпанный, удрученный работяга — совсем наоборот. Дрю по-настоящему наслаждается рутинной; он получает кайф от переговоров, даже если это надоедливая реклама. Потому что он знает, что он может заключить эту сделку, что он, возможно, единственный, кто может это сделать.

Ну... по крайней мере до тех пор, пока наши ряды не пополнились одной брюнеткой.

Я смотрю через холл на кабинет Кейт. Она за своим столом, зеркальное отражение Дрю — только сексуальнее. Облокачиваясь на стул, я говорю:

— Слышал, что Кейт уже близка к подписанию с Фарматаб?

Все еще не понимая глаз, он раздражительно бормочет:

— Угу, слышал.

Я улыбаюсь.

— Лучше бы тебе пошевелиться, друг. Если она заключит эту сделку, твой старик будет так поражен, что я не удивлюсь, если он захочет ее удочерить. А инцест — даже между усыновленной родней — запрещен в Нью-Йорке.

Издеваются друг над другом — вот, что обычно делают друзья. Это подобие того, как девушки обычно целуют воздух, прижимаясь друг к другу щекой. Знак привязанности.

— Хотя я думаю инцест не проблема здесь, судя по тому, как она тебя отшивает.

— Иди в задницу.

Я усмехаюсь.

— Не сегодня, дорогой. У меня голова болит.

Потом я иду к двери.

— Удачи.

— Пока.

После того, как я выхожу из офиса в подземный переход, как я это делаю каждый день после работы, чтобы пойти в спортзал. Это в Бруклине, то еще местечко. Кто-то назовет его свалкой, но для меня это неограниченный алмаз. Пол твердый и грязный, заваленный вдоль стены потертыми красными сумками. Перед треснутым стеклом навалены гири, пластмассовый контейнер, заполненный скакалками, стоит возле гребного тренажера. Здесь нет скучающих домохозяек, одетых в спандекс, которые только и думают, как бы кого-нибудь подцепить или демонстрируют последние достижения косметики. Здесь нет орбитрека или хай-тек беговых дорожек, как, например, у нас в офисе. Я прихожу сюда попотеть, растянуть свои мышцы до предела при помощи проверенных временем упражнений. А больше всего, я прихожу сюда из-за боксерского ринга, который в центре спортзала.

Мне было двенадцать, когда я впервые посмотрел *Рокки*. Там место действия Филадельфия, но это могло произойти и в Нью-Йорке. С тех пор я стал фанатом бокса. Я не собираюсь бросать работу, чтобы тренироваться на титул боксера тяжелого веса или что-то такое, но нет лучшей тренировки, чем несколько раундов на ринге против достойного противника.

Ронни Батлер — пятидесятилетний, щетинистый мужичок в серой футболке с толстой золотой цепью с крестом на шее, который сейчас стоит в углу ринга, выкрикивая замечания двум

спарринг-партнерам, танцующим друг вокруг друга — является собственником этого места. Ронни — не ангел, но он хороший человек, и еще лучший тренер.

На протяжении многих лет я по кусочкам собирал информацию, которая у него проскальзывала, когда я оставался здесь один перед закрытием. В конце восьмидесятых, Ронни был большой шишкой на Уолл-Стрит и жил своей мечтой. Потом, в один пятничный вечер он ехал со своей семьей в Хэмптонс на выходные. Из-за того, что он задержался на работе, им пришлось поздно выехать, а сонный водитель грузовика, клевавший носом за рулем, выехал на встречную полосу, и столкнулся лоб в лоб с БМВ Ронни. Он отделался лишь сотрясением и трещиной бедра. А его жена и дочь не выжили.

Несколько лет он провел, утопая в бутылке, и чуть больше приходя в себя от запоя. Потом он воспользовался своими сбережениями и купил это место. Он не превратился в жалкого или печального человека, но я также не могу назвать его счастливым. Думаю, спортзал помогает ему держаться, дает ему причину просыпаться по утрам.

— Отступи, Шонази! — кричит Ронни на одного бойца, который прижимает своего партнера к канатам, поколачивая его по ребрам. — Господи, это же не Вегас, дай парню вздохнуть.

Тот Шонази просто придурок. Знаете таких — молодые горячие головы, такие идиоты запросто могут выскочить из своей машины, чтобы отметелить какого-нибудь глупца, который посмел подрезать их на дороге. Вот еще одна причина, почему мне нравится бокс — отличная возможность поставить всякого идиота на место и при этом тебя не привлекут за нападение. Шонази уже несколько месяцев подначивает меня на борьбу на ринге, но нет никакого удовольствия драться с кем-то, у кого такая никчемная техника. Не важно, как сильно они наносят удары, у них нет шанса на победу. Я жду, когда он станет лучше — тогда надеру ему задницу.

Я ловлю взгляд Ронни, когда он заканчивает бой и приветствую его кивком головы. Потом направляюсь в раздевалку, переодеваюсь и полчаса бью по боксерскому мешку. Потом иду на гребной тренажер до тех пор, пока мои бицепсы не начинают ныть, а ноги не превращаются в желе. Заканчиваю десятиминутными прыжками на скакалке, что может показаться легким, но это не так. Попробуйте попрыгать на ней хоть в половину меньше, и я готов поспорить, вам покажется, что у вас сердечный приступ.

Когда ринг становится пустым, я выступаю три раунда против Джо Уилсона, юриста с пригорода, с которым я сражался и раньше. Джо — хороший соперник, но победа явно на моей стороне. После этого мы по-дружески стучаемся перчатками, и я возвращаюсь в раздевалку и собираю свои вещи. Хлопаю Ронни по спине по дороге к выходу, пробегаюсь по тротуару и сажусь на метро до дома.

Мне не стыдно сказать, что мои родители обеспечили меня жильем после колледжа. В то время, эта квартира была едва ли мне по карману. Месторасположение отличное — в шаговой доступности до работы и в поле зрения Центральный Парк. Так как я живу здесь со времен колледжа, здесь нет особого стиля, которого вы обычно ждете увидеть в доме успешного бизнесмена. Оглянитесь.

Черные кожаные диваны стоят перед телевизором с большим экраном и первоклассной звуковой и игровой системой, которая лежит на стеклянной полке под ним. Кофейный столик

тоже стеклянный, но со сколами по кругу от многолетнего контакта с чьими-то ногами и стеклянными бутылками. На стене висит расплывчатая картина горной вершины знаменитого японского художника, а напротив нее находится моя ценная коллекция винтажных бейсбольных кепок. В углу стоит освещенная витрина, демонстрирующая кристальную награду с надписью ЗА ОТЛИЧИЕ В ИНВЕСТИЦИОННОМ УПРАВЛЕНИИ, которую я получил в прошлом году... и подлинный шлем Боба Фетта, со съемок Звездных Войн. Встроенные книжные полки из темного дерева заставлены коллекционной спортивной символикой, книгами по искусству, фотографии и банковскому делу, а также кучей различных фотографий с изображением семьи и друзей и лучших моментов моей жизни. Фотографии, которые я сделал сам.

Фотография — это мое хобби. Позже вы об этом узнаете побольше.

В столовой, вместо абсолютно бесполезного формального стола и стульев, стоит бильярдный стол и игрушка Космические захватчики. Но моя кухня полностью укомплектована — черная гранитная столешня, итальянские мраморные столы, приборы из нержавеющей стали, кухонная техника, которой бы позавидовал сам Эмерил [6]. Мне нравится готовить, и у меня хорошо получается.

Может, путь к сердцу мужчины и лежит через его желудок — но это, определенно маршрут в женские трусики. Для женщин, мужчина, который чувствует себя свободно на кухне — это большой куш. Скажите мне еще, что я не прав.

Как ни крути, моя квартира офигенная. Она большая, но удобная. Производит впечатление, но не отпугивает. После того, как я принял душ в стеклянной кабинке, я вытираюсь и с минуту смотрю на свое отражение в зеркале в полный рост. Мои обычно светло-коричневые волосы сейчас темные, потому что мокрые и нелепо торчат в разные стороны от того, что я вытер их полотенцем. Надо бы подстричься — они непослушно вьются, когда сильно отрастают. Потираю щетину на лице, но не собираюсь бриться. Поворачиваюсь боком и поднимаю руку вверх, сгибая ее, чтобы посмотреть на свои бицепсы, испытывая чувство гордости при виде выпирающих мышц. Я не объемистый, как какой-нибудь качок, но я подтянутый, стройный и сильный, ни одного лишнего сантиметра, чтобы ущипнуть меня за кубики.

Возможно, вам покажется идиотским, что я рассматриваю себя в зеркале, но поверьте мне — это делают все парни. Мы просто не любим, когда нас застают за этим занятием. Но когда тратишь на свое тело столько времени, сколько это делаю я, результат того стоит.

Я натягиваю пару трусов, потом разогреваю чашку с остатками пасты и курицы. Я не итальянец, но если бы я мог, я бы ел это каждый день. Время показывает девять тридцать, когда я заканчиваю мыть посуду. Да, я — мужчина, который моет за собой посуду.

Завидуйте, дамы — я вымирающий вид.

Потом я падаю на свою прекрасную, королевского размера кровать и достаю золотую карточку из своих брюк

Я разглядываю буквы на светло-зеленой карточке.

ДИ УОРРЕН

ХИМИК

И я вспоминаю нежную гладкую кожу, которая выпирала за пределы ее узкой розовой рубашки. Мой член дергается — наверно, он тоже это помнит.

Обычно я выжидаю день или два, чтобы позвонить такой девушке, как Долорес. Время — это все. Выглядеть слишком жаждущим — это ошибка для новичка — женщины любят, когда за ними бегают щенки, а не мужчины.

Но сейчас уже вечер среды и я надеюсь встретиться с Ди в пятницу. Двадцать первый век — это эпоха «Обещать — не значит жениться» и «Первое свидание: пособие для чайников» и «Как пригласить его на свидание: пособие для девушек», что означает, что пригласить девушку на ни к чему не обязывающее свидание не так легко, как это было раньше. Сейчас полно всяких этих идиотских *правил* — я ощутил это на своей шкуре.

Как, например, если парень хочет встретиться с вами тем же вечером, когда он звонит, вам нужно ответить «нет», потому что это означает, что он вас не уважает. И если он приглашает вас куда-то во вторник, это знак, что на субботний вечер у него планы получше.

Пытаться поспевать за всеми этими изменениями намного тяжелее, чем отслеживать дебаты в Конгрессе относительно вопроса здорового образа жизни. Это как минное поле — один неверный шаг и твой член контужен на долгое время. Но если затащить в постель было бы так легко, все только это бы и делали. Это... и скорее всего, больше ничего.

Что наводит меня на следующую мысль: я знаю, что феминистки часто жалуются на то, что мужчины захватили всю власть. Но как только дело касается свиданий — в Америке, по крайней мере? Здесь другое дело. В барах, в выходные дни, здесь выбирают дамы. Здесь они выбирают лучшее из того, что есть, потому что одинокие мужчины никогда не откажут тому, кто с ними заигрывает.

Представьте: грохот музыки, трение тел, совсем не страшная девушка подходит к парню, чтобы выпить у бара. Она говорит: «Я хочу трахнуть тебя до потери сознания». Он отвечает: «Нееет, сегодня вечером у меня нет настроения для секса». НИКОГДА НИ ОДИН МУЖЧИНА ТАК НЕ СКАЖЕТ.

Девичам никогда не стоит волноваться о том, что их отошьют — до тех пор, пока мужчине это по карману. Им не надо переживать насчет того, когда им повезет кого-нибудь подцепить. Для женщин секс — это закусочная «съешь, сколько сможешь» — им просто нужно выбрать себе блюдо. Бог создал мужчину с сильным половым инстинктом, чтобы обеспечить выживание вида. Будьте плодовиты и размножайтесь и все такое. Для таких парней, как я, которые знают, какого хрена они делают, это не так уж и трудно. Но для моего не такого уж опытного брата, это может оказаться непосильной задачей.

Меня окатывает легкой волной адреналина, когда я поднимаю телефон, чтобы набрать номер телефона с визитки. То, что я чувствую, это не нервозность, скорее... осторожное предвкушение. Стучу ладонью по колену вместе с *Enter Sandman* Металлики, а в желудки все сжалось от гудков в телефоне.

Я думаю, она меня вспомнит — ведь я произвел особое впечатление, как ни как, я считаю, что она согласится встретиться — может даже с особым рвением. Вот чего я не ожидал, так это то, что от ее голоса у меня лопнут перепонки, когда она кричит:

— Нет, придурок, я больше не хочу слышать ту песню! К чертям собачьим, позвони Кейт, если тебе нужны слушатели!

Я немного отвожу трубку от своего уха. И проверяю номер, чтобы убедиться, что номер набран правильно. Правильно.

Тогда я говорю:

— Ммм... здравствуйте? Это Ди?

Следует пауза, когда она понимает, что я не тот придурок.

Потом она отвечает:

— Да, это Ди. А это кто?

— Привет, это Мэтью Фишер. Я работаю с Кейт — мы встречались сегодня днем.

Еще одна короткая пауза, а потом ее голос смягчается.

— О, да, Мальчик-клитор, так?

Я усмехаюсь, не до конца уверенный, что мне нравится это прозвище, но, по крайней мере, я отличился. Внимание: надо воспользоваться этой репликой еще раз.

— Это я.

вернуться

6

ведущий кулинарного шоу

— Извини, что наорала. Мой брат просто задрал сегодня.

Мой член дергается от такого высказывания, и мне приходится себя сдерживать, чтобы не предложить ей поменяться местами с ее братом.

— Что я могу для тебя сделать, Мэтью Фишер?

Мое воображение сходит с ума. Становится подробным. *О, что же она может для меня сделать...*

На какой-то момент я задумываюсь, говорит она так специально или это просто от возбуждения.

Я перестраховываюсь.

— Я хотел узнать, не хотела бы ты как-нибудь со мной куда-нибудь сходить? Чего-нибудь выпить?

Давайте остановимся прямо здесь. Потому что, не смотря на мои недавние жалобы о современных сложностях, с которыми сталкиваются мужчины, когда пытаются кого-то

подцепить, я чувствую свой долг обучить остальных, оповестить остальных о том, как расшифровать язык парней. Думайте обо мне, как о более мускулистой версии Эдварда Сноудена или Джулиана Ассанжа. Может, мне сделать свой собственный веб-сайт — я бы назвал его ЧленУтечка. Если задуматься, то название дерьмовое. Звучит, как симптом венерического заболевания.

Помните ментальную игру «трахни, убей, женись», про которую я говорил раньше? Если парень приглашает вас пропустить по стаканчику или просто провести вместе время, это однозначно категория «трахни». Нет, не спорьте, — это правда. Если парень приглашает вас на свидание или обед, может, даже в кино, возможно, вы в категории «трахни», но у вас есть потенциал и для другой категории.

Не надо отвечать на предложение парня, основываясь на этой информации; просто подумал, что вам стоит это знать.

Теперь вернемся к телефонному разговору.

Я слышу улыбку в ее голосе, когда она принимает мое приглашение.

— Я всегда готова к чему-нибудь выпить.

Готова. Еще более сексуальный намек. Определенно, это не мое воображение. Я *так* хочу секса.

— Класс. Ты свободна в пятницу?

Тишина обрушивается на мой слух, до того момента, как она предлагает:

— Как насчет сегодня вечером?

Ух ты. Наверно, Долорес Уоррен пропустила ту главу, где требовали предварительное уведомление за два дня до всех предложений переспать.

Мне повезло.

А потом она продолжает:

— Ну, знаешь, может произойти обрыв связи, или нехватка воды, или инопланетяне наконец решат на нас напасть и превратить в рабов все человечество...

А вот такого я еще не слышал.

— Потом хрен нам так повезет. Зачем ждать до пятницы?

Мне нравится, как эта девушка рассуждает. Как говорится в пословице: «Не откладывай на завтра того, кого ты можешь оприходовать сегодня». Или... что-то в этом роде.

— Сегодня вечером мне подходит, — с готовностью соглашаюсь я. — Во сколько?

Некоторым девушкам нужна вечность и еще один день, чтобы собраться. Это, охренеть, как раздражает. Пойти в спортзал или на пляж? Нет необходимости тратить много времени, чтобы подготовиться, дамы.

— Если через час?

Два очка в пользу Ди — классная грудь и неприхотлива в обслуживании. Думаю, я влюбился.

— Звучит отлично, — говорю ей я. — Какой у тебя адрес? Я тебя подберу.

У меня в доме есть приватная парковка для арендаторов. Куча Нью-Йоркцев тратит тысячи долларов в месяц на парковочные места — только чтобы не ездить на своих автомобилях из-за загруженного движения. Автомобильные заторы меня не пугают; я всегда выезжаю с запасом. Я еду на Дукати Монстер 1100 S, изготовленном на заказ. Я не стремлюсь кого-нибудь поцарапать и присоединиться к мотоциклистам, убегающих с места аварии и все такое, но езда на мотоцикле — это еще одно мое хобби. Немногие вещи в жизни могут сравниться с потрясающим чувством, когда ты мчишься по пустой дороге в ясный свежий осенний день, когда листья только начинают менять свой цвет. Это настолько близко к полету, насколько возможно почувствовать человеку.

Я выезжаю на мотоцикле при любой возможности. Иногда девчонки жалуются на холод или что их волосы путаются — но когда все сказано и сделано: Девушки тащатся по мотоциклам.

Долорес отвечает:

— Ммм... а что если я встречу с тобой?

Умный ход для одинокой женщины. Это как вы не хотите давать номер своего страхования через интернет, или как вы не даете свой адрес человеку, которого едва знаете. Мир — жесток, и женщинам, в особенности, необходимо делать все, что в их силах, чтобы эта жестокость не подобралась к их порогу.

Но, к сожалению, это также значит, что байк сегодня остается дома. Печально.

— Давай так.

Прежде чем я предлагаю место встречи, Ди берет инициативу в свои руки.

— Ты знаешь Stitch's, на западе Тридцать-седьмой?

Я знаю. Это скромное местечко, с хорошей выпивкой, живой музыкой и удобными диванами. Так как это вечер среды, оно не будет переполнено, но ни один бар в Нью-Йорке никогда не пустует.

— Да, я его знаю.

— Отлично, увидимся там через час или где-то так.

— Прекрасно.

После того, как вешаем трубку, я не начинаю сразу же одеваться. Я не капризный в своей одежде, как некоторые полу-асексуальные профессионалы, но я и не неряха также. Я могу собраться за семь минут ровно. Так что я достаю из портфеля папку и использую дополнительное время на то, чтобы закончить работу, читая, что я и планировал сделать перед сном. Потому что, скорее всего я не скоро доберусь еще до постели — а когда доберусь, я уж точно не окажусь там один.

ГЛАВА 3

В Stitch's я приезжаю рано. Пью в баре пиво, а потом выхожу на улицу, чтобы покурить. Да, я курю. Тащите сюда молоток с гвоздями, чтобы меня распясть.

Я понимаю, что это вредно. И мне не надо видеть внутренние органы пациентов, больных раком на той противной рекламе, чтобы понимать, что это плохая привычка — *спасибо Вам, Мэр Блумберг*. Обязанность выходить наружу не заставит меня бросить курить — это всего лишь меня раздражает. Это неудобно, но совсем не предотвращает курение.

Но я забочусь о других. Я не бросаю окурки на дорогу, не дымлю в присутствии пожилых или детей. Александра в прямом смысле слова ломает мне шею, если я закурю где-нибудь рядом с Маккензи. Без преувеличений.

Да, я планирую бросить... постепенно.

Но на данный момент времени, долговременный вред, что я наношу своим легким стоит на втором месте после того факта, что мне нравится курить. Мне от этого хорошо. Все вот так просто. Можете оставить соленые крендельки, что подают в баре себе, потому что к холодному пиву нет ничего лучше сигареты. Это то же самое, что старые добрые сэндвичи с арахисовым маслом, что делала мама.

Я тушу свою сигарету об стену здания и выкидываю ее в урну на улице. Потом закидываю в рот леденец. Потому что — как я уже сказал — я забочусь о других. Я не знаю, нравятся ли Ди парни, которые курят или нет, но никому не захочется просунуть свой язык в чужой рот и ощутить вкус пепельницы. И заполучить язычок Ди себе в рот... среди прочих мест... точно входит список дел для сегодняшнего праздника.

Я возвращаюсь в бар и заказываю еще пива. Разворачиваюсь и вижу, как открывается входная дверь. Смотрю, как она заходит.

Думал ли я о том, что Долорес горячая штучка, когда встретил ее сегодня днем? Надо бы проверить свое зрение. Потому что она просто отпад.

Ее светлые волосы пшеничного оттенка распущены и завиты на концах, на голове черный ободок, который убирает волосы назад, открывая ее лицо. На ней черный пиджак по типу смокинга, под низ которого надет белый топ с глубоким вырезом. Коротенькие белые шорты, которые едва выглядывают из-под края пиджака, открывая длинные, загорелые ноги. Она завершает свой образ белыми высоченными шпильками. Красная помада делает акцент на ее губах.

Она шикарна — великолепна до безумия. Поместите ее на черно-белое фото, и она может с легкостью оказаться в компании Кельвин Кляйн. Ее визитка — это не Золотой Билет Чарли — это лотерея — и я только что выиграл джек-пот.

Она оглядывает зал и замечает меня. Я машу ей рукой, спокойно. Она улыбается в ответ, обнажая ровные, сияющие зубы.

— Привет, — говорит она, когда подходит.

— Привет — этот пиджак смотрится на тебе великолепно.

Вы не можете ошибиться, начав с комплимента. Девушкам они нравятся.

Ее улыбка становится шире, когда она дразнится:

— Дай-ка угадаю — «Но без него я выгляжу лучше?»

Я усмехаюсь.

— Я не собирался этого говорить. Никогда бы не стал говорить такую банальность. — Потом я пожимаю плечами. — Я собирался сказать: «Он бы смотрелся еще лучше на полу моей спальни».

Из ее горла вырывается звучный гортанный смех.

— Угу — здесь, конечно, нет ничего банального.

Я отодвигаю барный стул, и она садится.

— Что будешь пить? — спрашиваю я.

Незамедлительно, она отвечает:

— Мартини.

— Грязный [7]?

— Я люблю мартини, такой же, как и секс. — Флиртуя, подмигивает она. — Грязный всегда лучше.

Все, теперь я точно влюбился.

К нам подходит бармен, но прежде, чем я успеваю заказать для нее выпивку, Ди начинает раздавать определенные инструкции того, как она хочет, чтобы ей приготовили мартини.

— Две унции джина, побольше вермута, чуточку оливкового сока...

Бармен с детским личиком в клетчатой рубашке, которому на вид не больше двадцати одного, кажется, растерялся. Ди тоже это замечает и поднимается.

— Знаете, я просто покажу Вам — так будет легче.

Она поворачивается, садится на барную стойку и перекидывает через нее ноги — а я в это время пытаюсь украдкой взглянуть на ее шорты. Если на ней и есть нижнее белье, наверно это стринги.

Мой член переваривает эту информацию, упираясь мне в джинсы, надеясь увидеть все своими глазами.

Ди встает с обратной стороны барной стойки и быстро смешивает себе напиток, объясняя каждый шаг невозмутимому бармену. Она подбрасывает оливку в воздух и умело ловит ее ртом, перед тем, как опустить зубочистку с двумя оливками в бокал с прозрачной жидкостью.

Она ставит его на барную стойку и показывает на него рукой.

— И вот, отличный Грязный Мартини.

Я всегда думал, что можно много рассказать о человеке по тому, что он пьет. Пиво — расслабленный, беззаботный, или «дешевка», в зависимости от марки пива. Любители

коктейлей из вина обычно бывают инфантильные или тоскующие. Употребляющие Кристал или Дон Савиньон — выпендрожники и слишком сильно старающиеся произвести впечатление — есть много сортов шампанского, которое такое же дорогое и изысканное, но они менее известные.

Что же мне говорит о Ди ее напиток? Она не проста, с очень специфичным, но утонченным вкусом. И она прямолинейна, смела, но без стервозности. Она из тех девушек, что отправит свой стейк назад повару, если окажется, что он неправильно приготовлен, и сделает это так, что официанту при этом не захочется плюнуть ей в еду.

Бармен приподнимает свои брови и одаривает меня дружеским взглядом.

— А с ней не соскучишься, приятель.

Ди перелазит через стойку назад, когда я говорю:

— По всей видимости, да.

Когда Долорес снова садится на высокий стул, я комментирую:

— Это было впечатляюще. Значит, я так вижу, что ты любишь контролировать все до мелочей, а?

Она отпивает свой коктейль.

— Я была барменом, когда училась в колледже — поэтому я так щепетильно отношусь к алкоголю.

Я пью свое пиво и перехожу к разделу легкой беседы сегодняшнего вечера.

— Кейт говорит, что ты химик. Какого это?

Она кивает.

— Это, как играть с набором по химии каждый день и получать за это деньги. Мне нравится делать анализы — разбивать вещи на мелкие кусочки — потом смешать их. Смотреть, с какими веществами они реагируют хорошо... или не хорошо. Случаи, где не хорошо, могут быть довольно забавными. В некотором роде заставляет меня чувствовать, будто я в команде саперов.

Она помешивает свои оливки в стакане.

— А ты — банкир?

Я киваю.

— Более или менее.

— Звучит не очень весело.

Я наклоняю голову слева направо, пока обдумываю ее комментарий.

— Смотря, как на это посмотреть. Некоторые сделки — это игра с большими ставками. Делать деньги — никогда не бывает скучно.

Ди поворачивается на своем стуле, чтобы быть ко мне лицом.

Язык тела очень важен. Как правило, движения человека подсознательны, но понимание чувств, которые за этим скрываются, может либо привести вас к Земле Обетованной, либо запереть небесные врата прямо перед вашим носом. Если девушка складывает свои руки на груди или отклоняется назад — обычно, это означает, что вы напираете слишком сильно или она просто не заинтересована в том, что вы ей впариваете. Зрительный контакт, раскрытые руки, полное обращение к вам лицом — это все знаки того, что она с вами чувствует себя свободно — и ей хочется большего.

Она бегло окидывает меня взглядом, с головы до ног.

— Ты не выглядишь, как банкир.

Я улыбаюсь.

— А как выглядят банкиры?

Она сканирует взглядом других клиентов у бара и на диванчиках. Останавливается на лысеющем парне среднего возраста в дешевом костюме, склонившись над своим двойным скотчем. По его выражению лица можно было сказать, что он потерял все свои сбережения во время краха фондовой биржи.

Ди показывает на него своим пальчиком с темно-красным маникюром.

— Он.

— Он выглядит, как гробовщик. Или педофил.

Она хихикает и осушает свой мартини.

Наклоняясь к ней поближе, я спрашиваю?

— Если не банкир, то на кого я тогда похож?

Она медленно улыбается и снимает зубами оливку с зубочистки.

— Ты похож на танцора Чиппендейл.

Сказочный ответ. На самом деле мне не стоит вам объяснять почему, ведь так?

Тихим соблазнительным голосом я говорю:

— У меня есть несколько классных движений. Если с банком не срстется, Чиппендейлы — это план Б.

Я машу бармену, чтобы он налил нам еще по одной. Долорес внимательно наблюдает за его работой, и, должно быть, он хорошо с ней справляется, потому что когда он ставит перед ней выпивку, она улыбается.

Потом она говорит мне:

— Значит... твой приятель Дрю — он не дает житья моей девочке. Не очень умно.

— У Дрю странная тяга к соперничеству. Бизнес от этого выигрывает, но его также это раздражает. Кейт тоже не дает ему спокойно жить. Она сама выкладывается в офисе по полной — думаю, она сможет за себя постоять.

— Что ж, можешь со спокойной совестью ему сказать, чтобы он следил за каждым своим шагом. Я очень сильно забочусь о Кейт — мы, уроженцы Огайо, держимся вместе.

— Но сейчас вы в Нью-Йорке. Здесь мы «Каждый, нахрен, сам за себя». Это второй девиз штата — сразу после «Город, который никогда не спит».

Когда она смеется, у нее светятся глаза. И я думаю, что первый стакан торкнул ее хорошенько.

— А ты забавный, — говорит она мне.

Раздраженно, я склоняю голову набок:

— Супер. *Забавный*. Именно это хочет услышать каждый мужчина.

Она снова смеется, а я поражен тем, насколько мне это нравится. Ди Уоррен — классная девчонка — прямолинейная, остроумная, смешная. И если даже, в конце концов, мне не удастся ее уложить в постель, вечер все равно не будет впустую.

Но это совсем не значит, что я не умираю от желания утащить ее отсюда и посмотреть, что же там — или, предпочтительнее, чего там нет — под этими крошечными шортиками. Но это будет как слой глазури на уже итак охрененном торте.

Я снова меняю курс в сторону разговора о пустяках.

— Ты с Огайо?

Она пробует свою выпивку и кивает:

— Да, родом из Тьмытараканий, США.

— Мммм, не любишь свой родной город?

— Нет, в Гринвилле было здорово расти, но это как Отель Калифорния. Люди туда въезжают, но практически никогда оттуда не съезжают. Если все, что ты хочешь от жизни, это выйти замуж и нарожать детей, это то самое место. Но... это не то, что я искала.

— А чего ты ищешь, Ди?

вернуться

7

Грязный Мартини — коктейль

Она немного думает, прежде чем ответить.

— Я хочу... жизни. Новизны. Открытий. Изменений. Вот почему я так сильно люблю этот город. Он живой — никогда не застаивается. Ты можешь пройти через квартал, а потом пройти через

него неделю спустя, и там все будет по-другому. Новые люди, новые виды, новые запахи — запахи, которые не всегда приятны, но это не такая уж и большая плата.

Я усмехаюсь.

А потом она продолжает.

— Мама часто говорила, что я напоминала ей собаку на поводке, которая так и не научилась подчиняться. Вечно натягивала поводок, куда-то рвалась. Есть одна песня, слова которой мне нравятся: «Не надо мне простых путей, я хочу безумств». — Она чуть смущенно пожимает плечами. — Это про меня.

Все, что она сказала — то же самое люблю и я в своем городе, в котором вырос. Жизнь слишком коротка, чтобы осторожничать, чтобы оставаться прежним.

Жужжит мой телефон, но я его игнорирую. Проверять свой телефон во время разговора, даже если ты с девушкой на одну ночь, — просто грубо. Плохой тон.

Ди спрашивает о моем знаке зодиака, но я уговариваю ее сначала назвать свой. Некоторые люди реально заморачиваются с этими знаками — пару раз от меня в ужасе сбежали Лев и Водолей после того, как узнали, что я Козерог. С тех пор я не особо рассказываю о своей дате рождения, если потребуется.

В данном случае, обошлось. Ди — Скорпион, который в постели с Козерогом должен быть очень горячим. Лично я думаю, что все это фигня. Но если ты хочешь играть, ты должен знать правила игры. Включая возможные фолы.

Ди медленно пьет свой коктейль, когда разговор перетекает к семье и друзьям. Не вдаваясь в подробности, она рассказывает мне про Билли, ее скорее брата, чем кузена, и ее незамужнюю мать, которая растила их обоих. Она упоминает о своей многолетней дружбе с Кейт Брукс и несколько на удивление рискованных моментов из их подростковой жизни, которые слишком неловкие, чтобы не упомянуть про них Кейт завтра в офисе.

Я рассказываю ей о Дрю и Стивене и Александре, и что когда мы вместе росли, меня спасало это от ощущения, что я единственный ребенок в семье. Рассказываю ей о прикольной четырехлетке, с которой я знаком, Маккензи, и что будь моя воля, я бы проводил с этим ребенком каждый день.

Проходит уже два часа к тому времени, как я заканчиваю свое четвертое пиво. Когда Ди уходит в туалет, я вытаскиваю свой телефон.

У меня шесть сообщений. И все они от Стивена.

Черт. Call of Duty. Я забыл.

Все они с разной степенью паники. Хотите посмотреть?

Друг, ты опаздываешь, начинаю без тебя.

**

Ну, давай же, дружище. Я в дерьме и в меньшинстве. Где тебя черти носят?

**

Где эта чертова поддержка с воздуха? Мои парни здесь погибают!

**

Не собираюсь вот так уходить — потащу за собой столько, сколько смогу. Аааааа!

**

Спасибо тебе большое, придурок. Я мертв. Только мелькни в моем окне. Я последую за тобой.

И, наконец, последнее, в котором:

Говнюк.

Я громко смеюсь и посылаю ему извинения, говоря, что кое-что вдруг произошло. Стивен великолепно читает между строк:

Ты имеешь в виду, что твой член вдруг произошел. Что случилось с тем, что братья вперед шлюх? Ты мне должен. И я жду расплаты, которая будет в форме присматривания за моей дочерью, чтобы я смог куда-нибудь сводить свою жену... или, наоборот, остаться дома ;)

Лично я думаю, что он проводит со своей женой вот так слишком много времени — как это и видно из подмигивающего смайлика в его сообщении.

Ди возвращается и встает рядом с моим стулом.

— Хочешь убраться отсюда?

Да, пожалуйста.

Широко улыбаясь, я отвечаю:

— Непременно. Хочешь, поедem ко мне? Хочу показать тебе вид.

Она поглядывает на мой пах:

— Что это будет за вид?

— Тот, на который тебе не захочется перестать смотреть, малыш.

Она ухмыляется.

— Я думала скорее о танцах.

— Тогда у нас мысли сходятся. Горизонтально — мой любимый танец.

Она проводит рукой вверх по рукаву моей черной рубашки.

— Вертикальный танец — замечательная прелюдия — придает настроения. За углом моего дома есть один клуб. По средам у них клевый ди-джей. Хочешь пойти со мной, Мальчик-клитор?

Кладу свою руку поверх ее и поглаживаю ее большим пальцем.

— Не думаю, что мне нравится это прозвище.

Она безразлично пожимает плечами.

— Очень жаль. У тебя больше не будет шанса произвести на меня первое впечатление. Ты Мальчик-клитор до тех пор, пока не заставишь меня думать о тебе иначе.

Я наклоняюсь к ней ближе. Кожа ее груди покрывается мурашками, когда мое дыхание щекочет ей ухо.

— К концу этой ночи, я заставлю тебя называть меня Богом.

Ее дыхание чуть ускоряется, и пульс на ее шее начинает биться сильнее. Мне хочется прижаться к тому месту губами, присосаться к ее коже и почувствовать ее вкус.

Но такого шанса мне не выпадает.

Долорес делает шаг назад, ее янтарные глаза практически светятся от предвкушения. И она командует:

— Ты платишь по чеку, я ловлю такси.

Женская независимость — чертовски сексуальна. Только неуверенные в себе лузеры тащатся по бабам, которые липнут к ним, словно они воздух, который им так необходим. Хотя и ясно, что Долорес твердо стоит на ногах, мне нравится, что она разрешает мне оплатить счет. В любом случае, я бы на этом настоял. Открыть дверь, оплатить счет: это не насмешка в сторону способностей женщин. Иногда просто парням хочется вести себя старомодно.

Разрешите нам это.

Думайте об этом, как об осознанной предоплате за наш будущий провал, который по большей части гарантирован.

Я расплачиваюсь с барменом и присоединяюсь к Ди, которая стоит рядом со ждущей тачкой. И — только посмотрите — Долорес протягивает руку и открывает для меня дверь такси. Ее глаза игриво сверкают, отчего я начинаю подозревать, что она читает мои мысли. Я просто улыбаюсь, благодарю ее и забираюсь внутрь.

Клуб, который предложила Долорес, называется Greenhouse, в Сохо. Хотя я о нем и слышал, это первый раз, когда я переступаю его порог. Удивительно, но там полно народу. Стены у бара

и потолок покрыты мхом и подсвечены голубым, красным и зеленым светом. Танцпол оформлен, как пещера, со свисающими с потолка кристаллами голубого, фиолетового и розового оттенка. Здесь тусклый свет — мрачный — отлично подойдет для того, чтобы заняться чем-нибудь непристойным у стены. Это все пригодится потом.

Громко играет музыка, слишком шумно, чтобы вести разговоры, но мне это подходит. Разговаривать приятно, но действовать — лучше. Мы берем выпивку и занимаем столик рядом с танцполом. Ди делает глоток из своего стакана, и ставит его на стол, и одаривает меня сексуальной «зацени это» — улыбкой, прежде чем отправится танцевать.

Я усаживаюсь за стол, удобно разваливаюсь в кресле, готовясь пока просто следить за ней взглядом. Она закрывает глаза и начинает качать головой в такт музыке. Ее бедра качаются, а руки над головой. Голубой и розовый свет струится над ее волосами — освещая ее сверху — от чего она выглядит волшебно. Музыка становится быстрее, громче, и Ди не отстает. Она двигает плечами и задом, сгибает колени и приседает к полу, прежде чем снова подняться вверх.

Она знает, как надо двигаться, и от этого мне хочется ее еще больше. Я оглядываюсь вокруг и замечаю, что Долорес привлекает внимание нескольких парней — если не сказать всех парней — в клубе. Они с одобрением наблюдают, как она танцует, скользкая улыбочка на их лицах, а глаза сверкают надеждой трахнуть ее.

Обычно я не испытываю собственнических чувств. Я и раньше ходил с девушками в бар, и иногда заканчивалось все тем, что мы уходили порознь с кем-нибудь еще. Это обычное дело.

Но в данный момент, я сжимаю кулаки, готовый прижать к стене первого же придурка, который попытается приблизиться к Долорес, и вышвырнуть его на улицу. Меня уже раздражает, что они просто смотрят на нее — что она кормежка для их несбыточных мечт и похотливых желаний.

Может, я чувствую себя так, потому что еще с ней не переспал. Может, я просто не хочу делиться десертом, который не попробовал еще сам.

Или, может, это потому что Долорес Уоррен просто... другая... в том смысле, в котором я не могу объяснить. Мне нравится то, что я о ней знаю — очень — и есть часть меня, в которой я сознательно еще не признался, и которая жаждет знать о ней больше.

Музыка сменяется, когда я встаю. Из колонок льется “Wake me up” Авичи и заливает все пространство. Толпа одобряюще подпевает. Я иду на танцпол, прямо к Долорес.

Начало песни медленное, с гитарной акустикой. Ди ритмично двигает своим телом из стороны в сторону, ее длинные волосы колышутся, оголяя ее шею. Я встаю позади нее, и одной рукой обнимаю ее за талию, кладя свою ладонь ей на живот, поверх ее пиджака — нежно прижимая ее к себе.

На долю секунды она напрягается, открывает глаза и поворачивает голову на бок. Потом она видит, что это я. И улыбается.

Ее тело расслабляется, спина прижата к моей груди, и я наклоняюсь вперед, прижимаясь к ней сильнее. Ее попа отлично устраивается против моего члена, который тут же твердеет, как только она начинает танцевать.

Думаю, она это чувствует — должна чувствовать.

Она наклоняется вперед, чуть сгибая тело, и по кругу двигает бедрами, создавая трение как раз там, где мое тело просто молит о контакте.

Чертовски фантастичное ощущение.

Я сгибаю колени и двигаюсь в такт музыке, хотя и полностью сосредоточен на Ди.

Я не собираюсь хвастаться... ну, ладно... я буду хвастаться. Я хорошо танцую. Это то же самое, что секс — найти правильный ритм, двигаться в такт со своим партнером и отвечать взаимностью.

Я любому вырву язык, кто об этом проговорится, но когда я был ребенком, моя мама заставляла меня брать уроки танцев. Дрю, Стивен и я — все занимались. Слава богу, это были танцы не в ярких, блестящих костюмах, а бальные танцы. Это было за год или два перед первым балом Александры. Да — в нашем социальном круге, девушки посещают балы, и уметь танцевать — это обязанность. Мы все это ненавидели. У меня и Дрю был подробный план, как сбежать и жить в Музее естественной истории до тех пор, пока минует опасность, но план не сработал.

Тем не менее, как бы печально это ни было, сейчас я благодарен за те уроки. Потому что ребенок, который умеет танцевать — это как-то по-бабски, но мужчина, который умеет танцевать — это успокаивающе-изощренно.

Для клубного хип-хоп танца, вам нужен некий естественный ритм, что-то, что напрочь отсутствует у бедного сукиного сына Стивена. Но для такого парня, как я, с неким врожденным умением и вышеупомянутыми тренировками? На танцполе я бог.

В песне в свою часть вступает синтезатор — быстрее, более первобытно, с сильными звуками басов. Ди выпрямляется и обвивает меня руками за шею, стоя ко мне спиной. Одна моя рука лежит на ее бедре, крепко ее удерживая, когда я делаю толчки против нее. Другой рукой залезаю ей под пиджак, к упругой, теплой коже ее живота.

Я чувствую вибрацию ее стоны, когда провожу рукой все выше.

Когда музыка снова становится медленней, Ди поворачивается ко мне лицом. С ее каблуками, наши лица почти на одном уровне. Я утонул в темном омуте ее глаз, когда певец подвывает о путешествиях по всему миру, оставаясь молодым, и добываясь любви.

Биты снова набирают силу, но мы смотрим друг другу в глаза. Трение тел, горячих и в изнеможении. Мои пальцы впиваются в попку Ди, прижимая ее к себе еще крепче.

К тому моменту, как певец начинает петь о том, что он не знает, насколько потерян он был, пока не обнаружил, чего ему не хватало, ладони Ди ласкают мое лицо. Это так нежно и сокровенно.

Так значимо.

Я опускаю голову и прижимаюсь своими губами к ее. И она отвечает мне взаимностью, открываясь мне — теплая и влажная — принимая все, что я готов ей предложить, целуя меня в ответ с тоже пылкостью. Я обнимаю ее двумя руками, позабыв о танце. Одна рука остается лежать на ее пояснице, в то время как другая зарывается в мягкость ее волос, когда наши губы двигаются в унисон. Руками она цепляется за мои плечи, сжимая их, притягивая меня к себе.

С вами когда-нибудь было такое, что вы себе думаете, что вот этот момент все изменит? Что жизнь поделится на двое, на «до» и «после»?

Многие люди нет. Они слишком поглощены моментом, чтобы понять важность того, что происходит.

Вот так и у меня.

Но, теперь, оборачиваясь назад — это было оно. Тот первый, обжигающий, идеальный поцелуй. Этот был момент, который предопределил всю мою жизнь. И после этого, ничего уже не будет, как прежде.

ГЛАВА 4

Мы идем назад в квартиру Ди. Хотя правильнее будет сказать — плетемся, спотыкаясь.

Секс «на сухую» тоже бы подошло.

У меня безграничная потребность целовать ее каждые несколько шагов — притягивать ее к себе, или прижимать ее к стене дома, чтобы получить то, что мне было так необходимо. И она далеко не пассивна — впивается своими ноготками в голую кожу моего живота, погружает свои руки в мои штаны, чтобы сжать мой зад. Мы как два подростка под действием гормонов, обжимающихся в школьном коридоре, которым плевать, если их подловят.

Постепенно мы подбираемся к двери ее квартиры. Я стою позади нее, пока она ковыряется с двойным замком — впиваюсь пахом в ее попку, захватывая в ладони ее обе груди, массируя и дразня эти великолепия. Когда мы оказываемся внутри, Ди бросается на меня, вставая на носочки, чтобы наградить меня ярким, влажным поцелуем с языком. Ее руки в моих волосах, которые на время останавливаются, чтобы я мог стянуть пиджак с ее тела. Потом я наклоняюсь и быстренько расправляюсь с ее малюсенькими шортиками, оставляя Ди лишь в белом топе и стрингах, с маленьким кружевным треугольником.

Я думал, что Долорес была прекрасно одета, но раздетая — она захватывает дух. Длинные стройные ноги, узкие бедра, плоский живот с такой нежной кожей, которая так и ждет ласки. Она хорошо сложена, у нее тело йога — стройное с упругими мышцами. Стоя на коленях, я расстегиваю свою рубашку. Ди нагибается и стягивает ее с меня, с одобрением проводя рукой по моей спине.

— Боже, ты чертовски горяч, — вздыхает она.

Уже новое прозвище, и я еще даже не заставил ее кончить. *Я крут.*

Не останавливаясь, широко расставляю ее ноги, чтобы устроиться между ними. Спиной она прислоняется к стене, что позади нее. А я прижимаюсь открытым ртом к ее влагилицу, покрытому клочком ткани. Долорес вздергивает подбородок и начинает причитать. У нее сладкий запах, фруктовый, чуть пряный — как спелое яблоко с привкусом корицы. Я стягиваю белье с ее тела, желая полного контакта. Своим влажным, горячим языком я прокладываю дорожку по ее полоске светлых волос, а потом спускаюсь ниже, чтобы облизать и покусать губами край ее киски. Покончив с подогревом, я погружаюсь в нее, омывая и посасывая, заставляя ее хныкать и дергаться.

Я не гордил чушь, когда сказал, что знаю толк в клиторах. Большинство парней считают, что прямой переход к горячему местечку — это самое лучшее, но они ошибаются. Слишком сильное давление, плюс скорость — не очень приятно, может даже быть дискомфортно для женщины. Вам надо его подразнить, стимулировать постепенно, пока он не станет твердым, не станет молить о ласках. Как только Ди достигает пика, я пальцами раскрываю ее губы и языком танцую с ее натянутым узелком.

Она кричит — с облегчением и блаженством. Я облизываю ее с большей силой, вверх и вниз, не прерывая контакта, а потом вхожу двумя пальцами в ее влажную, сжимающуюся киску. Она совершает толчки бедрами против моего лица, а ее руки удерживают меня на месте, когда она кончает с громким стоном.

Со звуком тяжелого дыхания Ди в моих ушах, я поднимаюсь и одной рукой обнимаю ее за талию. Она оседает в моих руках, пошатываясь от испытанного наслаждения. Я отрываю ее ноги от пола, но, кажется, у нее нет сил, чтобы обвить их вокруг меня. Ее губы ищут мои, она цепляется руками за мои плечи.

— В спальню? — спрашиваю я ее между поцелуями.

— Последняя дверь налево.

Мои напряженные ноги несут нас обоих в комнату. Когда я вхожу, я не осматриваюсь по сторонам, не обращаю внимания на декор — все мои чувства сосредоточены лишь на Ди и моем собственном неистовом желании. Немного отойдя от своей оргазмо-комы, Долорес садится на край кровати и манит меня к себе своими молящими янтарными глазами. Удерживая мой взгляд, она расстегивает мои штаны — слышны только звук расстегивающейся ширинки и наше учащенное дыхание. Она спускает штаны вниз, и я выхожу из них. Она смотрит на меня жадным взглядом, как кладоискатель в страстных поисках награды.

Мой член во всей красе — длинный, толстый, изнемогает от желания. Долорес облизывает свою ладонь.

И это самое сексуальное из того, что я когда-либо видел. Смело и бесстыдно.

Потом она обхватывает мой член своей скользкой и горячей рукой, сжимая его крепко, нежно подергивая. Ядвигаюсь ближе, в действительности, не думая ни о чем, а Ди воспринимает это как знак, чтобы пустить в игру свой язычок. Я наблюдаю за тем, как она лижет меня от основания к кончику, вода им по крайней плоти, прежде чем полностью принять его в рот — так глубоко, что я чувствую заднюю стенку ее горла.

У меня закрываются глаза. Я начинаю ворчать и непристойно выражаться, и молить о большем. Ди меня не разочаровывает — захватывает меня полностью, а потом выпускает из своего охрененного рта снова и снова. Но когда она берет в руку мои яйца — перебирая их, сжимая их, осторожно их оттягивая — мне приходится нажать на тормоза. Боюсь, что я сейчас взорвусь — а у меня достаточно много идей, чтобы позволить случиться этому сейчас.

Хватаю и сжимаю в кулак ее волосы и отстраняюсь от нее. Потом наклоняюсь и целую ее так, что в моих ушах бурлит кровь. Она ложится на спину и утягивает меня за собой до тех пор, пока мы не оказываемся живот к животу. Я срываю с нее остатки ткани ее топа и сбрасываю их вниз, открывая пышную шикарную грудь.

И на одной мерцает бриллиантовый пирсинг.

Ахреть.

Мой член становится тверже, изнывая от такого вида. Я атакую ее груди, как ненасытное животное — посасывая и покусывая, хватая и потягивая их своим руками. Мой рот накрывает ее проколотый сосок, пробуя на вкус холодный металл и жаркую плоть. Зажимаю его своим зубами и смачиваю языком. Ди изнывается подо мной и хнычет, царапая мою спину своими коготками, оставляя обжигающие сладострастные следы.

— Трахни меня, Мэтью, — изнывает Ди. — Мне надо, чтобы ты меня трахнул, сейчас.

В один миг, я вынимаю из бумажника презерватив и натягиваю его в рекордное время. Схватив ее за лодыжки, я тяну ее к себе, так, чтобы ее задница была на краю кровати. Медленно я прикасаюсь кончиком своего члена к ее жаждущей киске, дразня ее у самого входа.

Потом я смотрю ей в глаза и спрашиваю:

— Как... как тебе хочется?

— Жестко, — стонет она. — Жестко и глубоко. Я хочу чувствовать каждый чертов дюйм тебя внутри себя.

Я вхожу в нее жестко, так глубоко, как только могу. Спина Ди дергается на кровати, и она кричит:

— Да! Пожалуйста... да.

Медленно, я выхожу, до тех пор, пока в ней не остается лишь головка, потом толчком вхожу обратно, делая бедрами круговые движения, потираясь об ее клитор, когда погружаюсь в нее по самые яйца.

Это чистой воды наслаждение — первобытная страсть, голод на уровне инстинкта.

Я держу ритм, который так нужен Ди, с каждым толчком трахая ее до потери сознания. До тех пор, пока она не начинает тянуться ко мне, умоляя о том, чтобы я был *быстрее*. Накрываю ее своим телом, и она обвивает меня своими руками за шею, целуя меня в губы, когда я с яростью вхожу в нее.

Она прижимается щекой к моей щеке, когда кончает — глаза закрыты, кричит мое имя снова и снова, просто феноменальный звук, который я никогда не забуду. И когда ее оргазм сжимает мой член, я тоже кончаю — и мой оргазм такой сильный и долгий, я просто уверен, что отключился нахрен.

Это невероятно. Потрясающе. С легкостью могу назвать это самым замечательным сексом в моей жизни. И пока я все еще внутри нее, прежде чем мое сердцебиение успеет ослабнуть, я понимаю, что Ди Уоррен не похожа ни на одну женщину, из которых я встречал.

После того, как мы отдышались, Долорес поднимается и исчезает в ванной комнате, потом, спустя несколько минут выходит в шелковом разноцветном узорчатом халате. Я хватаю с пола свои штаны, выуживаю из кармана пачку сигарет, и спрашиваю ее:

— Не возражаешь?

Она открывает окно, потом вытаскивает наполовину скуренный косяк из деревянной шкатулки, что стоит на ее туалетном столике. Она поднимает его вверх.

— Делай, что хочешь.

Кладу голову на одну согнутую руку и закуриваю. Ди скользит в кровать рядом со мной, ставя пепельницу на мою грудь, и затягивается травкой. Халат ее распахивается, обнажая ее великолепную грудь с пирсингом. Я выпускаю клубок дыма и провожу пальцем по колечку.

— Откуда это у тебя?

Она глубоко затягивается, ее губы обволакивает дым, когда она говорит:

— Помнишь, я тебе рассказывала, как мы вместе выросли с Билли и Кейт?

Я киваю.

— Билли — самый младший, но только на несколько месяцев. Когда ему исполнилось двадцать один, празднуя, мы вдрызг напились. Кейт и Билли сделали тату. Я пирсинг.

Я слегка тяну за колечко, прикасаясь к нему, и проверяя его, словно ребенок с новой игрушкой в рождественское утро.

— Это чертовски сексуально. Но мне любопытно, почему ты не сделала себе тату?

Она тушит бычок в пепельнице.

— Тату — это надолго. А я не люблю, чтобы что-то было на моем — или в моем — теле, от чего я не могла бы избавиться.

Я тушу свою сигарету и убираю пепельницу на прикроватную тумбочку. Потом поворачиваюсь на бок, лицом к Ди-Ди.

Она опускает руку ниже и обхватывает своими пальчиками вокруг моего члена, большим пальцем поглаживая крайнюю плоть.

— А у тебя откуда это? Я думала, всем католикам делают обрезание?

— Думаю, это Иудаизм.

Потом объясняю:

— Я родился слабым — нечего страшного, но достаточно, чтобы моя мать переживала обо всем, что могло бы доставить ненужные проблемы.

По какой-то безумной причине, мои родители решили, что через обряд обрезания я пройду, когда стану сильным, здоровым мужчиной. Я не позволю — никогда — скальпелю приблизиться к своему члену, если от этого не будет зависеть моя жизнь.

А, может, даже и тогда не позволю.

Да, на случай, если вам интересно, было несколько девчонок в старших классах, которые

слегка... сомневались на счет того, как все пройдет с неподрезанным членом. Но стоило им лишь попробовать, и понять, что это работает так же, как и все остальные модели, это пользовалось большим спросом.

Она продолжает водить рукой по всей длине, пока я не становлюсь твердым и горячим в ее руке. Потом она смотрит вниз и говорит:

— Мне нравится. Он милый.

Хватаю Долорес за бедра, перекатываюсь на спину и понимаю ее над собой, так что, она оказывается сидя на мне верхом.

— Да уж, теперь у тебя официально проблемы с прилагательными. Это киски милые, но не пенисы.

Ее халат полностью распахивается, и я облизываю свой большой палец, а потом прижимаю его к ее клитору, чтобы показать ей, какой милой я считаю ее киску. *Охрененно шикарной.*

Ди начинает с хихиканья, но заканчивает стоном с придыханием.

— Просвети меня. Какие прилагательные подходят для такого мужественного могущественного члена?

Ее бедра повторяют движения моего пальца, который вращается по кругу.

— Могущественный — хорошее начало. Жуткий тоже подойдет. Сильный, впечатляющий — всегда выигрывают.

Я начинаю вращать пальцем сильнее. Она движется быстрее. И бормочет:

— Учту на будущее.

Потом она прикусывает губу и смотрит мне прямо в глаза.

— Люблю трахаться, когда я под кайфом.

Она поднимается выше на своих коленях.

— У меня такое чувство, что я тоже это полжоблю.

— Черт, это было замечательно, — восклицает Ди в подушку, куда она только что уткнулась своим лицом.

Стоя на коленях позади нее, я стягиваю презерватив номер два и падаю рядом с ней.

— Это да!

Поза раком никогда не разочаровывает.

Она поднимает голову и смотрит на часы.

— Черт. Через четыре часа мне надо вставать на работу.

Чтобы вам было ясно — это намек на то, что мне пора уходить. Это такой способ сказать *Спасибо за секс. Прощай*. Большинство моих девиц на одну ночь не для ночевки вместе. Только если я не уставший в конце, я предпочитаю спать в своей постели.

Я встаю и начинаю одеваться. Застегиваю штаны, но все еще без рубашки, говорю Ди:

— Я сегодня отлично провел время.

Она переворачивается на спину, даже не пытаясь скрыть свою нагую прелесть.

— Я тоже.

Мой взгляд гуляет по ее блестящей от секса коже, задерживаясь на соске с пирсингом, который молит о том, чтобы с ним поиграли еще.

— Я хочу увидеться с тобой снова.

Ди улыбается.

— Хочешь сказать, что хочешь трахнуть меня снова.

Натягиваю на себя рубашку и признаюсь:

— Малыш, это само собой, — подбираю с пола пачку сигарет и запихиваю ее в карман. — Я тебе позвоню.

Она отвечает коротким смешком и закатывает глаза. Берет шелковый халат и встает рядом со мной.

— Что? — спрашиваю я, слегка смущаясь.

Она надменно качает головой.

— Тебе не обязательно это делать. Я не та женщина, которой ты должен давать обещания, которые ты не собираешься сдержать. Было весело, давай так это и оставим. Если больше никогда тебя не услышу, это нормально.

Не такой реакции я ожидал от женщины, которую подверг множественным оргазмам за последние несколько часов. В большинстве случаев они просят проверить мой телефон, чтобы убедиться, что их номер сохранен у меня в контактах. Требуя подробностей — дату и время, когда их телефон будет звонить.

Отношение Ди — что-то новенькое. И интригующее. И определенно вызывает интерес.

Когда мы идем по ее коридору, я настаиваю:

— Это было бы ужасно... вот только, ты *услышишь* меня опять.

Она хлопает меня по плечу.

— Конечно. Но если для тебя это не имеет никакого значения, я тоже не собираюсь ждать, затаив дыхание.

Убираю ее руку со своего плеча и целую ее пальцы. Она смотрит на меня. А потом улыбка на ее лице сменяется... удивлением. Тоской.

— И не нужно, — подмигиваю я, — просто жди, сидя у телефона.

Потом она снова улыбается. Открывает дверь, но прежде, чем переступить порог, я наклоняюсь ближе и целую ее в щеку.

— Спокойной ночи, Ди.

Ее ладонь накрывает то место, к которому я только что прикоснулся губами. А ее медовый взгляд встречается с моим. Со слабым оттенком печали в голосе, она говорит:

— До свидания, Мэтью.

Когда она закрывает за мной дверь, я жду, когда щелкнут все замки на ее двери. Потом я иду домой, чтобы хорошенько выспаться.

ГЛАВА 5

Вечером в четверг в отеле Waldorf Astoria Университет Колумбия проводит благотворительный ужин. Как правило, я просто посылаю чек и пропускаю ужин. Но Александра — одна из организаторов, так что присутствие в обязательном порядке. Хотя воспитание Маккензи — это полный рабочий день, Александра всегда стремилась к работе и выполняла кучу всяких дел. Как и многие женщины в ее положении — сидящие дома Манхэттенские мамы с кучей денег — ей хочется отдавать себя обществу. К тому же, мне кажется, что благотворительная деятельность помогает чувствовать ей связь с внешним миром, когда ее повседневная жизнь превратилась в черную дыру из мультиков, бус из макарон и детских праздников, которые с легкостью могли бы превратить ее исключительные мозги в кашу. Стивен говорит, что она намного сговорчивее, когда планирует какое-нибудь событие, но когда наступает непосредственно день X, она обычно становится раздраженной. Сучкой... если хотите.

Я вас предупредил.

Я стою рядом с Дрю и Лекси, разглядывая элегантно украшенный зал, заполненный смокингами и коктейльными платьями, которые надеты на выпускниках университета Колумбия. Кажется, это будет успех — полно закуски, выпивки, повсюду разговоры и смех. Несмотря на ее спокойный вид, взгляд Александры бегаёт по всему залу с точностью, как у опытного снайпера, сканируя потенциальную мишень.

— Можно мне уже пойти? — спрашивает Дрю свою сестру.

— Нет, — и по тому, как она выплевывает эти слова, я понимаю, что Дрю спрашивает об этом не в первый раз. — Это вечеринка — ешь, пей, тусуйся.

Дрю скалится.

— Ты точно давно не была на вечеринке. Это не она. Это так, всего лишь повод для старых теток выгулять свои расшитые бисером платья и померяться каратами в своих бриллиантовых кольцах. — Он делает глоток вина. — Хотя вино — превосходное. Хороший выбор.

Лекси отпивает из своего бокала.

— Вино развязывает языки... и кошельки.

— А текила сбрасывает одежду, — говорю я, водя туда-сюда бровями.

И тут же к нам подходит ну очень большая женщина с черным «улеем» на голове и боевым раскрасом на лице, в зеленом, как бильярдное сукно, платье.

Еле слышно Дрю отпускает колкости:

— Будем надеяться, что текила здесь надежно запрятана.

— Александра, дорогуша, — кудахчет она. — Ты превзошла сама себя! Об этом вечере еще не скоро забудут!

Лекси скромно прижимает ладонь к белому платью у себя на груди.

— Вы слишком добры, Миссис Синклэр.

Синклэр. Я знаю это имя. Она старая наследница — ее дед сколотил состояние на стали во время бума строительства в начале века. А ее племянник, ее прямой наследник, убогий директоришка, сидящий на кокаине. Вот вам урок: Деньги не могут дать вам статус, но они могут принести вам кучу бед.

Александра переводит внимание Миссис Синклэр на меня.

— Вы знакомы с нашим дорогим другом Мэтью Фишером?

Общество Нью-Йорка сильно походит на банду — если ты *нам* не друг, или не являешься частью *нашего дела*, они не хотят иметь с тобой ничего общего.

— Ах, да, — говорит она. — Ты мальчик Эстель.

Я почтительно киваю.

— Приятно познакомиться с Вами, Миссис Синклэр.

Александра продолжает:

— А с моим братом, Эндрю?

Дрю, всегда джентльмен, приветствует ее с улыбкой.

— Приятно познакомиться.

Глаза Миссис Синклэр сверкают, когда она приветствует его. И она обмахивает себя своей пухлой ручонкой.

— Нет, мы не встречались... но я наслышана о вас.

— Злостные сплетни, — подмигивает Дрю, — которые оказываются правдой.

Судя по ее учащенному дыханию и румянцу на ее щеках, я бы сказал, что велика вероятность, что Миссис Синклэр сейчас грохнетя в обморок. Это бы точно прибавило веселья этому вечеру. Но — она держится. Тут мимо ковыляет ее какой-то старый друг, с которым они давно

не виделись, и утягивает ее за собой.

Опять оставшись одни, Дрю делает очередную попытку:

— Ну, *теперь-то* я могу уйти?

— Прекрати меня об этом спрашивать. Мы еще даже не сели за стол, — шипит Александра.

Дрю молчит... но он близок к тому, чтобы начать выть. И когда он снова начинает говорить, то делает это за нас обоих:

— Но я не хочу здесь *находиться*. Я пришел, поулыбался, выписал чек. И в отличие от некоторых, мне есть чем занять свое время.

И прежде чем ссора успевает стать слишком жаркой, кто-то в зале привлекает внимание Александры. Ее глаза расширяются, а на лице... разочарование. Она игнорирует своего брата и продолжает тарашиться. Дрю и я следим за ее взглядом.

И вот, когда я вижу ее.

Практически у каждого парня есть такая женщина, из прошлого. У некоторых печальных сукиных сынов, даже не одна. Девушка, которая его использовала, разбила ему сердце, разрушила его самооценку. Говорят, первый порез — самый глубокий... и она порезала меня прямо до кости.

Шекспир писал: «Цветущее лицо — и сердце змея!» И если бы я не знал лучше, я бы поклялся, он написал это, думая о Розалин Николетте Дю Буа Каррингтон.

Мы повстречались на втором курсе Колумбийского Университета, и серьезно встречались два года. Розалин умная очаровательная опытная наездница. Ее не интересовали вечеринки братства или походы в бар. Вместо этого она предпочитала проводить свое время в интеллектуальных беседах об искусстве и путешествиях. Я думал, она была идеальной: женщина, на которой я бы женился, завел бы детей — девушка, которую бы я любил, когда она была вся в морщинах и седая, и которая любила бы меня в ответ.

Салли Дженсен могла быть первой девчонкой, в которую я влюбился, но Розалин... она была последней.

Я не видел ее с выпускного. Шесть лет. Но она выглядит в точности так же — лицо в форме сердца; классическое, но с высокими скулами, которые заставляли выглядеть ее как умудренной опытом, так и невинной; кристально-голубые глаза, экзотически-суженные; пухлые улыбающиеся губы; густые распущенные волосы; и высокое стройное тело, которое любого мужчину поставит прямо на колени. Я смотрю, как она идет через зал, с каждым ее шагом развивается ее платье цвета розовой карамели.

— Какого хрена ты ее пригласила? — спрашивает Дрю.

— Я не приглашала ее — Джулиан в составе членов правления. Я не думала, что они объявятся.

Джулиан — это муж Розалин. Он на десять лет старше и в десять раз богаче любого из нас.

— Я думал они в Европе.

— Они вернулись в город на прошлой неделе.

Когда Розалин подходит к нашему трио, Дрю и Александра встают передо мной — как телохранители. Розалин сверкает обворожительной улыбкой — той самой, с которой я так хорошо знаком.

— Александра, Дрю, так приятно вас встретить. Как давно мы не виделись?

— Не достаточно давно, — отвечает Александра, обманчиво улыбаясь.

Вот она Сучка, во всей своей красе. Для внешнего мира, Александра — утонченная леди. Но внутри нее медленно закипает свирепый человек, готовый защищать близких; который отбросит свои волосы назад, вытащит из ушей сережки и надерет задницу любому, кого она посчитает угрозой для ее любимых людей. И она питает особую ненависть к моей бывшей.

Я не знал, что Розалин меня обманывает до тех пор, пока она меня не бросила. Когда тебя посылают — это тяжело, но обнаружить, что все это время она трахалась с кем-то еще... это просто раздавило меня. В последующие дни — это был Дрю, который вытащил меня из дома, напоил меня и убедился, что я с кем-нибудь пересплю. Но Лекси — она была той, кому я плакался. Я не чувствую себя бабой от того, что признался, что я плакал — пустить несколько слез — это вполне допустимо, после того, как мне разорвали душу, а сердце порубили, как картошку.

Следуя по стопам своей сестры, Дрю говорит:

— Читал, что в Европе вспышка листерии. Кажется, ты успела ее избежать. Какая жалость.

Улыбка Розалин остается на месте, когда она игнорирует явное оскорбление.

— Да, мы насладились нашим путешествием по Европе — культурой, историей. Но Джулиан скучал по Нью-Йорку. Мы останемся здесь до весны.

По отдельности, брат с сестрой Эвансы могут метать смертельные вербальные стрелы — вы сами видели их в действии. Но вместе? Они настоящая команда, которая «опустит» профессиональных борцов.

Александра понижает голос до шепота:

— Ненавижу, что мне приходится тебе это говорить, Розалин... что ж, на самом деле... я это сделаю с удовольствием. Я слышала, у Джулиана бурный роман со своей секретаршей. — Она в задумчивости касается губ своим пальцем. — Или это была няня?

Дрю добавляет:

— А я слышал, что он трахает их обеих.

Снова, Розалин держится стойко. Я всегда думал, что ее самообладание досталось ей по наследству — символ ее искушенности и зрелости. Но глядя на нее сейчас, она просто кажется... бесчувственной. Далекой. Пассивной, аж раздражает.

Она слащаво вздыхает.

— Мужчины так любят разнообразие.

— Мне этого неизвестно, — парирует Александра.

— А мне известно, — признается Дрю. — Но, опять же, я не клялся в обратном.

Она сдержанно складывает руки на груди.

— Я смирилась с похождениями Джулиана. До тех пор, пока я та женщина, к которой он всегда возвращается, это не проблема.

Дрю всегда раздражало, что он не мог вызвать у Розалин реакцию, не важно, как бы груб он ни был. Ему доставляет нездоровое удовольствие доводить людей до грани срыва. Вот почему он копает глубже и говорит:

— Пока он не поймет, что этот ледник, который ты называешь вагиной, просто больше не стоит той платы за вход. *Это* вот может стать проблемой.

Розалин тихонько усмехается:

— Ты всегда был особенно красноречив, Дрю.

И пошел второй раунд для Степфордской Жены.

— Было приятно повидаться вами обоими. Надеюсь, вы меня извините.

Вот так вот просто, она их отшила. Розалин обходит Александру и Дрю. И подходит ко мне.

Я провожу рукой по волосам и поворачиваюсь лицом к женщине, которая разбила мне сердце. Она смотрит на меня по-доброму, с сочувствием, как медсестра относилась бы к больному, который лечился бы от смертельной болезни.

— Здравствуй, Мэтью.

Я решительно настроен, чтобы показать ей, что я оправился от тех потрясений.

— Розалин.

— Выглядишь замечательно.

— Спасибо, — холодно отвечаю я. — А ты... нисколько не изменилась.

Как-то странно разговаривать с ней снова, даже после всех этих лет. Нет больше ни влечения, ни ненависти, ни одной эмоции вообще. Немного сожаления — часть меня хочет, чтобы я мог повернуть время вспять и выбить все дерьмо из себя молодого, за то, что был таким глупцом. И слепцом. Но это касается меня. А что до Розалин? Она просто та, с кем я когда-то был знаком... и кого я на самом деле никогда не знал. Даже если я на интимном уровне знаком с каждой выпуклостью и впадинкой ее тела, она все равно для меня чужая.

Я прочищаю горло.

— Ну... у тебя есть сын?

Разве я забыл упомянуть об этом? Да уж — Розалин не просто изменяла мне, она еще и залетела. Я почти уверен, что это все было спланировано. Как в королевских семьях, наследник про запас [8]? Я был про запас, просто на случай, если у нее ничего не получится с

Джулианом. К счастью для меня, его стрелы попали в яблочко первыми.

Она улыбается.

— Да, Конрад. — *Бедный ребенок*. — Сейчас он в учебном пансионе в Швейцарии.

В уме я делаю кое-какие подсчеты.

— Пансион? Разве ему не шесть лет?

— Шесть ему исполнится в следующем месяце. — Должно быть, я выглядел ошеломленным, потому что она добавляет, — Это очень важно, чтобы у него был правильный старт в жизни. Его школа ему это обеспечит.

Я киваю. Обсуждать хреновость данной философии действительно не стоит моего времени.

— Конечно, все правильно.

И я как раз собирался избавиться от ее общества, когда подходит Джулиан Вулфи. Он выглядит пристойно, высокий, но стройный, светлые волосы, бледное лицо. Напоминает мне кого-то вроде высокопоставленного нацистского чиновника.

— Розалин, там есть несколько важных персон, с которыми мне нужно, чтобы ты познакомилась. — Потом он замечает меня. — Здравствуй, Фишер. — Он не протягивает мне своей руки, и я не протяну своей.

Я просто киваю головой.

— Джулиан.

Розалин и Джулиан показательный пример, почему людям нужно какое-нибудь увлечение. Если деньги ваша единственная страсть, вы становитесь несчастным существом. И постепенно, ваше увлечение будет распространять это несчастье и ваши дерьмовые человеческие черты на всех, кого вы встречаете.

— Прощу прощения, но мне придется ее украсть. Опять. — Усмехается он, потому что вот такие у него представления о шутках.

вернуться

8

речь идет о втором наследнике в королевских семьях, который не притягивает к себе столько внимания, как первый ребенок

И хотя, это больше похоже на женские штучки, если ему нравится играть со словами, я готов принять вызов.

— Нет, избавь меня от нее, пожалуйста. Ты окажешь мне услугу.

Теперь Джулиану не смешно. А Розалин касается моей руки.

— Была рада повидаться с тобой, Мэтью.

— Удачи! — говорю им обоим.

Когда они уходят, Дрю встает рядом со мной.

— Готов поспорить, ты рад, что увернулся от такого удара.

Я его уверяю:

— Ты себе даже не представляешь.

Он пихает меня своим локтем.

— Все нормально?

Посмотрите внимательно — сейчас как раз такой «важный момент», который только может наступить между такими парнями, как Дрю и я. Мы можем провести целый день вместе и не проронить ни слова о том, что важного происходит в нашей жизни. Слова — не обязательны — потому что в трудную минуту, мы окажемся на стороне друг друга.

Я его уверяю:

— Да, друг. Я на высоте. Как ты и сказал, увернулся от удара.

Мы возвращаемся к Александре, и я могу сказать по выражению его лица, что он снова собирается найти какое-нибудь оправдание, чтобы уйти. Но тут, Дрю решает сменить тактику. Он злобно улыбается.

— Эй, смотри — здесь Писклявая.

— Кто? — спрашивает Александра.

Дрю показывает рукой, в которой бокал с вином.

— Кудрявая брюнетка, в голубом платье рядом с баром.

Лекси машет головой, пока не замечает даму, о которой идет речь.

— Это... Элисон Брэдфорд.

Дрю пожимает плечами.

— Для меня она всегда была Писклявой.

— Почему ты ее так называешь?

Мысленно, я качаю головой. Потому что уж Александра должна была знать.

— Она пищит, когда кончает.

— Что?

Как обычно, Дрю начинает объясняться:

— Как собака, которая жует в зубах игрушку.

Он поднимает вверх ладонь, раскрывая и закрывая ее.

— Пи, пи, пи, пиинииии. По крайней мере она так делала, когда нам было по семнадцать, но я не думаю, что такое можно перерастить.

— Откуда ты это знаешь? — спрашивает Александра, как и ожидалось, испытывая отвращение.

— Когда ты успел позаниматься сексом с Элисон Брэдфорд?

Дрю смотрит в потолок, вспоминая об этом.

— Ммм... в одиннадцатом классе. Это было в те мрачные дни после того, как мы проиграли в плейофф. Я бы не сказал, что она мой самый ужасный опыт, но она была к этому близка.

Лекси отворачивается.

— Беее... забудь об этом. Я не хочу ничего знать.

Если и есть вещь, которую Сучка не может выносить, так это подробности сексуальных походов ее брата.

Именно поэтому Дрю об этом и рассказывает.

— Она также проделывает всякие отвратительные штучки своим языком...

Александра зажмуривает глаза.

— Ладно! Знаешь что? Прекрасно — если тебе так хочется отсюда уйти, тогда вали. Если ты хочешь бросить меня в такой трудный для меня час...

Ей никогда не следует давать ему добро.

Дрю широко улыбается, ставит свой бокал на поднос, проходящего мимо официанта, и целует ее в щеку.

— Ты самая лучшая сестра на свете. Пока.

Потом он спрашивает меня:

— Ты идешь или как?

Я никогда не был тем, кто смотрит в зубы дареному коню, или в данном случае, маршруту на побег.

— Вечеринка — супер, Лекс. Увидимся.

И потом я отправляюсь вслед за Дрю к выходу. И если вы посмотрите в дальний угол зала, то увидите Розалин — следящую за мной взглядом.

ГЛАВА 6

После того, как мы покинули это мероприятие, я и Дрю отправились в бар. В итоге он ушел

домой с длинноногой темноволосой юристкой, которая искала сексуального исцеления, чтобы облегчить горечь поражения в суде. Я потихоньку пью пиво и отмечаю некоторых дам, но никто из них не заставляет меня приложить ни малейшего усилия. По дороге домой, я чуть не нарушил Трехдневное Правило и не позвонил Долорес.

Что такое? Вы не знаете что такое Трехдневное Правило? Слушайте и учитесь. Три дня — это идеальное количество времени, чтобы выждать, прежде чем звонить женщине, после того, как вы с ней увиделись. Плевать, к какой категории она относится. Переспали вы с ней или нет, не звоните ей до третьего дня. Дело не в том, чтобы известить ее или возыметь над ней превосходство — дело в том, чтобы подогреть ее интерес. Заставить ее думать о вас. День первый, возможно, она будет вспоминать тот день, когда вы виделись в последний раз. День — второй, она надеется, что вы позвоните, и ей интересно, было вам также хорошо, как и ей. На третий день — волшебный день — она уже теряет надежду, что ее телефон зазвонит. Она спрашивает себя, что пошло не так, неправильно ли она поняла ваши знаки, и потом — *бам* — раздастся ваш звонок, и она — счастлива!

Я вспоминал о Ди несколько раз в течение дня — все время с улыбкой. Ее прямолинейный, наглый юмор, то, как она танцует ... ее пирсинг в соске. Но мой телефон надежно спрятан в кармане — потому что закон трех дней нельзя нарушать.

Наступает вечер субботы, а вместе с ним и обычные дела. Я встречаюсь с Джеком и Дрю на открытии нового места. Это большой клуб, отремонтированное складское помещение в самом сердце промышленного района. Здесь полно народу — просто не протолкнуться, а еще здоровая очередь у входа. Мы сидим в кабинке с пятью шикарными пассажирками с голландского круизного лайнера. Амстердам — безумен — это современные Содом с Гоморрой [9]. За женщинами из Амстердама, которые провели три недели на море, бывает тяжело поспеть — даже нам.

Я протискиваюсь сквозь толпу людей к бару. Наклоняюсь вперед и стараюсь привлечь внимание бармена. Минуту спустя меня кто-то нагло толкает сзади. Я оглядываюсь через плечо и вижу маленькую рыжую девицу с тяжелыми веками, качающуюся на своих коричневых ботинках на высоком каблуке. Она тыкает в меня своим пальцем и громко заявляет:

— Я тебя знаю. Ты парень, с которым я переспала две недели назад, тот самый, на мотоцикле.

Она выглядела знакомой. И имя у нее какое-то модное — Рики или Реми...

Ее такая же мелкая подружка, но явно трезвее, кладет руку ей на плечо.

— Давай, Райли, забудь о нем.

Райли. *Почти угадал.*

Райли небрежно надувает свои губки.

— Ты так и не перезвонил. Козел.

Я просто хочу здесь прояснить: Я всецело «за» с кем-нибудь позависать. Не стоит принижать женщину, если она хочет с кем-нибудь переспать также часто, как и парень — не будем

называть имен и показывать пальцем. С другой стороны, девушкам стоит перестать строить из себя жертву. Если я говорю вам, что меня интересует только одна ночь — почему Я вдруг становлюсь козлом, когда все одной ночью и заканчивается? Слушайте то, что вам говорит парень. Не думайте, что за его действиями есть какой-то скрытый смысл. Реальная жизнь — это вам не женский роман или фильм о любви; не стоит ждать ничего такого.

Тем не менее, я чувствую себя виноватым, когда девушка считает, что ее использовали.

— Не надо так, малыш. Мы отлично провели время — никто из нас не хотел большего. Я никогда не говорил, что собирался позвонить.

Она пропустила мои слова мимо ушей. Она смотрит правее от меня и предупреждает:

— Будь осторожна с этим, сестричка — он тот еще бабник.

— Спасибо, что предупредила.

И не смотря на грохочущую музыку, я узнаю этот голос. Я закрываю глаза, поворачиваю голову, и открываю их, чтобы увидеть стоящую рядом со мной Долорес Уоррен.

Вы не удивлены, ведь так?

Райли исчезает с моих глаз и из моих мыслей, когда я осматриваю Долорес в ее клубной одежде. Прядки ее светлых волос выкрашены в красный и голубой, обтягивающий, ярко-голубой топик едва прикрывает ее грудь, ее юбка в голубую и красную полоску, а ноги украшают сапоги. Каждый дюйм ее великолепного тела сверкает, как бриллианты.

Она игриво улыбается.

— Привет. Господи, это я, Ди.

вернуться

9

Содом с Гоморрой — два известных библейских города, которые, согласно Библии, были уничтожены Богом за грехи жителей

Даже не пытаюсь скрыть того, как я счастлив ее видеть.

— Привет. В чем дело? Я днем оставил тебе сообщение.

Сегодня был день номер три. Но Ди по-видимому была одной из тех редких женщин, у которых был иммунитет на Правила. Она поворачивается лицом к бару, но отвечает достаточно громко, чтобы я мог ее услышать.

— Я знаю.

— Почему ты мне не перезвонила?

Она покачивает головой в такт музыки и пожимает плечами:

— Я подумала, что это просто из вежливости.

— Я ничего не делаю *просто* из вежливости. — Я показываю пальцем в сторону Райли. — Это же очевидно.

Я не лижу никому задницу — если только девушка меня об этом не попросит — и пускаю дым только из своей сигареты.

В нескольких шагах от нас, темнокожий парень с гелем на волосах, в белой рубашке и узких джинсах кричит в сторону Долорес.

— Эй, Ди — поторопись с выпивкой!

Существует два типа Бруклинских парней — свободлюбивые переселенцы, которые хотят погрузиться в городскую жизнь, пока их исторические поместья на реставрации; и доморожденные, с сильным акцентом, косящие под мафиози, которые насмотрелись Славных Парней [10]. Этот придурок определенно относится к последним. Я киваю в его сторону:

— Это кто?

— Это Майки.

— Ты пришла с ним?

— Нет, я пришла с девочками с работы. Они... где-то здесь.

Потом я задаю жизненно-важный вопрос.

— А уйти собираешься с ним?

— Возможно.

Одно единственное слово действует на меня, как удар по лицу.

Ди наклоняется вперед, чтобы заказать выпивку. Когда она снова выпрямляется, я подхожу ближе, чтобы мне не пришлось кричать.

— Можно же сделать и лучше.

Она смотрит мне в глаза. На ее лице тоже выражение, что и в то утро, когда я уходил из ее квартиры в среду вечером — желание, смешанное с печалью. Отказ.

— А может, я не хочу лучше.

— А следовало бы. Рискни, и можешь оказаться среди звезд.

Так часто говорила моя мама.

Ди приподнимает одно плечо.

— Межзвездное пространство — это не для всех. Я более приземленный тип девушек.

Мнение девушки о себе — это как отражение в зеркале в комнате смеха — искаженное, иногда даже искривленное. То, как их видят другие — обычно точнее.

— Ты так не права.

— Майки — простой. С ним легко.

Я улыбаюсь.

— Если ты ищешь легкости — я тот, кто тебе нужен. Легче не бывает.

Она усмехается. И я встаю рядом с Ди, загораживая ее от ненужного любопытства. С глаз долой, из сердца — вон, правильно? Осторожно я спрашиваю:

— Когда я могу тебя увидеть снова?

Уголок ее рта чуть приподнимается.

— Ты видишь меня прямо сейчас.

— Я хочу увидеться с тобой в заранее оговоренном месте... предпочтительно в меньшей одежде.

Ди смотрит вниз на свою одежду.

— Еще меньше одежды? Это уже будет рискованно до неприличия.

Я широко улыбаюсь.

— Это знак того, что мы здорово проведем время.

Приносят ее выпивку. Она берет поднос и говорит мне:

— Думаю, увидеться еще раз — это плохая идея. Для нас обоих.

— Опять ты не права.

Она слабо улыбается.

— Пока, Мэтью.

И начинает уходить.

Я кричу:

— Эй, Ди. — Она поворачивается. — В следующий раз, скажи ему, чтобы он сам шел за своей хреновой выпивкой, ладно?

Она какое-то время удерживает мой взгляд, потом кивает и исчезает в толпе.

Какое-то время спустя, Дрю говорит мне, что он и Джек собираются пойти повеселиться с путешественницами из Голландии.

— Ты с нами? — спрашивает он. — Опустим якоря, немного позанимаемся дайвингом [11]?

Я сканирую взглядом танцпол, пытаюсь высмотреть ярко-голубой топ.

— Неее, у меня здесь есть дела.

Я вижу, как Джек у входа развлекает пять девушек, и спрашиваю:

— И с какой из них ты?

— Девчонка, что в середине кажется довольно услужливой.

Усмехается он над своей собственной шуткой.

Мне не нравится. Я фыркаю, и Дрю спрашивает, почему.

— Тебе не кажется это необычным, что из пяти скандинавок, ты охотишься на единственную среди них брюнетку?

Дрю понимает, о чем я. Но отмахивается.

— Спасибо, тебе Зигмунд. Если мне понадобится психоанализ, я потрачу кучу денег на настоящего хреного терапевта.

— Как скажешь, друг, — хлопаю его по спине.

После того, как Дрю и Джек уходят, я делаю круг по клубу. Я замечаю Ди на танцполе вместе с Тони Сопрано младшим, и у меня сжимается желудок. Его идиотичные, нервные шаги резко контрастируют с безмятежными, покатыми движениями Ди, и мне снова становится интересно, какого хрена она делает рядом с ним.

Я нахожу пустой столик, но мне закрывает обзор агрессивная болтливая блондинка в кашемировом свитере с коротким рукавом и кожаной юбке. Она садится и, кажется, не замечает того, что я совсем не обращаю внимания на то, что она говорит.

— ...и я типа, правда, отец? Будто, как я могла фокусироваться на школе, с таким ничтожным количеством карманных денег... — Болтовня продолжается до тех пор, пока темноволосая девушка не оказывается у стола. Блонди хватает ее за руку. — Трэйси! Господи, мы не видели целую вечность! Давай сфоткаемся! — Она наклоняет голову к Трэйси и делает фото своим айфоном. — Я выложу это в свой Инстаграм!

Но как только Трэйси исчезает, Блонди поворачивается ко мне с сердитым взглядом.

— Ненавижу эту сучку!

А знаете, что я ненавижу? Фальшь. Наигранную любовь. Это глупость, и напрасная трата времени. Единственное искусственное, что я ценю — это косметически подправленные сиськи.

Я терпел присутствие этой девицы столько, сколько смог, и тут я вижу, как Долорес выходит из дверей клуба, вслед за итальянским лузером. Желая спасти свой вечер, я спрашиваю:

— Хочешь отсюда уйти?

Она расцветает:

— Думала, ты никогда не попросишь.

ГЛАВА 7

Блонди не желает ехать на Дукати ко мне домой, поэтому дает мне свой адрес, я сажаю ее в такси и сам забираюсь на свой байк, чтобы встретиться с ней уже там. Обычно мне все равно от перспективы, что мой член скоро увлажнится. Это девчонка, как листья салата, которые кладут на тарелку с основным блюдом — вы его зажуете, только потому, что он уже в тарелке перед вами. Мои мысли снова возвращаются к Ди, выходящей из клуба с тем мудаком, который ее не заслуживает.

Я вспоминаю то, как она двигалась в тот вечер в среду, и те многозначительные сексуальные звуки, что она издавала каждый раз, когда я в нее входил, медленно и глубоко. Мне интересно, он сейчас слышит те же самые дразнящие крики — и меня это просто выводит из себя. Не потому что Ди трахается с другим парнем, а потому что этот самый парень того не стоит.

По крайней мере, в этом я себя убеждаю.

Я отгоняю эти противоречивые чувства, когда нахожу место для парковки, в метре, за углом квартиры блондинки, о которой я теперь думаю «Девочка-Салат». Она ждет меня внутри открытого дворика ее здания и открывает дверь в ее квартиру на первом этаже.

— Ух-ты, здесь холодно, — говорит она мне писклявым голосом. — Не верится, чтобы температура так быстро упала. Интересно, снег в этом году пойдет рано. Ненавижу этот снег. Даже в рождество, я бы променяла его на песочный пляж...

С жадностью набрасываюсь на нее с поцелуем — только чтобы она замолчала.

Она вскрикивает мне в рот, прежде чем приходит в себя и начинает отвечать на мой поцелуй. Ее язык быстро переплетается с моим — слишком быстро. В этих движениях нет никакого ритма и в этом нет ничего приятного. Такое чувство, что мне в рот залетел шмель, и его крылья бьются о мой язык. Она толкает меня назад, к дивану и стаскивает через голову свой свитер, открывая бежевый шелковый лифчик, удерживающий мега-огромные дыньки.

вернуться

10

американский фильм, криминальная драма

вернуться

11

в данном контексте имеется в виду различные виды секса

Как я уже говорил, я ценитель женской груди, так что я пытаюсь сконцентрироваться на этом

положительном атрибуте, но ее намерение поговорить о непристойностях меня сильно отвлекает.

— Оу, да, — стонет она, сжимая свои груди. — Я плохая девочка. Ты будешь моим папочкой? Папочка накажет свою бесстыжую сучку?

В этом выражении столько всего неправильного, что я даже не знаю с чего, нахрен, начать.

Для начала, разговор о *Папочке* — это сплошное занудство. Это действует так же, как ледяная ванна. Это заставляет меня думать об отце и детях и тысячи других вещах, о которых я *совсем* не хочу вспоминать во время прелюдии. *Бесстыжая сучка* — смело — мне определенно нравятся всякие штучки с прозвищами, шлепком по заднице и ролевые игры с доминантами, которые сегодня обожают женщины. Но ее детский голосок с придыханием все портит.

Голос Долорес был низким, страстным, несравненно женственным. Когда она умоляла меня трахнуть ее, или призывала к тому, *как* она хотела, чтобы я это сделал — это не было вынужденным или фальшивым.

Я ворчу, когда «Девочка-Салат» скачет на моих коленях. Она впивается мне в рубашку, но у нее получается только поцарапать мне шею. Потом она, с удивительной силой, прижимает мою голову к своим грудям, удерживая меня так крепко, что я даже дышать не могу. Викинги верили, что смерть на поле боя — это «хорошая смерть» и в нормальных условиях я, наверно, думал бы также о сисько-удушении... но это не те сиськи, которые я бы хотел, чтобы меня захватили. Я пытаюсь повернуть голову и, наконец, мне это удается, когда я хватаю ее за плечи и отпихиваю от себя. Отклоняю голову назад и стараюсь наполнить воздухом свои легкие.

А потом, все еще держа ее за руку, смотрю в лицо Девочке-Салату. Маленький носик, влажные розовые губки, круглые голубые глаза смотрят на меня. Она сексуальна. Твердая четверка. В любую другую ночь, я бы уже был на ней, но сегодня... не хочу.

Потому что я хочу, чтобы на меня смотрели светло-карие глаза с золотыми крапинками. Губы, которые я хочу целовать — красные и полные, и я хочу слышать из них самые прямые и неожиданные ответы. Меня сильнее возбуждает образ Ди в моей голове, чем то, что я пережил последние пять минут с этим вариантом, ерзающим топлес на моих коленях.

— Подожди... погоди секунду. Так не пойдет, — говорю я ей.

— Что ты имеешь в виду?

Женщины всегда говорят, что они просто хотят от мужчин честности. Посмотрим, что из этого получится.

— Ты красивая, и кажешься забавной девушкой... но, я только что понял... что сейчас я запал на кое-кого другого.

Когда она спрашивает, ее шея вытягивается:

— Что-что?

— Без обид. — Она закрывает свою голую грудь руками. И теперь смотрит прямо на меня. — Если тебе станет легче, то если бы я ее не встретил первой, то точно бы занялся с тобой сексом прямо сейчас.

Я цепляюсь пальцами за петли на поясе, делая беспечный вид.

— Эй, — отвечаю я. — Стелла дома?

— Какого хрена ты делаешь? — спрашивает она.

Вот когда я понимаю, что мой великий план помешать ей и Тони заняться делом... как раз достиг своей точки. *Черт. Теперь*, начиная с этого момента, это сплошная импровизация.

— Я хочу... Спустишь, пожалуйста, вниз?

Удивительно, но она не говорит мне, что бы я шел куда подальше.

И спустя пару минут, она выходит на тротуар... с Джонни Мафиози позади нее. Слава богу, на ней вся одежда, в которой она была в клубе. Это, правда, не так уж и много значит — особенно если учесть, что ее наряд прикрывает чуть больше, чем прикрывало бы нижнее белье, но на данный момент, я из двух зол выбираю меньшее. Косящий под мафиози парень обгоняет Ди и толкает меня назад.

— Какие твои проблемы, нахрен? Ты че, какой-то псих?

Инстинктивно, защищаясь, поднимаю вверх свои кулаки.

— Я не собирался с тобой драться, но если тебе так хочется? Можем попробовать.

Потом я замечаю на его бицепсе тату — тату Девы Марии с надписью «Аве Мария» под ней. И тут же выбираю к нему совсем другой подход.

— Я всего лишь пытаюсь спасти свой брак.

Да, ложь — это низко — но в отчаянные времена...

Он тут же поворачивается к Ди.

— Ты замужем?

Она в ужасе.

— Нет, я не замужем. Он не в своем уме!

Я открываю свой бумажник, где у меня фотография Маккензи и делаю серьезное выражение лица.

— Моя семья для меня все. Я знаю, ты меня совсем не знаешь, но не мог бы ты просто успокоиться и... уйти?

Сейчас Ди серьезно раздражена. Она пихает меня в плечо и поворачивается к Джерси Шо [14], все отрицая.

— Мики, это не моя дочь, и он не мой муж!

Он отвечает:

— Меня звать Майки.

Какое облегчение видеть, что сегодня не у меня одного проблемы с именами.

Раздраженно, Ди спрашивает:

— Какая разница?

Для большинства парней разницы никакой — нам все равно, кричите ли вы имя Папы Римского, когда отдаетесь нам. Но «Майки» явно не из тех парней. Потому что всплескивает руками, сдаваясь.

— Для меня это слишком. Я убираюсь отсюда.

Потом он разворачивается на пятках и уходит.

А я, ликуя, смотрю ему вслед.

Потом я поворачиваюсь к Ди, и показываю в сторону парня.

— Некоторые люди такие доверчивые.

Вот тогда-то она мне и врезала — прямо в рот.

Я отступаю назад, и чувствую на языке кровь. Долорес, может быть и маленькая, но хуком справа она может выбить из тебя всю дурь. Она грозит мне пальцем, когда ругает меня:

— Не знаю, что это за херня, но это *не* нормально!

Я убираю руку от своей разбитой губы. А в голове у меня пусто — ни одной слабенькой умной мысли. Так что все, что я могу — это спросить.

— Почему я тебе не нравлюсь?

— Что?

— Мы отлично провели время — секс был горячим, нам было весело — но сейчас, ты не хочешь иметь со мной никаких дел.

— Для тебя это ново?

Я фыркаю.

— Черт, да, ново. Все меня любят. Я классный парень.

Ди потирает своими пальчиками лоб, так обычно делала моя мама, когда у нее болела голова. Потом она вздыхает и признается:

— Ладно... дело в том... дело не в тебе, дело во мне. Проблема во мне.

От такого поворота я выпучиваю глаза.

вернуться

Марлон Брандо — американский актер кино и телевидения

вернуться

13

подражает сцене из кинофильма «Трамвай «Желание»

вернуться

14

американский телесериал, русское название — Пляж

— Господи, ты это серьезно? Я тут тебе чуть ли душу свою не изливаю, а ты даже не можешь потрудиться, чтобы придумать что-нибудь поприличнее?

Ди всплескивает руками.

— Я говорю тебе правду. Ты мне нравишься. Ты забавный, очень смешной, и фантастичен в постели. Но я... но я чувствую себя намного лучше, когда я не состою в отношениях. Когда у меня с кем-нибудь начинаются серьезные отношения... я немного схожу с ума.

— А кто говорит об отношениях? Давай просто... будем хорошо проводить время. Посмотрим, что будет. Я же не говорю, что мы должны сесть на самолет и полететь в Вегас, чтобы пожениться.

Это было бы просто смешно.

Ди качает головой.

— Ты не понимаешь. Это никогда не заканчивается хорошо. И в этот раз ничего не изменится, Мэтью. Я привыкла думать, что проблема в мужчинах, которых я выбирала, но, в конечном счете, я приняла тот факт, что дело во мне. Я превращаю хороших парней в плохих. Я как... пенисный насос... превращаю мужчин в гигантских придурков. Я та девушка, о которой твоя мама тебя предупреждала — плохие новости.

И у нее такое серьезное выражение лица, я просто не могу не рассмеяться.

— Нет уж.

— Ты меня не знаешь.

— То, что мне известно — просто прекрасно.

Она начинает отрицать мои слова, но я продолжаю давить.

— Ты слишком заморачиваешься. Мы можем просто быть друзьями, которые иногда трахаются, если тебе будет так легче. Новые друзья с замечательной выгодой друг для друга. Я буду твоей чесалкой, когда у тебя что-то зачесется... если тебе захочется секса в два часа ночи — пожалуйста. Только... не трахайся с кем попало.

Она начинает качать головой. До тех пор, пока я не напоминаю ей.

— И завтра может наступить конец света, помнишь? На нас могут напасть инопланетяне... глобальное потепление... надо жить сегодняшним днем. Потому что никогда не знаешь, когда все закончится.

Протягиваю ей руку.

— Используй этот шанс, Ди. Я тебя не подведу.

Ее светло-медовые глаза с тоской смотрят на мою руку.

— Боже, до чего же ты хороший.

Она улыбается. И у меня вырывается:

— ...сказала она.

Ди смеется.

Потом она берет мою руку. Они подходят идеально.

Так вот мы и стоим какое-то время, как два впервые влюбившиеся подростка, друг другу улыбаясь. Не говоря ни слова, мы поворачиваемся и идем к ее квартире.

Чересчур серьезно, Ди говорит:

— Мэтью?

Я поднимаю вверх брови.

— Когда ты будешь сыт этим по горло, просто помни, что я пыталась тебя предупредить, ладно?

Я не знаю, с какими придурками Ди до этого имела дело, но такой вот разговор выводит меня из себя. Я твердо настроен доказать ей, что она не права и разрядить обстановку. Так что я наклоняюсь к ней и шепчу:

— Ты слишком красива, чтобы тобой насытиться.

Долорес закатывает глаза. И мне слегка кажется, что она думает будто я несу чушь. Думаю, надо просто называть ее красавицей до тех пор, пока она в это не поверит.

ГЛАВА 8

Просыпаться в месте, которое не является твоим — всегда слегка дезориентирует. Мои глаза открываются от потока солнечных лучей, струящегося через тюль лилового цвета в спальню, по которой разбросаны вещи. Прошлой ночью Ди и я еще немного поболтали, после того, как зашли в ее квартиру. Оказалось, что у нее не было секса с тем братаном. Она сказала, что большую часть того времени, что он провел в ее квартире, он висел на телефоне со своим другом. *Идиот*. Еще спросила, беспокоило бы меня, если бы у нее был с ним секс — мой ответ был «да». Но... я бы это пережил.

Я натягиваю трусы и потом следую на запах бекона и звук музыки на кухне. Ди стоит у плиты, повернутая ко мне спиной, подпевая под «Beneath Your Beautiful», что льется из стерео, который стоит под ее шкафчиком.

У нее восхитительно ужасный голос — фальшивый и скрипучий — как у кота в период обострения. Ее светлые волосы забраны вверх и заколоты палочкой для еды — с прошлой ночи остались крашенные прядки — и единственное, что на ней было надето — это моя голубая рубашка. Когда песня заканчивается, я хлопаю.

Она поворачивается с лопаточкой в руках.

— Утро.

— Хорошая рубашка.

Она пожимает плечами.

— Поскольку я готовила тебе завтрак, я решила полностью соответствовать образу и надеть ее.

Я делаю шаг ближе и сладко целую ее в губы. Она застенчиво улыбается.

— Ты голодный?

— Ужасно.

Ди подает мне два стакана апельсинового сока, а сама берет тарелку с беконом и омлетом. Мы садимся за ее маленький обеденный стол и начинаем есть.

— Вкусно, — комментирую я.

— Органический бекон индейки. Это как кокаин. Стоит попробовать раз, и ты больше никогда не захочешь свинины.

Пока мы едим, я пользуюсь возможностью, чтобы осмотреть ее дом. До этого, я был слишком занят тем, что хотел заставить ее стонать. Здесь чище, чем я ожидал, и все в разном стиле. Красное допотопное кресло стоит возле круглого стола с мозаичной поверхностью, который рядом с удобным на вид светлым диваном, на спинку которого брошен мягкий коричневый плед. Там и сям разбросаны цветастые подушки, а в углу стоит торшер с бахромой из бисера. Стены украшают несколько фотографий в рамках — на одной из них Долорес стоит рядом с худенькой женщиной с волосами, как у нее, которая, я так понимаю, ее мать. На другой Ди, которой лет тринадцать, одной рукой обнимает за плечо Кейт Брукс, а другой — темноволосого мальчишку, который, должно быть, ее двоюродный брат. Все трое обуты в роликовые коньки.

Я проглатываю полную вилку омлета и спрашиваю:

— Что ты сегодня делаешь?

— Мне надо попасть на рынок в Бруклине... и больше ничего.

— Хочешь, проведем время вместе?

— Ладно.

— Сначала заскочим ко мне, я приму душ, и мне еще по-быстрому нужно в одно место, но

потом, я думал, может, мы смогли бы прогуляться в Центральный Парк?

Прелесть проживания в городе в том, что всегда можно найти, чем заняться. Даже если ваша задница сидит в парке на скамейке, и вы кормите голубей, все равно сохраняется чувство, что вы чем-то заняты.

— Звучит отлично. Пойду оденусь.

Спустя тридцать минут, Ди приняла душ и теперь выходит из своего здания. Волосы собраны в пучок, на ней серебристый топ без бретелек, черные кожаные штаны, и пятнистые туфли. К счастью, мой неправильно припаркованный байк все еще на месте и без квитанции о штрафе. Ди с одобрением смотрит на байк. Она проводит рукой по сиденью, а мне это напоминает, как она проводила своей рукой по моему животу, опускаясь все ниже и ниже. Я поднимаю ее руку и целую ладонь.

— Не надо его так поглаживать, если только ты это не намеренно.

Она встает на цыпочки и шепчет мне на ухо:

— Именно намеренно.

Я вытаскиваю шлем из багажника, что сзади моего байка и одеваю его на голову Ди, застегивая его у нее на подбородке. Она просто идеальное сочетание чувственности и обожания, сексуальности и привлекательности — я бы мог взять ее прямо здесь, на улице.

Она забирается на мотоцикл и подмигивает мне.

— Прокати меня, Мэтью.

Я газую.

— Держись крепче.

Не каждая девушка походит для езды на мотоцикле. Одна или две из них так крепко за меня цеплялись, что оставили следы от своих ногтей, да так, что боль от этого проняла меня до самых конечностей. В другой раз, девица наоборот не слишком хорошо ухватилась — была слишком занята тем, чтобы улюлюкать и размахивать руками в воздухе — и со мной чуть сердечный приступ не случился, когда она свалилась. Слава богу, она не поранилась. Ди сжала меня, как надо — одной рукой обняла меня за пояс, а другая рука — у меня на бедре, как же прекрасно чувствовать, как ее грудь прижимается к моей спине, а подбородок ложится на мое плечо.

Я с радостью готов катать ее не только на своем байке, но и готов снова и снова усаживать ее верхом на себя.

После того, как мы подъезжаем к моему дому, паркуемся на частной парковке и направляемся в лобби. Долорес любит впечатляющей архитектурой, пока я достаю почту из своего ящика. Когда мы входим в квартиру, я говорю Ди, чтобы она чувствовала себя как дома и прыгаю в душ. После того, как вытерся, натягиваю пару джинсов и фланелевую рубаху. Оставив ее расстегнутой, я возвращаюсь в гостиную в поисках Долорес. Она смотрит в панорамное окно.

— Думаю, теперь я буду называть тебя «Верхний Вест-Сайд», — говорит она мне, улыбаясь.

— Но «Бог» подходит намного больше.

Она направляется к книжному шкафу.

— Замечательные фото.

Она смотрит на одну, где я в прошлом году снял Маккензи, которая посылает в камеру воздушный поцелуй. От вспышки ее голубые глаза здесь светятся по-особенному.

— Это Маккензи, — объясняю я. — Племянница, о которой я тебе говорил в среду вечером... которая технически таковой не является.

Я показываю на другое фото, что стоит рядом.

— А это мои родители.

Это черно-белая фотография — моя мама выглядит блаженной, отец грозным, их каждодневное выражение.

Я достаю камеру, чтобы убедиться, что у меня еще есть пленка, проверить линзы.

— У тебя есть комната для проявки пленки? — спрашивает она.

— Вообще-то есть.

В ее глазах появляется взгляд, который мне уже становится знакомым — тот самый, который говорит, что она возбуждается.

— А ты мне ее покажешь?

Я убираю камеру и поднимаю руку.

— Прямо туда.

На самом деле, это встроенный шкаф, без окон и достаточно большой, чтобы там поместились полки с реактивами и стол и с ванночками для проявки фотографий. Конечно же, тусклый коричневый свет. Я закрываю за нами дверь, когда Долорес оглядывается по сторонам. И тут на меня накатывает то чувство, когда мы играли в «Семь минут в раю» в возрасте тринадцати лет. Но в те времена, «рай» не был таким великолепным.

Ди оглядывает меня с ног до головы.

— Ты хоть представляешь, насколько это все сексуально, Мэтью?

— Немного, — признаюсь я.

Она прижимается ко мне, а я прислоняюсь спиной к закрытой двери. Ди целует меня в подбородок, а потом царапает по нему зубами.

— Ты когда-нибудь сфотографируешь меня?

Она сгибает колени и скользит вниз по моему торсу, ее теплые ладони оставляют за собой

жаркий след, когда они едва касаются моей груди и живота.

Я тяжело сглатываю.

— Непременно.

Она усеивает мой живот легкими поцелуями.

— Мы будем, как современные Джек и Роуз из *Титаника*.

Теперь уже тяжело дыша, я говорю:

— Джек был слабаком. Если бы я был на его месте, я бы связал Роуз, вставил в рот кляп, и запихал ее задницу в спасательную шлюпку. А потом запрыгнул бы за ней.

Я хотел отметить, что если бы Роуз просто сделала так, как сказал ей Джек, они бы *оба* выжили.

Ди облизывает губы и спускает мои джинсы вниз, освобождая мой уже изнемогающий член. Берется своей маленькой ручкой за основание и медленно двигает ей вперед и назад.

— До тех пор, пока ты не сделаешь эти фотографии и не проявишь их здесь, я хочу, чтобы ты думал об этом, когда в следующий раз окажешься в этой комнате.

Все еще держась рукой у основания, она накрывает кончик моего члена своими губами, нежно его посасывая, и слегка прикасаясь к нему языком. Я сильнее прислоняюсь к двери — мои ноги становятся слабее. Она отрывается от меня, сильнее отодвигает крайнюю плоть и берет меня полностью в рот.

И я не могу сдержать стон.

— Чееерт.

Ее рот такой горячий и влажный и она так туго меня сжимает, что перед моими закрытыми глазами появляются яркие вспышки. Медленно она наращивает силу посасывания ртом, и скорость ее руки — я зарываюсь своей рукой в ее волосы и крепко сжимаю.

Ди тоже мурлычет, а я умоляю:

— Быстрее...

Она удовлетворяет мою просьбу, и ее голова начинает двигаться быстрее, с каждым движением ее рта приближая меня к развязке. Я бормочу:

— Ди... да... уже скоро...

Она сжимает свой рот крепче, и потом я кончаю, яростно рыча и сильно сжимая ее волосы в кулаке — при этом пытаюсь не тянуть. Как только она меня отпускает, я опускаюсь на пол, дыша так, будто я отбегал Нью-Йоркский марафон.

Дотягиваюсь до Долорес — притягиваю ее к своей груди. Целую ее в нос, в обе щеки и, наконец, в губы, глубоко.

— Я буду помнить об этом долго, очень долго.

— Миссия выполнена.

— Ты разыгрываешь меня, да?

Я снимаю свой шлем и пристегиваю его к своему байку.

— Нет, я серьезно.

Ди не слезит с мотоцикла.

— Я подожду тебя здесь, если ты не возражаешь.

— Да ладно тебе, мы уже на полпути, мне просто надо унести свой конверт.

— Ты когда-нибудь слышал поговорку: «Нервничает, как проститутка в церкви»?

— Кончай отпускать самокритичные комментарии. Будь оно так, я бы уже извелся от нервов. Пошли.

— Мне надо будет пить кровь?

— Только если ты на крещении.

Если вы еще не поняли, мы в церкви Святой Марии. Сегодня воскресенье, а по воскресеньям, я хожу в церковь, даже если только успеваю на конец мессы. У меня глубоко засела вера, что если я не приду, случится что-то ужасное.

Вот что с вами делают двенадцать лет учебы.

Тяну Ди за собой в вестибюль. Она делает осторожные шаги, будто она ступает по дому с призраками.

В дверях появляется седой джентльмен в костюме, неся в руках полную корзину для сборов.

Как раз вовремя. Я пихаю туда свой конверт и киваю головой, когда голос пастора разносится эхом через микрофон из главного зала, раздавая заключительные благословения. Ди смотрит на все, стоя рядом со мной и копируя мою позу. Прежде чем пастор успевает закончить, мое внимание привлекает звук шагов, доносящийся с лестницы из подвала. Через боковую дверь выходит Сестра Беатрис Дюган, а за ней десяток учеников Воскресной школы.

Сестра Би была моим первым сексуальным опытом. Ну... моим первым сексуальным опытом с самим собой. В этом плане она была первой у нас всех.

Погодите, все это отвратительно, так что забудьте, что я это сказал.

В любом случае, половая зрелость — это довольно смущающее время для подростка. Когда у тебя горяченькая учительница, которая еще и оказалась монашкой — делает это время еще более смущающим. Однажды я увлекся, когда впервые познал радость мастурбации. К сожалению, я не просто подрочил — я в буквальном смысле слова стер себе весь член. Вот так вот, в тринадцать лет, я получил диагноз СНП — синдром натертого пениса. Мне не надо

развивать эту тему дальше, так?

Возможно, моя мама купилась на объяснение доктора, что мой СНП возник из-за долгого пребывания в мокрых купальных трусах, но мой отец — уж точно нет. Во время одного из наших разговоров по душам, он мне сказал, что нет ничего постыдного в онанизме, что это как электричество — Господь не дал бы нам этого, если бы не хотел, чтобы мы этим воспользовались. Но, как и всегда, чувство меры — это ключ. После того разговора я успокоился, и смог упорядочить свое самоудовлетворение без причинения вреда.

Одним взглядом сестра Би успокаивает хохочущих детей. А потом с ирландским оттенком в акценте, который к тому времени до сих пор сохраняется, она говорит:

— Мэтью, как ты, мальчик?

— В полном здравии, Сестра Би.

— В полном здравии, и все равно опаздываешь на мессу? Ай-я-яй.

Я пожимаю плечами.

— Лучше поздно, чем никогда.

Она улыбается.

— Наверно, ты прав, хотя когда будешь молиться Отче Наш, попроси немного пунктуальности. Я видела твоих родителей на ранней мессе, они выглядели серьезными, как всегда.

Я киваю. Потом поворачиваюсь к Ди и говорю:

— Долорес, это Сестра Беатрис, моя школьная учительница. Сестра Би, это Долорес Уоррен.

Сестра Би приветствует ее.

— Приятно познакомиться.

Ди машет.

— Привет.

Сестра Беатрис хмурит брови.

— Выглядит так, будто ты чувствуешь себя здесь неудобно, дорогая. Что случилось?

Ди занервничала.

— Я просто... Я не католичка. Нисколько.

Сестра Би хлопает ее по плечу, и шепотом говорит ей.

— Все в порядке. Иисус тоже им не был.

Когда мы приезжаем в Центральный Парк, я достаю свою камеру и делаю несколько великолепных снимков Ди у фонтана. Потом еще немного снимаю природу — листья, которые срываются с деревьев. Потом я и Долорес лежим рядышком на одеяле на траве, прогретой солнышком осеннего дня. И мы обмениваемся вопросами — совершенно разными, не совсем уместными, но очень забавными, которые помогают хорошо узнать человека.

— Тебя когда-нибудь арестовывали? — спрашивает меня Ди, пока играет с пуговицами на моей фланелевой рубашке.

— Еще нет. А тебя?

Она улыбается.

— Арестовывали. Но никогда не предъявляли обвинений.

Потом она рассказывает, как она, ее кузен и Кейт попались, когда несколько часов катались в их местном зале для катания на роликовых коньках, куда они пробрались незаконно. Домой их тогда доставил городской шериф, и ее мама была не в восторге.

— Ты когда-нибудь занималась сексом в публичном месте? — спрашиваю я, отчасти потому что я любопытен... и отчасти с расчетом на будущее.

— Ммммм... публичное место, да — но не думаю, что нас кто-то видел тогда.

Я провожу рукой по ее волосам, солнечный свет отражается в ее красных прядях, делая их скорее огненными, чем золотистыми.

— Ты когда-нибудь занимался сексом на своем мотоцикле? — спрашивает она. И я надеюсь, что это тоже с расчетом на будущее.

— Да. И это не так легко, как ты думаешь. Но это то, что каждый должен попробовать, хотя бы раз.

Потом я спрашиваю:

— Какой у тебя любимый цвет? И какой кофе ты любишь?

— У меня нет любимого цвета — он меняется, в зависимости от настроения. И я не пью кофе. Я стараюсь держаться подальше от кофеина, это плохо для кожи.

Ди — гурман. Она упомянула о поездке на рынок в Бруклине, чтобы закупиться фенхелем и лимонграссом, и прочей ерундой, о которой я слышал только в ресторанах изысканной кухни, где вид блюда намного важнее, чем его вкус. У меня другие представления о хорошей еде. Но она клянется, что гранола ее приготовления на вкус совсем не как комбикорм.

— В твоей семье все набожные католики?

Я усмехаюсь.

— Набожный — слишком сильно сказано, но мы все ходим в церковь. — Я еще немного думаю об этом, потом говорю. — Ну, все из нас, кроме Дрю. Кроме свадеб и крещения, он добровольно не заходит внутрь церкви с тех пор, как мы были детьми.

Она поворачивается на живот, упираясь подбородком мне в грудь.

— Что же сделало его паршивой овцой? Он обнаружил у себя на скальпе татуировку шестиконечной звезды или что?

Я улыбаюсь, потому что уверен, что несколько наших посвященных в духовный сан учителей, были такого же мнения о нем.

— Нет, Дрю и Бог пошли разными дорогами, когда нам было где-то по десять лет. Это было в тот год, когда матери Стивена, Джейни, поставили диагноз — рак груди. Родители всех нас усадили, рассказали нам, что она больна, что она будет получать лечение, и что нам надо очень сильно молиться, что бы лечение ей помогло.

Дрю не очень хорошо воспринял новость. Он не помог понять почему, когда в мире столько всяких придурков, Бог послал неизлечимую болезнь кому-то такому хорошему, как Джейни. В общем, ей сделали химиотерапию, и постепенно у нее началась ремиссия. Но когда мы были в старшей школе, рак вернулся с новой силой и через несколько месяцев она умерла. Она была первой из тех, кого я знал, кто умер. Мои бабушки и дедушки умерли задолго до того, как я родился. Мои тети и дяди все еще живы, но Джейни ушла в возрасте тридцати девяти лет, даже будучи ребенком, мне казалась она молодой.

Уголки губ Долорес опустились в сочувствии.

— Но самое неожиданное случилось на ее похоронах. Отец Стивена, Джордж, был просто раздавлен. И, к сожалению, бесполезен. Все самое тяжелое легло на плечи Стивена. Он принимал важные решения, устраивал поминки. Ему было шестнадцать — незадолго до этого они начали встречаться с Александрой.

Я наблюдаю за тремя воробьями, которые летают с точной синхронностью, когда продолжаю предаваться воспоминаниям.

— Вот, в день похорон, сначала к ней была допущена только семья. Стивен хотел быть первым, хотел немного побыть наедине со своей матерью. Дрю и я пошли вместе с ним для моральной поддержки. В то время священником Святой Марии был Отец Джеральд — он был настоящий представитель старой школы, такой весь надменный козел, знаешь? Он вошел туда, где мы сидели втроем, и сказал Стивену, что его мать умерла, потому что она была не достаточно чистой. Что если бы она была более святой, Господь спас бы ее. Потом он сказал, что ее смерть также была знаком нашей недостаточной веры. Что если бы верили сильнее, Бог откликнулся бы на наши молитвы.

У Ди отвисла челюсть.

— Это ужасно. И что сказал Стивен?

— Ничего. Он был в шоке, слишком убит горем, чтобы что-то говорить. Дрю же, наоборот, всегда быстро реагировал. Так что он поднимается, встает прямо перед уродливым лицом Отца Джеральда и говорит: «Пошли Вы нахрен, Отец, и Ваш осел, на котором вы туда поедите. Разве здесь нигде нет поблизости мальчика, прислуживающего у алтаря, которого вы должны потчевать жертвенным вином, чтобы уложить его в постель?»

Уголки губ Долорес поползли вверх.

— Чем больше я слышу про этого Дрю, тем больше он мне начинает нравиться.

Я киваю.

— Отец Джеральд поворачивается, весь красный, и уже был готов хорошенько врезать Дрю, когда вошли Джон, Анна, Джордж и мои родители. Так что Джеральд сдержался, только чтобы попытаться вышвырнуть Дрю из школы на следующий день. Он сказал, что если тот не извинится, то его отчислят. Хотя Джону и не понравилось, что сказал пастор, он убедил Дрю извиниться за неуважительное поведение. Но он не сдался — отказался сказать «извините» этому дерьму.

А потом Анна начала плакать. Она рыдала из-за того, что если Дрю выгонят, то это разрушит его жизнь, и что она где-то что-то сделала не так. Вот когда Дрю сдался — просто потому что он не мог выдержать слез своей матери. Он написал письмо Отцу Джеральду с извинениями и вытерпел все наказания, что учинил ему старый дурак. Поэтому Дрю может цитировать Библию — слово в слово — потому что Джеральд заставлял его ее переписывать, вплоть до каждой запятой, каждый день после школы. Тем не менее, к тому времени, как его наказание было закончено, Дрю окончательно убедился, что Католицизм это просто ерунда и что Богу нет до нас никакого дела.

Ди наклоняет голову на бок и задумчиво меня осматривает. Потом спрашивает:

— Но ты так не считаешь?

— Нет, не считаю. Я спрашивал Сестру Беатрис, правда ли то, что нам сказал Отец Джеральд. Что если бы в нас было больше веры, Бог откликнулся бы на наши молитвы.

— И что она сказала? — спрашивает Ди.

Своим самым лучшим Ирландским акцентом я отвечаю:

— Она сказала: «Мэтью, мой мальчик, Господь откликается на каждую молитву... но иногда, ответ — нет.»

Какое-то время Ди обдумывает мой ответ. А затем говорит:

— Что ж... это хреново.

Я улыбаюсь.

— Я сказал то же самое.

Потом я вслух интересуюсь:

— А что насчет тебя? Ты росла религиозной?

— Да, можно и так сказать. Моя мама всегда придерживалась разных духовных взглядов. Чуть-чуть Мормонизма здесь, немного Протестантизма там, но все неудачно. Она интересовалась Кабалой, пока Мадонна все это не извратила. Теперь она вся в Буддизме — Тине Тернер с ним повезло.

Когда мы возвращаемся к моему байку, время близится к вечеру. Я складываю одеяло и камеру в багажник, и в мой нос бьет запах горячих хот-догов из тележки, что на тротуаре, от чего у меня бурчит в животе. Я достаю свой бумажник и спрашиваю у Ди:

— Хочешь?

Она смотрит на хот-доги, как на заряженное ружье.

— Ай... нет. Я предпочитаю прожить больше пятидесяти, спасибо.

Я заказываю себе один с добавлением чили, а потом отвечаю:

— Хот-дог на улице — это Нью-Йорк.

То же самое можно было сказать о кусочке пиццы.

— Хот-дог на улице — это сердечный приступ. Ты знаешь, сколько там нитратов?

— Вот поэтому он такой вкусный. Знаешь, для того, кто утверждает, что он весь такой «лови момент», у тебя слишком много пунктиков.

Она поддается.

— Хорошо, ладно... — потом говорит продавцу. — Один, пожалуйста.

— Хочешь чили? — спрашиваю я.

— Конечно. Или все, или ничего, так?

Я улыбаюсь.

— Мне нравится ход твоих мыслей.

Мы стоим рядом с моим байком и поедаем хот-доги. Когда Ди заканчивает со своим, на ее подбородке остается немного соуса. Вместо того чтобы сказать ей об этом, я забочусь об этом сам с помощью моего рта.

— Ммм, — смакую я. — На тебе он еще вкуснее.

Она смеется. Так здорово.

Наша последняя остановка — фермерский рынок в Бруклине. Она была ограничена тем, что можно было увезти на моем Дюкане, но Ди сказала, что мое общество в этой поездке стоило того, чтобы приехать сюда еще раз позже на неделе. Я помог донести ей продукты до ее квартиры, и я уже готов был пригласить ее на обед, когда она обнимает меня за шею и целует в губы.

Хренов ужин может подождать.

Я роняю сумки на пол и хватаюсь прямо за ее зад. Сжимая его, а ее черные трусики хоть тонкие, но они мне мешают. Она зарывается своей рукой мне в волосы, пока я поднимаю ее и поддерживаю так, чтобы она обняла меня ногами за пояс, контактируя с моим набухшим членом. Я всасываю ее нижнюю губу, когда ее руки гладят мои плечи, распространяя тепло ее рук и тем самым меня расслабляя. Слегка царапаю губами линию ее скул, и разворачиваюсь

так, чтобы прижать Ди к холодильнику. Она стонет, когда наши бедра трутся друг о друга.

Мы оба тяжело дышим, и я целую ее шею. Потом она стонет:

— Мэтью... Мэтью, мне нужно...

Мои губы движутся по ее горячей коже.

— Боже, мне тоже...

— Я...

Следующее, что я знаю, Ди высвобождается из моих объятий, пихает меня так, что я заваливаюсь на свой зад. Я ложусь на пол, тяжело дыша, пытаюсь осмыслить, что за черт сейчас происходит — когда из ванны доносится явный звук рвоты.

Готов поспорить, такого вы не ожидали, а? Нас уже двое.

У меня бурлит в животе, когда я иду по коридору — мне самому нехорошо от звуков того, как тошнит Ди. Я хватаюсь за косяк.

— Ты в порядке?

Она садится перед унитазом, прикрывая рот салфеткой, глаза ее закрыты.

— А я выгляжу так, будто я в порядке, гений?

— Нет.

Она стонет... очень даже сексуально.

— Ты со своими идиотскими хот-догами. Думаю, все дело в них.

Как и любой мужчина, которого обвиняют, я начинаю защищаться.

— Они были нормальными. Если бы они были плохими, я бы...

И я даже не могу закончить свое предложение. Потому что к лицу подступает жар, а в желудке все сжимается, и я ныряю в пластиковую корзину для мусора, что стоит в углу.

Отчего Ди рыгает еще больше.

А я думаю про истории Лардасса [15] и барфору [16] из *Останься со мной* [17]. И, возможно, я бы посмеялся над всей этой ситуацией, если бы не чувствовал себя так ужасно.

Постепенно, мы переползаем на кровать и ложимся рядом друг с другом, — я растягиваюсь, а Ди в позе эмбриона.

— Это все твоя вина, — хнычет Ди.

— Ты права. Здесь ты права.

— Я тебя ненавижу. Нет, я не то имела в виду. Ты мне очень нравишься. Кажется, я умираю, Мэтью.

— Ты не умираешь. А вот я, наверно, умираю.

Даже если мы по природе сильнее женщин, общеизвестно, что мужчины в десять раз сильнее подвержены болезни. Просто спросите об этом своего мужа или бойфренда.

Ди открывает ящик своей прикроватной тумбочки, качая кровать, и что-то оттуда достает.

— Что ты делаешь? — рычу я. — Прекрати двигаться.

Это был первый раз в моей жизни, когда я такое говорю девушке.

— Я пишу записку Кэти, что бы тебя нахрен арестовали за непреднамеренное убийство, если я умру... а заодно и продавца хот-догов.

— Какая ты жестокая женщина, Долорес.

— Лучше узнать тебе об этом сейчас, — говорит Ди, хотя и придвигается ко мне поближе. Я круговыми движениями глажу ее по спине, чтобы успокоить до тех пор, пока она не перекатывается и не берет мою руку в свою. Так мы и лежим до тех пор, пока не засыпаем.

ГЛАВА 9

Просто удивительно, как ты сближаешься с человеком, после того, как вместе с ним в течение 24 часов промучаешься от отравления. Такого рода интимность достигается месяцами, даже годами. Сейчас я знаю, как выглядит лицо Ди, когда она кончает, и когда она блюет.

В понедельник мы оба не выходим на работу из-за болезни, потому что все еще чувствуем себя мерзко. Мы принимаем по отдельности душ, и я надеваю пару штанов, которые принадлежат ее кузену. Обычно, я не ношу одежду других мужиков, но эти штаны были чистыми и лежали, аккуратно свернутые на полке в шкафу у Ди. Это значит, Уоррен носил их давно и меня это вполне устраивало. К тому же, сама мысль о том, чтобы надеть вчерашнюю одежду, была отвратительной.

Долорес сидит рядом со мной на диване, а ее ножки обутые в мягкие тапочки-кролики лежат на кофейном столике. Сама она одета в мягкий халат лилового цвета, который был бы весьма далек от сексуального, будь он на другой девчонке. Но я-то знаю, что под ним нет ничего, кроме мягкой, обнаженной кожи — это сексуально.

Я щелкаю каналы на телевизоре, и мы пытаемся договориться, какой же смотреть фильм. Проблема в том, что у Долорес есть вагина, что означает, ее вкусы в кино варьируются от ужасного до невероятного.

Не надо на меня скалиться — я всего лишь озвучиваю то, что знает каждый мужчина в мире. Причина того, что такая херня, как *Английский Пациент* и *Король Говорит* выигрывают Оскара? Да, женщины просто пищат от Рэйфа Файнса и Колна Ферта. Конечно, *Храброе Сердце* тоже завоевало кучу наград, но не только потому что это отличное кино. Кто там? Мэл Гибсон? Этим все сказано.

Ди отстаивает свое девчачье предложение.

— Я люблю фильмы про лучших друзей — они очень вдохновляют. *Тельма и Луиза*, *На Пляже*, *Стальные Магнолии* — это одни из моих любимых. Я всегда представляю себя и Кейт, как

Уизер и Клэр, когда мы станем старше.

— Что такое Стальные Магнолии? А еще важнее, кто такая Уизер?

Она выглядит одновременно удивленной и шокированной.

— Ты никогда не смотрел *Стальные Магнолии*? Ты хоть человек, вообще? Это был один из первых фильмов Джулии Робертс.

Я всплескиваю одной рукой, когда пытаюсь возразить:

— Нет, ни за что я не собираюсь смотреть Джулию Робертс! Дрю целый год по ней сох, когда был ребенком, и до сих пор не оправился. По сей день, сам того не замечая, у него вылетают фразочки из *Красотки*. Так что извольте.

— Тогда, что мы будем смотреть?

Я прокручиваю фильмы, что по запросу и нахожу победителя.

— *Конан-Варвар*. Самая великая история любви всех времен и народов.

Она морщит свой носик.

— Обычно Шварценеггер радует мой глаз, но сегодня я не в настроении. Давай посмотрим *Стальные Магнолии*.

Я качаю головой.

— Нет. Это два часа моей жизни, которые я потеряю впустую.

Долорес поджимает под себя ноги и поднимается на колени. По ее лицу скользит хитрая навязчивая улыбка, по которой я уже могу судить, что она в настроении кое-чем заняться. Она склоняется надо мной, я наклоняю голову в бок, чтобы не прерывать зрительного контакта.

— Ты чувствуешь себя получше, Мэтью? Потому что мне гораздо лучше.

вернуться

15

толстый человек, который очень много ест

вернуться

16

отвратительный домино-эффект, когда один человек блюет на другого, и так по кругу

вернуться

17

фильм про четырех подростков

Я быстро мысленно оцениваю свои возможности.

— Даа, я в порядке.

Ее улыбка становится шире, с еще большим намеком на секс.

— Тогда давай заключим пари. Кто первый заставит другого кончить, тот и выбирает кино? Что скажешь?

Теперь ясно, почему у Долорес такой успех в химии — у нее такой удивительный и изобретательный тип мышления.

Я в задумчивости прикусываю нижнюю губу.

— Я скажу, что это такое пари, в котором я с удовольствием одержу победу.

Она отклоняется назад и медленно распахивает свой халат.

— Не с таким удовольствием, как я заставлю тебя проиграть.

Мы были совсем рядом. Если бы это были гонки «Нэскар», пришлось бы обращаться к фотофинишу — нас отделяли несколько секунд. Но... Ди выиграла. Она выбирала кино. Хотя, я не слишком расстроился по поводу своего поражения. Если вы проигрываете пари, то это должно быть именно так.

В любом случае, *Стальные Магнолии* вовсю идут. И это лишь усиливает мое мнение о женщинах и фильмах, потому что в этом фильме ни черта не происходит. Начинается оно со свадьбы, а теперь, похоже, Джулия Робертс собирается умереть. А помимо этого? Просто куча девчонок болтают, делают себе прически, и *еще больше* болтают.

Ди сидит рядом со мной, сосредоточив свое внимание на фильме, в котором дама из *Полицейского и бандита* — здесь она мать Джулии Робертс — начинает разговаривать со своим друзьями на кладбище. Нос у Ди уже красный, а глаза на мокром месте. Я снова смотрю в кино и слушаю, как женщина начинает кричать и плакать и причитать, как ее внук сможет узнать, как же сильно его мать любила его.

И ни с того, ни с сего я начинаю думать о Маккензи, и — да простит меня Бог, — если бы что-то случилось с Александрой, как бы чувствовала себя Маккензи. Кто бы ей рассказал, как многого она бы лишилась. Стивен — отличный парень, замечательный отец, но мать — особенно такая ярая мамашка, как Александра — такая любовь — нечто иное. Сильнее.

Незаменимая.

Хоть и квартира Ди не очень пыльная, наверно что-то все-таки мне попало в глаза. Я их потираю, чтобы вытащить то, что мешает.

И шмыгаю носом. *Чертова аллергия.*

— Ты что ли плачешь? — удивленно спрашивает ее Ди, а в ее голосе слышится смех.

Скривив лицо, я поворачиваюсь к ней:

— Нет, я не плачу.

Потом снова смотрю на экран. Где бедная безутешная мать Джулии Робертс кричит, что она в порядке, когда очевидно, что нет. Плачет по всем тем вещам, которые она смогла сделать, а ее ребенок так и не смог.

Господи, как горько.

— Охренеть, это так печально! — я жестом показываю на телевизор. — Как ты можешь смотреть эту хрень и не хотеть при этом не застрелиться?

Ди начинает смеяться, закрывая рот рукой.

— Я люблю этот фильм, потому что он заставляет меня плакать.

Даже так? Это все равно, что сказать: я люблю столик в коридоре моих родителей, потому что вечно об него запинаюсь каждый раз, когда прохожу мимо него босиком.

— Почему?

Она пожимает плечами.

— Иногда полезно поплакать. Очищает душу. Ты никогда не плакал над фильмом?

Меня обижает то, что она вообще додумалась такое спросить.

Я качаю головой, а потом останавливаюсь, когда вспоминаю.

— *Рокки-3*. На этом фильме я плакал, но это не считается. Если кто-то не всплакнет, когда умирает Майки, у того нет души.

Она пожимает плечами.

— Не смотрела его.

— Много пропустила. А *Хищника* смотрела?

Она качает головой.

— Оригинал *Побег из Нью-Йорка*?

Опять нет.

— *Воины*?

— Неет.

Потом меня посещает мысль.

— Погоди, твой кузен рос с тобой и твоей матерью, так?

— С тех пор, как мне было шесть лет, да.

— Значит, у вас в доме жил мальчишка, и как так получилось, что ты никогда не смотрела эти фильмы? Это же классика!

Я ее спрашиваю, но почти уверен, что я уже знаю ответ.

Ди пожимает плечами.

— Билли был счастлив смотреть то, что смотрела я.

Конечно. Вот когда я решаю взять под свое крыло того беднягу, лишённого в жизни роли мужчины.

К вечеру понедельника я уже чувствовал себя вполне хорошо, чтобы вернуться к себе в квартиру. Вы подумаете, что после почти двух полных дней отсутствия, я по ней соскучился — я был рад вернуться домой. Но здесь было как-то... тихо. Даже, скучно.

Я проявляю фотографии, на которых я заснял Ди в парке. И пока я жду в темной комнате, я думаю о том последнем разе, когда я был здесь. С ней. Ее горячий рот, прикосновение мягкого языка, то, как втягивались ее щеки, когда она высосала меня наглухо.

Пока мои мысли дико скачут, я едва сдерживаю свой порыв позвонить Долорес и умолять ее приехать. Я устоял, но только потому, что мы уже договорились, что она приедет сюда в среду вечером.

И по мне, среда придет еще не скоро.

В среду днем я встречаюсь с Александрой, чтобы пообедать.

Погода хорошая, так что мы сидим за столиком на улице. Я откусываю свой бургер, пока Александра жуёт свой салат с жареными креветками. Потом я ей говорю:

— Вот... я кое с кем встречаюсь.

Пока я рос вместе с Дрю, я всегда считал Лекси своей старшей сестрой. Но тот факт, что мы не делили одни и те же гены, или не должны были жить вместе, сделал наши отношения менее задиристыми в значительной степени, по сравнению с ее братом. Она присматривает за мной, но делает это не так «по-матерински», как с Дрю. Она психует, когда я чего-нибудь натворю, но она не чувствует за это ответственности. А для меня кругом одни плюсы — все преимущества наличия старшей сестры, но без занозы в заднице.

— Насколько я знаю, ты и мой брат «встречаетесь» с кучей женщин.

Я улыбаюсь.

— Эта мне нравится.

Она кивает.

— Еще раз, тебе и Дрю «нравится» целая куча бедных, ничего не подозревающих дамочек. Что в этой такого, что ты о ней упомянул?

— Она мне *нравится*. Нравится.

Голубые глаза Александры расширяются.

— Ух ты! Ну, давай, рассказывай!

Я смущенно перевожу свой взгляд на бургер.

— Ее звать Долорес.

— Сколько информации.

— Она... другая.

Лекси пытается вытянуть из меня побольше деталей.

— Другая... потому что у нее три груди?

Я смеюсь.

— Нет. Но я бы не отказался, если бы было. Она... классная. Мне нравится с ней болтать, понимаешь? Она говорит, что не хочет заводить отношений. А я надеюсь поменять ее мнение на этот счет. Я не чувствовал так себя с тех пор, как...

Александра прикладывает ладонь к моим губам.

— Не надо. Даже не произноси имя этого грязного чудовища. Я здесь пытаюсь поесть.

— Тем не менее, я не уверен, что из этого, что-то получится, но я...

Мне не удается закончить свое предложение. Потому что мое лицо окатывает волна ледяной красной жидкости.

На вкус, как черри.

— Лживый хрен!

Я вытираю лицо, глаза. Когда мой взгляд проясняется, я вижу, что на тротуаре стоит Долорес — с теперь уже пустой, зажатой в руках баночкой из-под напитка.

Которую она собирается зашвырнуть в мою голову.

— Весь этот треп, чтобы не цеплять других людей! Ты сказал, партнеры без обязательств! Ты бы мог мне понравиться, если бы сказал все напрямую! Я *так и знала* — я знала, что ты лишь еще один лживый кретин, который просто не любит делиться своими сексуальными игрушками, но без проблем играет с другими!

К этому моменту, Александра и я уже оба стоим на ногах. И я не могу понять, что происходит.

Я пробую:

— Долорес...

Но она обрывает меня.

— Четыре дня! Ты мне четыре дня твердил, что тебе нет дела до других, и тут я встречаю тебя с... с...

Лекси протягивает ей руку, чтобы пожать.

— Александра Райнхарт.

Ди обращает свой яростный взгляд в сторону Лекси. Но она прекращает свою тираду, когда интересуется:

— Райнхарт. Откуда я знаю это имя?

Она дает мне ответить. Наконец-то.

— Она мать Маккензи.

Если вы присмотритесь, вы практически сможете увидеть в глазах Ди, как она прокручивает наш предыдущий разговор.

— Маккензи... псевдо-племянница?

Она поворачивает голову в мою сторону.

— Это значит, что она...

— Девочка, с которой я вырос — да. Сестра Дрю.

Меня сменяет Александра.

— Сестра Дрю, жена Стивена, дочь Джона и Энн. У меня полно имен. Одно, в особенности, вот-вот будет использовано по назначению.

Вот в такие моменты я начинаю подозревать, что Александра в курсе своего прозвища. И это меня пугает.

Сильно.

Александра продолжает смотреть на Ди, но говорит она мне.

— Теперь я понимаю, что ты имел в виду, когда говорил другая.

А потом Долорес:

— Вы должно быть Долорес. Мэтью как раз рассказывал мне о вас. Я бы хотела сказать, что мне приятно познакомиться, но я уже достигла лимита этого дерьма за неделю.

Александра медленно ее обходит — как акула, проверяющая раненого тюленя.

— Знаешь, Долорес, моя мама говорила мне, что хоть мужчина и не собирался поразить

женщину, я никогда не должна этим пользоваться. Что я никогда не должна действовать каким-либо образом и не ждать в ответ такой же реакции.

Ди складывает на груди руки и упрямо стоит под тяжестью неодобрительного взгляда Александры.

— Мэтью рассказал Вам о наших отношениях. Он для меня, как второй брат. И из них двоих? Он будет лучше. Помните об этом, прежде чем снова запустить в его голову сок.

Ди лишь слегка отступает.

— Это был не сок, а газировка.

Александра щелкает на меня пальцами.

— Дай мне свою рубашку и пиджак.

Стянув с себя галстук, я отдаю ей вещи и остаюсь стоять на тротуаре в одной белой майке и серых штанах. Ди тянется за вещами в руках Лекси.

— Я заплачу за химчистку.

Александра закатывает глаза.

— Химчистка не возьмет такие пятна. К счастью, у меня есть самодельная паста, которая может помочь.

И говорит мне:

— Можешь забрать их в субботу.

Она кладет руку мне на плечо и целует меня в щеку, при этом вытирая салфеткой красные пятна с моего уха, что до сих пор там остались.

— Я должна идти. Удачи, она тебе понадобится.

До того, как Александра уходит, Ди предлагает:

— Надеюсь, что в следующий раз мы встретимся при более приятных обстоятельствах.

А Александра отвечает:

— Я, серьезно, сомневаюсь, что мы еще встретимся. Мэтью — милый, но не тупой.

Потом она хватается за сумку и уходит вниз по улице.

Ди и я смотрим ей вслед.

Себе под нос Ди говорит:

— Она всегда такая сучка?

Я улыбаюсь.

— Такая уж она есть.

Потом я провожу рукой по своим липким волосам.

— Какого хрена, Ди?

Она снова складывает руки на груди и бормочет:

— Я не извиняюсь. Это естественная ошибка. Я тебе говорила, что у меня вечно так. Я даже с партнерами без обязательств умудряюсь все испортить. Я просто прогуливалась в обеденный перерыв, и просто глазам не могла поверить, когда увидела тебя. Что еще я могла подумать? Хочешь послать меня подальше, твое решение, но я ни о чем не сожалею.

Я беру ее за плечи, опускаю голову и затыкаю ей рот глубоким поцелуем. Потом говорю ей:

— Не собираюсь я тебя посылать. И ты не должна извиняться.

Я знаю, знаю — *ты что ли совсем из ума выжил, Мэтью?* Нет, я не тюфяк — я просто ничего не имею против женщин со страстью, искрой. И небольшой собственнический инстинкт — не такая уж и проблема. Плюс, Барни Стинсон [18] уже высказался на этот счет, Долорес достаточно сексуальна, чтобы вести себя так ненормально, как ей только хочется, и я все равно не выкину ее из постели.

Конечно, это не значит, что я отпущу ее без расплаты. Поэтому я притягиваю ее крепче и трусь своей головой об ее лицо и голову. Растирая свою любовь — и как можно больше напитка.

— Ай! — кричит она и смеется и шлепает меня по спине.

Постепенно я отклоняюсь и говорю:

— Вот. Теперь мы квиты.

Быстренько целую ее в губы.

— Я собираюсь поехать домой, чтобы принять душ. — Потом у меня возникает замечательная идея. — Не хочешь присоединиться?

Она улыбается, пока вытирает щеки.

— Я должна вернуться на работу.

Я киваю.

— Но вечером мы увидимся?

— Конечно.

И только когда она уходит, я замечаю на ней белый халат, надетый поверх ее черного кожаного платья, бордовые колготки и высокие кожаные ботинки. Я кричу ей:

— Эй, Ди?

Она поворачивается.

— Захвати с собой белый халат. И пару защитных очков, если у тебя есть.

Вы посчитаете, что нам еще рано думать о ролевых играх. Но раскрою вам секрет: *Для ролевых игр рано не бывает.*

ГЛАВА 10

Несколько следующих вечеров мы с Долорес проводили вместе. Мы ходили в клубы потанцевать и оставались дома, начинали смотреть фильмы и пропускали их конец; занимались по несколько часов жарким сексом — таким, после которого чувствуешь себя грязным, но при этом тебе не терпится все повторить.

Мы также разговаривали — что удивительно. В постели, или сидя за столом друг напротив друга.

На поверхности обеденного стола.

Ди любит поболтать.

Любит делиться, что-то объяснять. Также у нее есть... теории... на любую тему, которую только можно вообразить. Хотя все ее теории довольно забавны, некоторые из них вполне ничего. Возьмите вот эту, например:

— Джон Хьюз [19] был неистовой женофобской свиньей.

— Откуда ты знаешь?

— Посмотри «Клуб «Завтрак». Там пять главных стереотипов парней — качок, бандит, мозг, придурочный учитель, прикольный надсмотрщик-пофигист. А что с девушками? Их две. Королева красоты и чудачка — подсознательно говоря целому поколению девчонок-подростков, что они могут быть либо красавицами, либо ненормальными, но ни то и другое вместе. Потому что в итоге, когда забавные девчонки становятся красавицами, они уже больше не чудачки. Это хреново. Думаю подать на него за это в суд.

Или это:

— Микроволновая печь — это зло, никогда себе ее не куплю.

— Ладно.

— Резкое увеличение уровня заболеваемости среди детей, аллергия, и нарушение развития можно как раз проследить с того момента, когда микроволновые печи стали использоваться в домашних условиях. Это потребительское злоупотребление. Но ты должен молчать об этом. У корпораций везде есть свои уши, и они не заставят себя должно ждать, чтобы прийти и заткнуть тебя.

— Мой рот на замке.

Потом, вот такая вот жемчужинка:

— Ты на самом деле думаешь, что пирамиды построили египтяне?

— Конечно, есть же документы.

— Ох, бедненький наивненький мальчик. Как же они смогли перемещать такие здоровые камни, размером с дом? Как же они смогли построить подземные прочные тоннели и комнаты, не имея никакого инженерного оборудования?

— Ну ... если их построили не египтяне, тогда кто?

— Инопланетяне.

— Инопланетяне?

— Конечно. Есть же куча доказательств того, что уже много веков инопланетяне посещают Землю — а ты и не знаешь.

Нет, и не хочу знать. Вот это последнее — слишком жуткое — и вполне убедительное — как по мне.

В субботу утром я просыпаюсь от звука бегущей воды в душе. И скрипучего эхо от пения Долорес в нем. «I Knew You Were Trouble» Тэйлор Свифт наверное самая противная песня — но ужасное исполнение Ди заставляет меня усмехнуться.

И чтобы зря не пропадать моему стояку — особенно тому, что бывает по утрам — я беру из тумбочки презерватив, выскальзываю из кровати и захожу в ванную комнату.

вернуться

18

Персонаж из телесериала «Как я встретил вашу маму»

вернуться

19

американский режиссер, продюсер и сценарист таких фильмов, как «Один дома», «Бетховен», «101 Далматинец»

— ...проблемы... ааа... ааа... — у нее закрыты глаза, а ее голова наклонена на бок, чтобы прополоскать ее длинные волосы под струей душа, — ... ааа....

Я встаю под душ, и, не теряя времени, тут же прикасаюсь к сочному соску Ди, который итак уже гордо торчит. Она не удивлена. Не кричит. Ее фальшивое «ааа» сменяется приглушенным стоном, а ее руки начинают скользить по моим плечам, притягивая меня ближе к ней.

Мне нравится, что она знает, что это я, даже не открывая глаз.

Я понимаю, что вероятность того, что кто-то еще мог ласкать ее красивую грудь на этом самом месте в это самое время, ничтожно мала. Но я хочу сказать... она знает мои прикосновения. Мои звуки, мои движения. Мы привыкли друг к другу — *настроились друг на друга* — по полной. Я знаю, что ей нравится, когда ее тянут за волосы, как раз в тот момент, когда она собирается кончить. А она знает, что я схожу с ума, когда вижу, как она трогает кольцо на своем соске, или когда она ведет языком по моему животу.

Когда она трется — извивается — рядом со мной, я отпускаю ее грудь, и перехожу к ее губам, скользя по ним своими губами, и проникая языком в ее горячий рот. Не разрывая поцелуя, я ловко надеваю презерватив. Затем обнимаю одной рукой ее за талию и небольшим усилием чуть ее приподнимаю.

Ее ноги занимают свое привычное место вокруг моей талии. Держа свой член в руке, я провожу его концом по ее киске, и, не смотря на то, что на нас льется теплая вода, я чувствую, какая она горячая и готовая меня принять.

Я вхожу в нее на всю длину, прижимая ее спину к стене. Она отрывает свои губы от моих и издает стон. Ее голова отклоняется назад, когда я начинаю двигаться — делая сильные, неторопливые движения, полностью ее заполняя. Я тяжело дышу рядом с ее щекой. Она прикусывает меня за плечо, и я начинаю рычать.

Она сильнее сжимает меня ногами, и я двигаюсь быстрее. Желая проникнуть в нее все глубже. Сильнее. Больше.

Всегда больше.

Она задыхается.

— Как я люблю твой член. Он идеален.

Она прижимается ко мне, ерзая вверх и вниз по мне, в такт движений моих бедер.

— Трахни меня, Мэтью... трахни меня своим идеальным членом.

Ее слова меня только распаляют. Делают меня еще тверже.

Я чувствую, как дрожат ее мышцы, начиная сокращаться вокруг меня — сжимая — делая каждый толчок моих бедер более напряженным и невероятно приятным. Я ускоряюсь даже еще больше, желая, чтобы мы кончили вместе.

Ее спина прижата к стене, между нашими телами нет ни дюйма просвета, когда я проникаю в нее все глубже и глубже. Потом она сжимает стенки своего лона, удерживая меня внутри себя, при этом похныкивая. И вот я там, вместе с ней — кричу ее имя, когда каждый нерв моего тела взрывается в восторженном безумии.

Ди снова меня целует. В этот раз помедленней, почти с нежностью. Я ее не отпускаю так сразу, но прижимаюсь лицом к основанию ее шеи, намереваясь вот так вот вместе с ней тут и остаться. Будь моя воля — на весь день.

Она губами покусывает мое ухо и шепчет:

— Доброе утро.

Я поворачиваюсь, так что теперь мы оказываемся прямо под струями воды, и постепенно ослабляю свои объятия и спускаю ее вниз. С глупыми удовлетворенными улыбочками на лице, мы медленно друг друга моем, а потом выходим из душа.

Когда вытираюсь полотенцем, смотрю на свои часы.

— Черт, я опаздываю.

Ди вытирает свои волосы хлопковым полотенцем.

— Опаздываешь куда?

Я улыбаюсь.

— У меня свидание.

Не смотря на настойчивость Долорес в том, что она не хочет серьезных отношений, очевидно, что такое заявление ее задевает. Ее изящные плечики напрягаются, подбородок вздернут вверх, а глаза темнеют и становятся уже. Она изо всех сил старается, чтобы голос ее звучал безразлично.

Старается — тщетно.

— Ах, свидание? Мило. Молодец.

Я хватаю ее и притягиваю к себе так, что она не может никуда смотреть кроме моего ухмыляющегося лица.

— Не хочешь к нам присоединиться?

Она пытается отойти от меня.

— Рановато еще для секса втроем, не думаешь?

У меня тут же уши торчком.

— У тебя был секс втроем?

Хотя второй моей мыслью было то, что я не хочу этого знать.

— Не важно. Не отвечай. Хотя мне нравится ход твоих мыслей. Я не прошу о сексе втроем, я прошу тебя пойти в зоопарк...

— Звучит извращенно.

Я сжимаю ее бедра.

— ...со мной и Маккензи.

Ди переваривает мои слова. Потом она улыбается — облегченной, благодарной улыбкой. Думает еще немного.

— А разве Мисс Химчистка-никогда-не-поможет-избавиться-от-этого не будет возражать, что я буду с вами?

Многие семьи слишком вмешиваются в дела друг друга. Вы знаете, что я имею в виду. Сестры, которые не разговаривают друг с другом, потому что одной не нравится, что другая вышла замуж за парня, который не нравился первой. Братья, которые дерутся из-за какой-нибудь подружки-стервы, и друзья, которые не поддерживают отношений, потому что один отказался прислушаться к совету, о котором с самого начала и не просил во все.

Даже если Александра и успела возненавидеть Ди, из уважения ко мне, она никогда этого не покажет. Несколько месяцев Дрю пытался сказать мне, что Розалин не была той, за которую я ее принимал, и хоть я ему не верил, и хоть он оказался прав, он не тыкал меня лицом во все это.

Самые лучшие семьи пытаются смягчить удар — но не могут, они просто оказывают первую помощь ходячим раненым.

— Ты же будешь со мной. Этого ей достаточно.

Дом Александры и Стивена на ист-сайте Манхэттена — шикарное место. Думаю, его печатали даже в *Architectural Digest* [20] или что-то в этом роде. Несмотря на все его великолепие, у Лекси все-таки получается создать ощущение дома, а не музея. Она открывает дверь для меня и Ди, и мы входим в светлую прихожую с мраморным полом.

Ведя себя самым лучшим образом, Ди говорит:

— Привет, Александра. Приятно снова тебя увидеть.

— Долорес — какой сюрприз. Ты сегодня пойдешь с Мэтью и Маккензи в зоопарк?

— Пойду.

Лекси улыбается, но у нее в глазах задорный огонек.

— Мило. Только я не разрешаю Маккензи бросаться едой, поэтому, пожалуйста, помни, что ты должна быть хорошим примером.

Я обнимаю Ди за талию.

— Мы постараемся себя контролировать... но ничего не обещаю.

В этот момент в фойе въезжает Маккензи на своем красном трехколесном велосипеде, издающем разные звуки. Она начинает кататься вокруг круглого стола из красного дерева в центре комнаты, отчего начинает шататься ваза с изысканным букетом орхидей и лилий. Это напоминает мне о Дэнни Торренсе из *Сияния*, но без этого страха, от которого волосы дыбом.

Маккензи паркует свой велик и слезит с него, одетая в джинсовый комбинезон.

— Привет, дядя Мэтью!

Меня обнимают.

— Привет, принцесса. — Я киваю головой в сторону Долорес. — Это моя подруга Ди. Она

пойдет с нами в зоопарк сегодня, ладно?

Маккензи никогда не была стеснительным ребенком — она уверенная в себе и прямолинейна, не важно, где она и с кем. Черты характера, которые прочно засели в их семье.

— Привет, мисс Ди.

«Мисс» — это все Александра. Она вбивала все эти формы уважения в голову Маккензи с тех пор, как она начала говорить.

Долорес машет рукой. Потом Маккензи обращает внимание на черный меховой жилет, что надет на Ди. Она протягивает руку и гладит его, как кролика. А потом спрашивает:

— Это твой костюм на Хэллоуин?

На Ди узкие белые штаны, белый топ, и черные кроссовки, усыпанные камнями. И все это с жилетом, я могу понять, почему Маккензи подумала, что это костюм — Далматинец, или зебра.

— Маккензи, это грубо, — предупреждает Лекси.

Но Ди машет на нее рукой.

— Нет, все в порядке.

Она приседает вниз, чтобы оказаться на одном уровне глаз с Маккензи.

— Мне нравится одеваться так, будто Хэллоуин каждый день.

вернуться

20

Ведущий международный журнал об архитектуре и дизайне интерьеров

Лицо Маккензи озаряется.

— Классно. А мне так можно, мама?

Александра качает головой.

— Нет, ты можешь быть Франкенберри только раз в году.

На этом, я получаю нейтрального цвета сумку со всем необходимым, что должно быть под рукой, когда любой ребенок в возрасте Маккензи покидает дом. И мы отправляемся в зоопарк.

Когда я был ребенком, я думал, что зоопарки — это какая-то ерунда. Вот берете медведя или льва — царя зверей — и закрываете его в клетке 300 на 300 футов, добавляете немного зелени и ждете, что он будет счастлив? Дикие животные должны быть... дикими. Когда я стал

старше, я понял, что многие животные были спасены, потому что они были больны или ранены, и в любом случае не выжили бы на воле. Хотя можно говорить о том, что в природе все естественно, я все равно смотрю на зоопарки как дома престарелых в дикой жизни, где львы и тигры и медведи доживают свои последние дни, пока за ними ухаживают.

Жить здесь, наверно, не так здорово, как в дикой природе... но это всяко лучше, чем умереть.

Ди, Маккензи и я весь день проводим в Центрально Зоопарке — львы, рептилии. В отличие от многих женщин, Ди на самом деле любит змей. В детстве ей хотелось получить удава в подарок на день рождения, но ее мама сказала «нет». В знак утешения ее кузен купил ей резинового.

Мы обедаем — пиццей — и я даже не смотрю в сторону тележки с хот-догами. С чили догами покончено.

Ди покупает Маккензи шарик в форме белого мишки и они долго обсуждают то, что сколько шариков ей понадобится, чтобы взлететь, как в мультике *Вверх*. Ди — потому что она все знает о газах, как гелий — действительно смогла вычислить на своем калькуляторе, сколько их потребуется. Маккензи была под впечатлением.

Я только надеюсь, что она не уцепится за эту идею.

В данный момент мы поедаем поп-корн и наблюдаем за пингвинами.

— Вы знали, что пингины-девочки выбирают пингинов-мальчиков по яйцам?

Ди давится кукурузой.

Маккензи этого не замечает.

— Дядя Дрю говорит, что девочка делает это так — пингины должны станцевать для них. Потом, мальчик — пингвин должен пронести на своих ногах долгое время яйцо.

— А эти девочки — пингины не дурочки, — комментирует Ди. И Маккензи усердно кивает.

Потом мы переходим к обезьянам. Не уверен, какого они вида, но это маленькие белые пушистые комочки, которые только кажутся, что сидят спокойно, когда они пытаются забраться друг на друга. Долорес фыркает, а Маккензи говорит:

— Эти очень много борются.

Я усмехаюсь, и тихонько говорю на ухо Ди:

— У меня появилась кое-какая идея, глядя на этих мелких извращенных созданий. Нам надо отсюда уходить, пока я не опозорился тут.

Маккензи — потому что у нее поистине собачий слух — спрашивает:

— Дядя Мэтью, что значит «извращенный»?

Я быстренько спасаюсь:

— Радостный.

Она кивает... и укладывает это в своей удивительной непредсказуемой головке.

Мы все трое выходим из такси у дома Александры и Стивена. Я держу Маккензи на руках, и она полусонная лежит на моем плече. Ди несет шарик Маккензи и ее сумку и еще кучу всяких штучек из подарочного магазина, которые я просто не мог ей не купить. Александра впускает нас внутрь, Маккензи оживилась, потирая глаза. Я ставлю ее на ноги, и она обнимает нас обоих, говоря нам спасибо без напоминаний.

Александра говорит ей:

— Там на твоей кровати лежит пакет — его принесли, пока тебя не было. Я думаю это кукла Элизабет, которую бабушка купила тебе на день рождения, та самая, что не успела прийти вовремя.

Маккензи от удивления раскрывает рот и, прям дрожа от радости:

— Я так ее ждала. Я такая извращенка!

Потом она бросается из фойе в свою комнату.

Александра обращает свой яростный взгляд на нас:

— Потрудитесь объяснить это?

Я потираю сзади шею... а потом практически бросаю Стивена под колеса автобуса.

— Тебе следует поговорить со своим мужем. Он должен повнимательнее следить за своим языком, когда рядом Маккензи.

Я заглажу перед ним свою вину, я клянусь.

Ди присоединяется.

— Да, дети, как губки. Впитывают все, что происходит вокруг.

Судя по взгляду на лице Лекси, она на это не купилась.

— Нам пора, — говорит Долорес.

— Да, пора, — зеваю я. — Эти амфибии меня просто утомили. Пока, Лекси.

— Пока, Александра, — говорит Ди.

Потом мы убегаем.

ГЛАВА 11

В тот вечер я забиваю на тусовку с парнями. Ди и я заказываем китайскую еду и просто фантастически проводим вечер, трахаясь в каждой комнате моей квартиры.

Уже никогда я не посмотрю на свой бильярдный стол теми же глазами.

Мы отключаемся в моей постели, и я впадаю в чертовски изможденный сон... до тех пор, пока посреди ночи меня не будят шуршание одежды и шаги. Протираю глаза, чтобы обнаружить, что Ди не со мной рядом, а носится по комнате, в поисках своей одежды, и спешно ее натягивает, когда находит.

— Ди, ты в порядке?

Ее голос звучит совсем не сонно, а напряженно.

— Да, все нормально. Спи дальше, Мэтью.

Сонными глазами, я смотрю на часы: три часа ночи.

— Что ты делаешь?

— Собираюсь домой.

Заставляю себя сесть, пытаюсь прояснить сознание.

— Зачем?

— Потому что это то место, где я живу, забыл?

Не знаю, какая муха ее укусила, пока я спал, но я, правда, так устал спорить с ней. Отбрасываю одеяло.

— Ладно, дай мне минуту и я тебя отвезу.

Она взглядом сканирует пол и находит в углу свою сумочку.

— Не беспокойся, я возьму такси.

Понимая, что у меня мало времени, я натягиваю штаны и хватаю футболку, которая валялась на тумбочке, после того, как раннее ее с меня сорвали.

— Тогда я поеду с тобой на такси.

Долорес останавливается и дырявит меня хмурым взглядом.

— Может, тебя это шокирует, но я в состоянии добраться домой, большое спасибо.

— Сейчас три часа ночи, черт, Долорес.

Она пожимает плечами.

— Не то, что бы ты жил по соседству с плохим районом.

— Это Манхэттен. Любое соседство может быть плохим.

Она не отвечает. И не дожидается меня. Хватаю свои кроссовки и чуть не забываю взять ключи, когда бегу, чтобы поспеть за ней. Теперь уже полностью проснувшись, я натягиваю кроссовки в лифте.

— Ну что, ты злишься на меня из-за чего-то конкретного, или в общем, типа «все мужики козлы»?

Она складывает руки на груди.

— Я не злюсь.

Хотите перевод? Ты придурок, но ты должен сам вычислить почему, потому что я тебе не скажу.

Мы выходим из дома. Я даю швейцару отмашку и ловлю такси сам. Дорога до дома Ди напряженная и молчаливая. Я поглядываю на нее косым взглядом, потому что стоит посмотреть норвистой собаке в глаза, и она тут же перегрызет тебе глотку.

Она сидит прямо — вроде выглядит не злой, но тревожной, — как загнанное в угол животное, ждущее возможности сбежать. Когда мы подъезжаем к ее дому, Ди оказывает снаружи быстрее, чем водитель успевает полностью остановиться. Я прошу его меня подождать, и выскакиваю за ней.

Когда она вставляет ключ в наружную дверь, я кладу свою руку поверх ее.

— Не могла бы ты мне хоть намекнуть на то, что происходит сейчас в твоей голове, пожалуйста? Потому что я... как бы... понятия не имею, Ди.

Она тяжело смотрит на наши руки, вздыхая, поднимает взгляд на меня.

— Просто... как по мне, ты слишком торопишься.

Прислоняюсь плечом к стене дома.

— Если ты хотела, что бы я был помедленнее, просто надо было так и сказать. Сильнее, полегче, быстрее, медленнее — я всегда готов угодить.

— Как остроумно, Мэтью.

Ничего не могу поделать.

Она начинает махать руками себе в лицо — будто она на грани панической атаки.

— Я проснулась в твоей постели и... просто это уже слишком. Такое чувство, что я задыхаюсь. Мне нужно... больше пространства.

Пространства.

Точно.

Это исключительно женское понятие. Для мужчины, расстояние не сближает, а наоборот, предоставляет широкие возможности найти кого-то еще, куда бы запихнуть свой член. Когда парень, действительно, западает на женщину, его чувства к ней те же, что и к воскресному футболу — чем больше, тем лучше.

Тем не менее, я понимаю, о чем говорит Долорес.

Тогда, на прошлой неделе, я ведь предлагал ей что-то несерьезное, незаурядное, а последующий дни были какими угодно, но только не такими. Они были насыщенными. Встречи случались часто и систематично. И очевидно, что ее это пугает.

Когда времяпрепровождение с каким-то человеком становится в порядке вещей, уже трудно вспомнить, какой была твоя жизнь до этого... или какой она может быть после.

Хотя мне и нравится время, которое я и Ди проводили вместе, я не хочу казаться назойливым. Отчаяние — это такая вонь, от которой невозможно избавиться, после того, как ее вдохнешь.

— Тебе надо больше личного пространства — конечно — я понимаю.

Она открывает дверь и делает шаг внутрь. Потом опять поворачивается ко мне и неискренне улыбается.

— Я... позвоню тебе.

Я киваю.

И потом она захлопывает дверь прямо у меня перед носом.

Она не звонит.

Не на следующий день. Или в понедельник. Или даже не на самый священный третий день. Я не проверял свой телефон каждые пять минут или что-то типа того... но я лишний раз удостоверился, эта хрень полностью заряжена.

Долорес меня послала. Просто... охренеть.

Да, я кидал девушек раньше — хороших девушек, которые просто не могли удержать мой интерес. Да, и это первый раз, когда я оказался по ту сторону кидалова.

И нет — я не чувствую себя хорошо.

Мне следует забыть о ней. Вокруг полно альтернативы, ожидающих, когда я за ними приударю. Мне следует двигаться вперед и вверх. Вниз тоже всегда весело.

Мне следует... но я не хочу. Дело не в том, что она красивая, сумасбродная, а ее грудь — это то, из-за чего происходит поллюция. Помимо всего этого — Ди интересная. Очаровательная. Отличается от всех девушек, с которыми я раньше встречался. То, как устроен ее ум, как она дразнится, как бросает мне вызов — я мог бы целыми днями разговаривать с Долорес и мне бы никогда не наскучило.

Она заставляет меня думать, заставляет меня смеяться... возбуждает меня.

И просто как бейсбольный скаут может смотреть на игрока Маленькой Лиги и видеть в нем самого ценного игрока, я знаю, вместе нам могло бы быть здорово. Невероятно. Я возбуждаюсь всякий раз, когда нахожусь рядом с ней. Вот что заставляет мои мысли — и мои фантазии — снова и снова возвращаться к ней. Потому что за короткое время и при помощи каких-то дополнительных усилий, мы оба будем пожинать великолепные плоды.

К вечеру четверга, я беру своего быка за рога — или в данном случае, сучку за уши.

Я пропускаю спортзал и подъезжаю к дому Долорес, страстно надеясь подловить ее по дороге с

работы.

Вот она идет вдоль дома, быстро шагая в блестящих туфлях, открывающих ее пальчики на ногах, в белой воздушной блузке, которая струится волной при каждом движении ее рук, и зеленой юбке расцветкой змеиной кожи. Я торопливо к ней подбегаю. Когда она меня видит, упрямо вздирает подбородок вверх, нисколько не замедляя свой шаг.

— Привет, незнакомка.

— Здравствуй, Мэтью.

Я иду рядом.

— Как ты?

— Очень занята.

— Слишком занята, чтобы поднять трубку, а?

— Кто-нибудь, позовите заклинателя, что изгоняет дьявола — тобой завладела моя мать.

Я хватаю ее за локоть, заставляя остановиться. Сначала она психует, но когда ее взгляд встречается с моим, я это чувствую. Электричество. Возбуждение. Ее взгляд танцует на моем лице, упиваясь каждой деталью. И мое собственное чувство облегчения, что снова ее вижу — после всех этих дней, проведенных в жалких воспоминаниях — отражается в ее взгляде.

— Я не он, Ди.

— Кто?

— Тот придурок, из-за которого ты постоянно готова бежать, тот, что заставил тебя бояться отношений. Бояться позволить себе что-то чувствовать... желать кого-то... так, как ты желаешь меня, я знаю.

Она скрещивает руки на груди.

— Ты, наверно, не слишком часто летаешь — разрешенный вес багажа у авиакомпаний — сорок фунтов [21]. Твоя огромная голова, наверно, весит все сто.

Зависит от того, которую голову она имеет в виду.

Я улыбаюсь.

— Очень смешно.

Он отворачивается, глядя на проезжающие машины. И когда она начинает говорить, ее голос звучит уныло. Смесь печали и страха.

— Это не был «кто-то» Мэтью... это был каждый из них. Я уже это проходила. Нет никакого смысла переживать всю эту драму, когда ты уже знаешь, чем дело кончится.

Беру ее лицо в свои ладони, водя большими пальцами по ее теплым, мягким, как лепестки щекам.

— Но я не такой, как они.

— Так все говорят, а я верю. Но постепенно, правда выходит наружу, и парень, который был мне не безразличен — парень, которого, я думала, я знаю, — оказывается неудачником, или азартным игроком, или женатым, или просто обычным сукиным сыном.

У нее такой раненый взгляд, что у меня сжимается все в груди. От ее боли. И одна часть меня хочет изловить всех идиотов, о которых она сказала, и размазать по стенке их морды за их тупость.

Наклоняюсь к ней ближе, прижимаясь губами к ее шее. Мне хочется поразить ее так, чтобы она забыла все свои сомнения и страхи и всех придурков, которых она когда-то встречала. И я буду единственный, кого она будет чувствовать — единственный, кого она будет помнить.

— Пойдем сегодня сходим куда-нибудь, Долорес. Еще один раз. Даже если он будет последним.

Она хочет сказать «да». Это видно по ее глазам, по тому, как ее тело подается ко мне, а ее рука сама собой тянется к моей руке. Но из ее уст вырывается:

— Я не знаю...

Прижимаюсь губами к ее уху и шепчу:

— Дай мне еще одну ночь и после этого, если ты захочешь, я больше тебя не потревожу.

Она отводит голову назад, и проводит пальцем по моему лицу.

— Ты слишком упорный, чтобы тебе говорить «нет».

— Это дар.

Она вздыхает.

— Хорошо — еще одна ночь. Но в клубах будет пусто.

Я улыбаюсь и держу ее за руку, когда мы начинаем двигаться в сторону ее квартиры.

— Мы не пойдем в клуб.

Я гуляю взглядом по ее гладким голым ногам.

— И тебе следует надеть штаны.

Ее лицо озаряется любопытством.

— Куда мы пойдем?

Я подмигиваю:

— Сюрприз.

Если кому-то из вас уже захотелось, чтобы я женился на вашей дочери? От следующей части вы сойдете с ума.

Паркую свой байк на практически пустой парковке. Ставлю его на подножку и слажу с него. Долорес снимает шлем, чтобы получше рассмотреть светящуюся вывеску.

РОЛЛЕР-СКЕЙТИНГ ЦЕНТР.

Мы в Ньюарке — в его приличной части. Потому что, как и кинотеатры для автомобилистов, роллердромы быстро умирают. Их уже почти не осталось на Манхэттене, и лишь несколько осталось в Джерси. Я погуглил немного — вычислил по фотографиям в квартире Ди, это должно быть как раз то свидание, которое сделает ее хихикающей и сентиментальной.

И это самая лучшая вещь, после жаркой и возбужденной Ди.

Как обычно, я был прав. Улыбка Ди ослепляет, когда она слазит с моего байка. Она хлопает в ладоши и начинает подпрыгивать.

— О, Господи, это будет здорово! Я не каталась уже... даже вспомнить не могу сколько!

Это может звучать по-бабски, но наблюдать за тем, как улыбается Ди — становится моим самым любимым делом. Находить способ, чтобы заставить ее улыбаться, могло бы с легкостью стать моим новым хобби.

вернуться

21

фунт — 453,6 г

— Та катаешься? — спрашивает она меня, когда мы подходим к зданию.

Когда я рос, катание на роликах не было частым времяпрепровождением для меня и моих друзей. Но я уверен, что ни ничуть не уступлю.

— Раз, когда мне было лет девять.

Она хватает мою руку.

— Это как на велике, никогда не разучишься.

Она вверх-вниз водит бровями.

— А я могу делать убойный шафл.

Я усмехаюсь.

— Нисколько не сомневаюсь.

Внутри стоит смешанный запах резины, лака для пола и плесневелых ковров. После того, как взяли в аренду ролики и зашнуровали их, выехали на скейтинг-ринк.

Где я тут же припечатался своим задом к полу. Сильно.

Но, было прикольно, конечно.

Ди стоит рядом со мной, смеясь, и протягивает мне свою руку. Я ее беру — и притягиваю вниз к себе. Прямо на меня. Накрываю ее хохочущий рот своими губами, и в качестве наказания прикусываю ее губу. И как только все становится очень даже хорошо, в миллиметре от нас тормозит парень с прыщавым лицом в черно-белой форме судьи.

— Эмм... вы не могли бы... Это семейное место... Здесь нельзя этим заниматься.

Я улыбаюсь.

— Простите.

Долорес прикрывает свою улыбку рукой.

Я поднимаюсь и начинаю катиться опять. К концу второго круга я уже более твердо стою на ногах и мы катимся рядом друг с другом. Помимо нас там еще небольшое количество скейтеров, большинству из которых на вид не больше десяти.

— Думаю, мы здесь самые старые, — говорю я Ди.

— Нет, посмотри на них.

Она показывает на латиноамериканскую пару, которые выглядят на все восемьдесят, с идеальной синхронностью катятся, держась за руки.

— Разве это не мило? Вот чего я хочу, когда постарею.

Они выглядят... счастливыми. Уставшими, немного отрешенными, но абсолютно довольными друг другом. Наверно, это здорово быть с кем-то, кто знает тебя также хорошо, как и себя — и в конце дня, все еще хочет пойти покататься с тобой на роликах.

— Стать таки же в старости было бы хорошо. Но быть Хью Хефнером было бы лучше.

Ди закидывает голову назад и смеется. А потом соглашается со мной.

Позже, Долорес делает перерыв, садясь на скамейку, пока я покупаю содовую в баре с закусками. Когда я ковыляю назад, то вижу, как к Ди подкатывает мальчишка с ухмылочкой на лице и бейсболкой одетой задом наперед. Физически, он выглядит лет на двенадцать — но его поведение тянет на более старшего.

И говорит он как Джоуи Триббиани.

— Эй, детка, как у *тебя* дела?

Ди улыбается.

— У меня дела отлично, спасибо.

— А как насчет того, что ты и я — покатаемся в паре?

Прежде чем она успевает ответить, я уже рядом, передаю ей содовую, и отвечаю за нее.

— Следующий в паре с ней я, малыш. Отвали.

Его маленькие хулиганистые глаза осмотрели меня с ног до головы. Потом говорит Ди.

— Скоро тебя затошнит от этого быка и тебе захочется попробовать молоденького бычка, я буду там, — он показывает пальцем в сторону зала с игровыми автоматами, которые стоят вдоль стены, а потом уезжает.

— Что это за хрень еще?

Долорес усмехается.

— *Вот* именно таким я тебя и представляю, когда ты был ребенком.

Я пожимаю плечами.

— Ну, почти. Я был не таким беспардонным, и более привлекательным.

— Ну, может, это ты так думал, — говорит она, а потом делает глоток воды.

И из колонок доносится голос ДиДжея.

— Следующее катание только по парам... и у нас тут посвящение.

Я наблюдаю за ее реакцией. Вожидании.

— All I Want Is You от U2 посвящается Ди от Мэтью.

Она выпучивает глаза и прикусывает нижнюю губу — от удовольствия и с трепетом — потому что ничего такого она не ожидала.

Я поднимаюсь и предлагаю ей руку.

Ди немного качает головой, а потом улыбается мне.

— Ты только что исполнил мою мечту тринадцатилетнего возраста.

Она поднимается и сладко меня целует. Потом держит меня за руку, и мы катимся по полу. И слава Богу — я не падаю. Свет приглушенный так, что только разноцветные лампочки отражаются на полу. Из колонок поет Боно, а я и Ди улыбаемся друг другу, пока катимся вместе. И это смешно и по-детски — глупо и бестолково.

Но просто чертовски великолепно, не думал даже, что такое возможно.

По пути назад в город, мы остановились на красный свет. Я знаю, что сегодня вечером Долорес наслаждалась собой, и я знаю, у нее не будет проблем, чтобы провести остаток вечера у меня.

Но... я хочу услышать эти слова от нее.

Женщинам нравится, когда за ними бегают, когда им показывают, что они желанны, что в них нуждаются — ценят. И такие парни, как я упиваются возможностью побегать за девушкой — но только в том случае, если ее возможно поймать. Я хочу, чтобы Долорес признала — подтвердила — что ее можно поймать. Что она со мной заодно. Что она хочет этого также сильно, как и я.

Я поворачиваюсь на своем сиденье, чтобы я мог видеть ее лицо.

— Хочешь все закончить... или останешься со мной?

В моих словах двойной смысл. И когда она хмурит брови в раздумьях, я знаю, она понимает, о чем я ее спрашиваю.

— Скажи мне, что это ты, — мягко требует она. — Скажи мне, что это... реально.

— Ди, все реально, реальней не бывает.

Она бормочет сама себе.

— Какого черта...

Потом крепко держится за меня.

— Я хочу остаться с тобой.

Я улыбаюсь — с облегчением и наслаждением. Потом жму на газ и везу нас домой.

ГЛАВА 12

В воскресенье вечером в одной из моих любимых галерей, Агора, проходит арт-шоу. Для верхушки общества Нью-Йорка, художественный вкус — это как девушка, подающая заявку войти в состав чирлидинговой команды в высшей школе. Зачастую, это мало что общего имеет со «спортом», но много общего с показателем положения в обществе.

Но я на самом деле люблю искусство — прекрасные картины, интересные скульптуры. Хотя я и могу обойтись без выставок и определённых современных работ — писать в банку и называть это искусством — совсем не мое представление о таланте.

Я заезжаю за Ди в семь, но я оставляю свой байк дома. Долорес сказала мне, что будет в платье, так что она предпочтет добираться на такси до галереи.

И что это за платье. Когда она открывает дверь своей квартиры, все что я могу — лишь пялиться на нее. Челюсть моя отвисает — скорее всего, текут слюни.

Оно короткое и без рукавов — выделяя ее длинные загорелые руки и ноги. На ее роскошной груди ткань с рисунком из ярко-синих и зеленых точек. А выше груди и на животе тонкая сетчатая черная ткань. Никогда не видел такого платья, как это — само секс.

Наконец, закрыв рот, я протягиваю ей букет красных роз, который купил для нее.

Потому что, да, такой вот я льстивый.

Ди чрезвычайно благодарна. Держа розы в одной руке, другой она ведет вниз по лацкану моего темно-серого костюма, по моему животу и хватает мое хозяйство.

Неожиданный, но всегда приятный сюрприз.

— Очень красивые. Спасибо, — шепчет она, водя рукой вдоль моего члена, перед тем, как прижаться клубнично-цветочными губами к моим губам.

Когда она отклоняется, я бормочу:

— Бесценное искусство больше не кажется таким интересным. Может, нам просто остаться дома?

— О, нет. Это платье должны увидеть. И... ты слишком сексуален в этом костюме, чтобы сидеть дома.

Не могу с этим поспорить.

В отличие от выставок в таких известных музеях, как Мет, частные показы в галереях меньше, более душевные. Хотя они и открыты для публики, обычно их посещают только серьезные покупатели, а вино и закуски, подаваемые официантами в белых перчатках, подбираются специально, чтобы угодить дорогому вкусу тех мажоров.

Мы оба наслаждаемся бокальчиком белого вина, пока внимательно разглядываем фотографии и картины на стенах. Полы галереи из натурального дерева — стены, абсолютно белые, с театральным оформлением света, который оттеняет каждое произведение искусства. Гости рассеялись по запутанным комнатам, выражая свое мнение относительно работ тихим, напыщенным тоном. Долорес и я находимся одни в отдельной комнате, чьи стены увешаны холстами с четкими цветами и разных размеров, и на разную тематику.

— Какая тебе нравится больше всего? — спрашиваю я.

— А что? Собираешься купить?

Здесь не указаны цены, но по опыту я знаю, что каждый из этих шедевров уйдет за десятки тысяч долларов.

— Подумываю об этом.

Но я не поэтому спрашивал.

Предпочтения в искусстве — это очень личное, практически на подсознательном уровне. Это все равно, что узнать у парня, что он предпочитает — боксеры, трусы или вообще ходит без белья — искусство может сказать очень много о том, какой вы человек.

Ди прохаживается по периметру комнаты, останавливаясь перед картиной с белым сельским домиком на вершине холма, с огненным красно-оранжевым небом на горизонте.

— Кэти понравилась бы вот эта.

— Почему это?

Она наклоняет голову.

— Все очень лаконично — уютно и безопасно. Но вот небо... в нем есть какая-то дикость.

Я показываю на картину на противоположной стене.

— А Дрю запал бы на эту.

Она бросает свой взгляд.

— Потому что это картина голой женщины?

Я усмехаюсь.

— Да. И... потому что она не пытается быть тем, чем не является. Это не картина цветка, который на самом деле вагина — нравится тебе, или ты это ненавидишь, но это то, что есть. Дрю большой поклонник прямого подхода.

— Какая больше всего нравится тебе? — спрашивает она.

Я тут же показываю на Джексона Поллока, которая не продается. На ней много всяких пятен и завитков разных цветов на черном фоне. Ди подходит к ней, присматриваясь поближе, когда я говорю:

— На нее смотреть никогда не надоест — каждый раз в ней можно увидеть что-то новое. — Я снова смотрю на Ди. — Что возвращает меня к моему изначальному вопросу: Какая тебе нравится больше всего?

Она открывает свою маленькую зеленую сумочку и вытаскивает оттуда свой телефон. Просматривает на нем фотографии, а потом отдает мне.

— Вот моя любимая.

Я смотрю на экран.

— Это же периодическая таблица.

Она пожимает плечами.

— Для меня, это шедевр. Гармоничный. Идеально организованный. Достоверный.

— А разве некоторые из элементов не бывают несовместимыми?

Она улыбается.

— Конечно, но таблица говорит тебе, какие из них. Никаких сюрпризов. Никаких разочарований.

И вот он яркий пример того, кто Долорес есть на самом деле. Химик в защитных очках — днем, клубная девочка в блестящей одежде — ночью. Ей хочется веселья, спонтанности, но часть ее

— часть, которая была обманута слишком многими крестинами в прошлом — хочет надежности. Честности. Правды.

Я хочу дать и то и другое. Хочу стать ее «русскими горками» и ее каруселью, ее искателем приключений и ее защитником. Ее импрессионистом и ее периодической таблицей.

Когда шоу близится к концу, многие гости собираются в главной приемной галерее. Пока Ди находится в уборной, я пристально разглядываю огромную скульптуру в углу, пытаюсь понять, что это должно быть — либо бесконечная пещера, либо болотное чудовище.

Я не замечаю человека, который подходит ко мне сзади, пока он не заговаривает.

— Я подумываю приобрести эту работу для своей музыкальной комнаты. Она обладает вдохновляющей энергией, не так ли?

Это Розалин. Она хорошо выглядит в своем бежевом платье-бюстье, темными волосами, заколотыми на затылке — не торчит ни одной прядки.

И она мне улыбается... как паук мухе.

— Я бы сказал, скорее, омрачает, чем вдохновляет. Не знаю, что это вообще такое.

— Возможно, потому что это может быть все, что ты захочешь.

Тон ее голоса, игривость в ее глазах — уверен, что со мной заигрывает.

— Ты все еще занимаешься любительской фотографией, Мэтью?

— Занимаюсь.

Она льстиво посмеивается.

— Помнишь тот раз, когда мы ходили в Breezy Point и напились там тем отвратительным Шабли? Тогда твоя камера была очень полезной.

Я помню тот день, про который она говорит. Мы были молодыми и беззаботными и упивались дешевым вином и друг другом. Но любой момент, проведенный с Розалин, вспоминаю без особого трепета. Если у вас есть банка с белой краской, и в нее капнуть черной, замарается вся! Станет серой.

Воспоминания, которые должны значить очень много — романтические, которые всегда бывают в первую любовь — меня от них просто тошнит. Потому что каждое прикосновение, каждое слово и поцелуй... все было ложью.

Прежде чем, я успеваю ответить, возвращается Долорес, спокойно беря меня за руку.

— В дамской комнате висят картины! Как ты думаешь, какого там художника? Их работы в уважаемой известной галерее... только вот в сортире.

На какую-то секунду, Розалин кривит лицо. А потом — как актриса, какая она и есть —

маскирует его любезностью.

— Ммм... здравствуйте. Я Розалин де Бои Карингтон Вулф. А вы?

— А я Ди.

— Ди кто?

Взмахнув своими волосами, как какая-то блондинистая секс-бомба из сороковых, она говорит:

— Просто Ди.

— Вы и Мэтью... работаете вместе?

Ди смеется.

— А я что, похожа на банкиршу?

— Нет... я бы так не сказала.

Ее взгляд падает на платье Ди, а ее голос приобретает стервозный, пассивно-агрессивный тон, который я терпеть не могу в женщинах.

— Ваше платье слишком... смелое... для банкирши. Не каждая женщина имеет... храбрость... надеть что-то такое *необычное*.

Долорес мило улыбается — но там кроется оскал.

— Это так мило с Вашей стороны. И *Ваше* платье, такое... очень... бежевое.

Розалин скромно поглаживает ткань.

— Ну, знаете, как говорят, лучше меньше, да лучше.

Ди смотрит ей прямо в глаза.

— А что-то меньше... просто меньше.

На мгновение она дает осесть этому колкому замечанию. А потом поворачивается ко мне.

— Обожаю эту песню. Хочешь потанцевать?

Весь вечер зал заполняют звуки инструментальной музыки. Песня, которая нравится Ди — джазовая версия «Unforgettable» Нэта Кинга Коуэла.

Розалин усмехается.

— Дорогая, это всего лишь музыка для фона. На самом деле никто под такие вещи не танцует.

Долорес пожимает плечами.

— Жизнь — коротка. Я никогда не упускаю возможности потанцевать под хорошую музыку. Что скажешь, Мэтью?

Я беру руку Ди и целую ее нежно, так гордясь ей в этот момент.

— Я скажу, что буду танцевать с тобой где угодно.

Затем веду ее в центр зала. Когда мы проходим мимо Розалин, Ди шепчет:

— Приятно познакомиться, *дорогуша*. Пока-пока.

Я обнимаю Ди и начинаю с легкостью двигаться. Ди без всяких усилий следует за мной.

— Ух ты, только посмотрите, прямо Фред Астер. Не знала, что ты умеешь так танцевать.

— Я очень талантлив.

Она улыбается.

— Поверь мне, я знаю.

Ее взгляд скользит в сторону Розалин.

— Нуууу... все женщины, с которыми ты будешь меня знакомить, будут вести себя, как сучки?

Теперь, думаю, все.

— Нет — это была последняя.

— Она твоя бывшая, или как?

Ни один мужчина не хочет рассказывать то, как с ним поигрались — сделали из него идиота. Это неловко, неудобно — зачастую мы предпочитаем пресекать такие темы и заменять их историями, как нам удалось кого-то уложить в постель и трахать всю ночь.

— Или как. Почему ты спрашиваешь?

— Такое ощущение, что своим взглядом она готова перерезать мне горло.

Очень искусно, я поворачиваю нас так, что мое тело закрывает ее вид.

Но Ди все равно говорит:

— Она очень красивая, как модель Victoria's Secret.

— Малыш, ей до тебя далеко.

Она прекращает танцевать. Полностью. Резко. А ее лицо — ее шикарное лицо — это смесь боли и сомнений... и там даже тень негодования.

— Не делай этого.

— Не делать чего?

— Не надо разговаривать со мной так, будто я девочка, которую ты только что встретил в баре. Скажи мне, что ты ее ненавидишь, что хочешь вынести ей мозг, хоть что, я это приму. Чтобы ты не сказал... просто, говори, что думаешь. Будь здесь, со мной... будь настоящим.

Она права. В самую точку. Рефлексы — это реакция тела без вмешательства мозгов. Они происходят самостоятельно — без всяких мыслей и рассуждений. Неуверенность — это не то,

что я привык слышать от Ди. И я уже точно не хочу продолжать разговаривать про Розалин, так что я сказал первое, что у меня сорвалось с языка, без всяких мыслей.

Не придавая этому никакого значения.

А она заслуживает лучшего, чем это.

— Пр... прости.

Снова притягиваю ее к себе, и мы снова танцуем, теперь медленнее, чем до этого.

Ди прижимается своей щекой к моей, и я целую ее ушко, а потом шепчу:

— Я хотел сказать, что она красивая — но лишь снаружи. Ты же, наоборот... как бриллиант. Чистая... безупречная... во всех отношениях.

Она наклоняет голову, чтобы посмотреть на меня. И она опять улыбается. А я ощущаю себя повелителем вселенной.

— Это мне уже нравится намного больше.

Я веду рукой по ее руке, к ее плечу, под волосы на шею. Потом легонько ее целую. Нежно. Боготворю ее губы, преклоняюсь перед ее языком. Он влажный и прекрасный — это тот поцелуй, который заставляет тебя позабыть, что ты в общественном месте — или, если ты и помнишь, то тебе абсолютно на это наплевать.

Когда музыка и поцелуй заканчиваются, Долорес облизывает свои губы.

— Давай отсюда уйдем.

— Отличная идея.

Когда мы приезжаем в мою квартиру, Долорес снимает свои каблуки, бросая каждый из них со стуком на пол, и направляется прямо к стерео системе.

— Хочешь вина? — спрашиваю я.

Она одобритительно гуляет по мне взглядом.

— Я хочу пить, но не вина.

Пока она играет с кнопками, я прижимаюсь к ней сзади, целую ее в шею, а пальцами лаская ее тело. Из колонок начинает играть «Demons» Imagine Dragons. Ди ставит песню на повтор, и начинает об меня тереться своей попкой.

— Мне нравится эта песня, — говорит она.

— Мне нравится это платье.

Она поворачивается ко мне лицом. И ее дыхание щекочет мне ухо, когда она шепчет.

— Тебе намного больше понравится то, что под ним.

Она стягивает с меня пиджак и бросает его на пол. Я начинаю ее целовать, а она быстро разбирается с моей рубашкой. Ее руки гладят меня по груди, пока она толкает меня назад, без слов направляя меня к дивану. Я сажусь, ожидая того, что она сядет сверху.

Но, вместо этого, она выпрямляется.

А жар в ее глазах — голод — заставляют мое сердце колотиться. С кофейного столика она берет мою камеру, потом опускается на колени между моих раздвинутых коленей, отдавая ее мне, словно подношение.

— Сфотографируй меня, Мэтью.

Я дышу тяжело — практически вздох. А мой член изнемогает от предвкушения. Посмотреть на нее, прикоснуться к ней, и да, фотографировать ее.

На каком-то уровне, каждый парень хочет побыть порнозвездой. Ну, правда, вы можете придумать более приятный способ зарабатывать деньги? Диснейленд может быть самым счастливым местом на земле, но Силиконовая Долина — это места, где сбываются мечты мужчин. Домашнее секс видео и фотографии позволяют мужчинам — и женщинам — вкушать эту фантазию. Чтобы вспомнить и снова пережить самые эротичные моменты их жизни.

Если это слишком дико для вас, можете сразу пропускать следующую часть.

Ди улыбается, когда я беру из ее рук камеру. Проверяю пленку и батарею, пока она поднимается и покачивает бедрами в такт музыки. Ее глаза закрыты, голова качается из стороны в сторону, ее блестящие, пшеничного цвета локоны развиваются, когда она кружится.

И она выглядит такой \... свободной. Такой по красивому непринужденной.

У меня захватывает дух.

Я быстрее запечатлеваю этот момент. *Клик. Клик. Клик.*

Она заводит руки за спину, выпячивая свою грудь вперед, и расстегивает молнию на платье. Неторопливо, она стягивает платье. Открывая прозрачное бра без бретелек с ярко голубой каймой и такие же трусики. Ее грудь упругая, высокая и полностью видна через прозрачный материал — включая мою любимую завлекалочку, сверкающий бриллиантовый пирсинг в соске Ди.

Ее платье лежит позабытым на полу, когда она двигается и поворачивается. Я облизываю свои внезапно пересохшие губы, снова фокусирую камеру и снимаю.

Клик. Клик.

Руки Долорес скользят по ее бедрам, а потом касаются живота, потом обхватывают свою грудь так, как это хочется сделать мне. У меня дрожат пальцы, и я крепче держу камеру.

Клик, клик.

Когда я говорю, у меня хриплый голос.

— Иди сюда, Ди.

И чудесным образом она так и делает. В тот момент, когда она подходит достаточно близко, я притягиваю ее на себя, одну руку запускаю ей в волосы, а другой сжимаю ее гладкую, упругую попку.

Она стонет мне в губы. Затем ее руки неуклюже касаются моего живота, но сходу стягивают вниз мои штаны и боксеры. Беря ее — и камеру — с собой, я соскальзываю с дивана на пол. Белье Ди кажется таким мягким против моего напряженного члена, но не таким мягким, как кожа Ди.

Я кладу ее, а сам отклоняюсь назад. Сохраняя зрительный контакт, я сначала стягиваю с нее ее маленькие трусики. Когда я дергаю ее кружевное бюстье, оно разрывается по обеим сторонам, но меня это не останавливает.

— Я куплю тебе новое, — хрипло обещаю я.

Ди слегка кивает.

Когда она обнаженная и красивая, готовая и изнемогающая, я снова беру камеру.

Клик, клик, клик, клик.

Кладу камеру, рядом, и накрываю Ди своим телом — уделяя все свое внимание удивительной груди Ди. Одну сжимаю рукой, пока ртом боготворю другую. Облизываю ее сосок, а потом захватываю его губами — царапая своими зубами, смачивая языком, сильно посасывая до тех пор, пока Ди не начинает кричать в такой невероятной симфонии восторга и боли.

Потом я начинаю проделывать то же самое с ее изящной близняшкой.

— Тебе нравится моя грудь, Мэтью? — шепчет она.

Трусь своим крепким языком о ее розовую вершинку, потом отвечаю:

— Обожаю их. Они идеальны. Я мог бы делать это всю чертову ночь.

— Тебе нравится их облизывать? — шепчет она.

— Да.

— Пощипывать их? — вздыхает она.

— Да.

— Посасывать их?

— Черт, да.

— Хочешь трахнуть их, Мэтью?

Раскалённая до бела нужда устремилась прямо к моему члену — заставляя меня стонать. Потому что это моя фантазия хорошенько трахнуть ее грудь, с тех пор, как я впервые ее увидел.

— Да, — практически умоляю я. — Боже, да. Безумно хочу.

Она улыбается, дразняще. Великая соблазнительница — тело и лицо ангела, а желания дьявола. Вся в желании и изнеможении.

— Я тоже.

Долорес скользит вниз подо мной, оставляя на моем теле поцелуи, останавливаясь когда ее лицо оказывается под моей неистовой эрекцией. Когда я наседаю над ней, она принимает меня в великолепную влажность своего рта, полностью — до тех пор, пока я не чувствую, как сжимается ее горло. Она выпускает меня назад, оставляя на мне слой влаги.

Я поднимаюсь на колени. Ди лежит между ними, ее груди лежат в ее собственных руках, а мой член идеально лежит поверх них. Осторожно, я сажусь, перенося свой вес на свои лодыжки. Она сжимает свои груди вместе, захватывая мой жесткий член в своей совершенной гладкой мягкости.

Я наслаждаюсь этим ощущением. Сжимаю глаза.

— Трахни меня!

В ее голосе слышится улыбка, когда она говорит мне:

— Это я должна говорить!

Мне хочется двигаться — хочется скакать на ней в бешеном ритме, пока я не дойду до того рая, который, я знаю, ждет меня.

Но я сдерживаюсь — заставляю себя двигаться полегче. Хочу позволить вести ей. Открываю глаза и встречаюсь с яростным взглядом Ди. Она толкает свою грудь вверх и вниз — подталкивая меня вместе с ней — снова и снова.

Это чувство — *Господи Боже* — ничего более невероятного я никогда не ощущал.

Руки Ди спокойны, просто совершают скольльзящие движения, пока я вожу своими бедрами вперед и назад — медленно — вырабатывая терпимость. Затем я наклоняюсь вперед и ускоряюсь — мое дыхание становится быстрее, сердце пытается выскочить из груди.

Ди тяжело дышит подо мной.

— Возьми камеру, Мэтью. Я хочу видеть фотографии. Потом.

Я шиплю и рычу. Потом делаю то, что требует она. Хватаю камеру. И делаю снимки.

Клик, клик.

Но снимаю я не вид своего члена, скользящего между ее сочных грудей — это уже итак крепко засело у меня в голове до конца моих дней.

Клик, клик.

Это ее губы — приоткрытые от наслаждения. *Клик.*

Ее влажный, блуждающий язык. *Клик.*

Ее янтарные глаза, сверкающие напряжением... и доверием. *Клик, клик, клик.*

Этот образ я хочу увековечить. Вот что мне нужно сохранить.

Потому что потом — за пределами нашего страстного влечения и эротического действия — Долорес мне не доверят. Не совсем. Пока еще нет.

Она хочет. Она надеется, что я того стою. Но сомнения все еще сдерживают ее, защищающие ее сердце — не давая ей довериться мне полностью.

И это нормально. Я не знаю, что у нее за шрамы. Не знаю, что научило ее быть такой осторожной. Я подожду, пока она не будет готовой показать мне. Я буду стараться, чтобы убедить ее, что я один из немногих, кому она может довериться.

Потому что Долорес стоит того, чтобы ее ждали и ее добивались.

Но здесь — сейчас — тело Долорес уже верит тому, чего ее разум еще опасается. Что я никогда ее не обижу. Что я хочу ее — желаю ее — больше, чем любую другую женщину, что была до нее.

Что я буду лелеять каждую ее частичку — ее тело, ее разум... ее сердце — столько долго, сколько она мне позволит.

Музыка звучит. А слова певца резонируют.

This is my kingdom come.

This is my kingdom come.

Мой член мягко скользит между ее грудями в чувственном ровном ритме. Потом Ди поднимает голову. Она наклоняется вперед и обхватывает меня губами, вбирая меня в свой рот столько, сколько она может — всасывая сильно.

И это такое фантастическое ощущение, клянусь, я мог бы расплакаться.

Меня пронизывает чистейший натуральный экстаз. Со стоном произношу ее имя, когда кончаю сильно и глубоко — из самой глубины своей сущности.

После того, как Ди проглатывает каждую каплю, она выпускает меня из своего рта. Потом озорно улыбается:

— Вот чего я хотела выпить.

Я падаю на бок, мои ноги держать меня больше не в состоянии. И я кое-как пытаюсь успокоить дыхание.

Минуту помолчав, Ди спрашивает:

— Я тебя убила?

Я усмехаюсь.

— Черт, почти. Это было определенно намного лучше, чем я представлял себе рай.

Притягиваю ее к себе, прижимая к своей груди. Наша кожа скользкая, такая влажная прекрасная.

— Это было замечательно.

— Да, я знаю, — хохочет она.

— Но будет еще лучше.

Она поднимает на меня глаза.

— Правда?

Я улыбаюсь и киваю.

— Правда. Потому что...

Я поднимаю ее и проскальзываю под одной ее ногой, чтобы она села на мою грудь верхом. А ее сладкая киска в нескольких сантиметрах от моего рта.

Потом даю ей камеру

— ...сейчас твоя очередь.

ГЛАВА 13

В те выходные Ди остается у меня.

В субботу, я беру ее с собой в спортзал. С ума можно было сойти от ее вида в моих подвернутых боксерских трусах, спортивном бра и перчатках. Она сделала парочку ударов по пневматической груше и была уверена, что она была сломана, но я показал ей, что сделать это намного сложнее, чем кажется.

К тому времени, как нам уходить, Долорес гордилась собой — практически, также сильно, как я гордился ей. Она не шибко справлялась со своей грушей, но делала это намного быстрее, чем все новички.

Затем наступает воскресное утро.

Я просыпаюсь от того, что кто-то шепотом ругается — такой скрежущий, совсем не тихий звук, который раздражает так, будто по стеклу скребут чертовым ногтем.

— Нет, мам, Боже, он спит, не могла бы ты просто прекратить! Ладно — я разбужу его. Ладно!

В меня тыкают пальцем и толкают в плечо.

Я говорю себе, что это просто сон.

— Мэтью. Мэтью — проснись, моя мама хочет поговорить с тобой.

У меня открываются глаза. И я вижу, что Долорес совсем не шутит — она протягивает мне свой мобильник.

Родители меня любят — всегда любили. Но мое первое взаимодействие с ними обычно происходит не по телефону, в то время как я лежу в постели с их дочерью в шесть часов хренового утра.

Как-то это не очень удобно.

Я шепчу.

— Я не хочу говорить с твоей матерью.

— Да, уж, ты не один такой. Но она все названивает — просто поговори с ней, и мы ляжем спать дальше.

— Нет, — шиплю я. — Я — голый. И я не хочу разговаривать с твоей матерью с голой задницей.

Она закатывает глаза.

— Вообще-то, это чертов телефон, а не Skype, так что давай.

Она пихает мне телефон.

— Нет.

— Да.

Потом она просто прижимает телефон к моему лицу, так что у меня просто не выбора. Я силой из себя выдавливаю — сам того не желая, говорю с уважением — как дети в начальной школе, приветствующие своего учителя.

— Здравствуйте, Мисс Уоррен.

У нее четкий голос — сильный. И мне интересно, была ли она когда-нибудь на военной подготовке.

— Доброе утро, Мистер Фишер, мне сказали, что Вы спите с моей дочерью — пожалуйста, подтвердите или опровергните.

Недоверчиво, смотрю на Долорес.

Она просто говорит губами:

— Прости.

Прочищаю горло.

— Эммм... ммм... в данный момент нет.

Она фыркает.

— Я понимаю, что Долорес, Солнышко, уже взрослая и принимает решения сама. Но, принимая во внимание состояние мира сегодня, я была бы очень благодарна, если бы Вы удостоили меня ответом на несколько вопросов, чтобы избавиться от головной боли мать-одиночку?

Я закрываю микрофон. И расплываюсь в улыбке.

— У тебя отчество Солнышко?

Ди прячет лицо в подушке.

Все мое внимание вновь приковано к Мисс Уоррен.

— Выкладывайте!

Она прокашливается.

— Вас когда-нибудь арестовывали или обвиняли в убийстве?

— Нет.

— А Вас когда-нибудь лечили от психиатрического расстройства?

— Нет.

Но я начинаю подозревать, что Мисс Уоррен лечили.

— Вы работаете по найму?

— Да.

— Вы живете в сооружении, к которому не приделаны колеса?

— Да.

— Вы заделали детей, о которых вам известно?

Такое ощущение, что меня допрашивает самая боязливая страховая компания.

— Нет — никаких детей — известно мне об этом или нет.

— У Вас безопасный секс с моей дочерью?

И на этом викторинная часть нашего шоу заканчивается... спасибо за игру.

Я немного выпрямляюсь на кровати.

— Дело в том, Мисс Уоррен — я думаю, что у вас замечательная дочь. Я отношусь к ней с уважением, она мне нравится, и я делаю все, чтобы она чувствовала себя со мной прекрасно.

Долорес смотрит на меня теплым, обожающим взглядом.

— Но, сказать честно, ответы на все эти вопросы Вас не касаются. Это дело только мое и Ди.

Мисс Уоррен бурчит. Потом говорит:

— Что ж, было мило пообщаться с Вами, Мэтью. Передайте трубку моей дочери, пожалуйста.

— Есть, мэм.

Передаю трубку Ди.

— Да, мам. Да. Я тоже тебя люблю. Пока, — вздыхая, заканчивает она разговор.

Потом кладет голову мне на грудь, обвивает меня своими руками и ногами — и крепко сжимает. Я целую ее в макушку и глажу рукой вдоль ее позвоночника.

— Пожалуйста, не оборачивай ее безумие против меня, — молит она.

Я усмехаюсь.

— Ты еще моих родителей не видела. Как сказал Феррис Бьюллер: в каждой семье есть свои странности.

— Ну... хорошая новость в том, что ты ей нравишься. Добро пожаловать в бункер.

— Не... не знаю, что это значит.

Ди закрывает свои глаза и объясняет.

— Какое-то время назад Амелия встречалась с парнем, который был сервайвелистом [22]. Он построил подземное убежище на заднем дворе. Он не выжил, а вот бункер — да. Она продолжает держать там запасы и приглашать всех своих близких спрятаться там, когда, по ее мнению, — неминуемо — правительство попытается поработить все население и отобрать у нее все оружие.

Мелодичный голос Ди убаюкивает меня снова в сон... когда ее слова, наконец, до меня доходят.

Я вздергиваю голову вверх.

— погоди, у твоей матери есть *оружие*?

Вечер понедельника, я захожу в свою квартиру и бросаю ключи на столик в холле. И сразу же, чувствую... что-то не так.

Чувство, что даже воздух другой. Это как шестое чувство, когда ты живешь один — можешь сразу сказать, когда кто-то побывал в твоём доме.

Или есть ли они до сих пор там.

Ничего не тронута в гостиной. То же самое в кухне и столовой, которые я осматриваю пока иду по коридору к закрытой двери. Открываю ее и захожу.

И там, лежит прямо посреди моей кровати, в бледно розовом кружевном белье, такой же подвязке и чулках... Розалин.

Для многих парней, это фантазия, превратившаяся в жизнь. Когда у тебя на пороге появляется горяченькая девица в плаще, а под ним ничего.

Но для меня? Фантазия фантазией — только девушка не та.

Ее темные волосы блестящими волнами раскинуты по моей подушке. Ее взгляд голубых глаз устремлен на меня, а красные губы растягиваются в призывающей улыбке.

— Привет, Мэтью.

— Какого хрена? Как ты сюда попала?

Ей все равно на шокированное презрение в моем тоне. А, может, она просто его не слышит.

Ее рубиновая улыбка остается на месте.

— Я сказала твоему швейцару, что я твоя старая подруга. Поугovarивав его немного, он меня впустил. Тебе, действительно, стоит пожаловаться управляющему дома. Учитывая то, сколько ты платишь за жилье, правила безопасности здесь ужасны. Хотя я подозреваю, что в данный момент ты этому рад.

Она опускает свою руку вниз по животу, прикасаясь к краю тонкой ткани своих трусиков. Хотя мой взгляд жаждет проследить за ее рукой, я смотрю ей прямо в лицо.

— А здесь ты не права.

Она поднимается с кровати и встает передо мной, потупленный взор, руки сложены — идеальная картина сексуальной покорности.

— Я была не права, когда все так оставила, тогда, с тобой. Когда снова тебя увидела, поняла, как сильно по тебе скучала. Я надеялась, что теперь, когда я снова в городе, ты мог бы дать мне второй шанс.

Я не собираюсь лгать. Меня бросает в жар от этих слов, сказанных ею. Мое эго скачет от радости. Разве не этого ждет каждый обманутый любовник? Услышать, что бывший объект их любви говорит, что он был не прав? Просит и умоляет, чтобы его приняли назад?

— Ты уходишь от Джулиана? — спрашиваю я, изумленно.

Она смеется.

— Ухожу от него? Конечно, нет, глупый. Если я уйду от него, я ничего не получу — в брачном договоре это четко прописано. Но это не значит, что я не могу наслаждаться своими... развлечениями. Ты и я можем наслаждаться ими вместе. И часто.

Несколько недель назад я, может, и принял бы ее предложение. Секс с Розалин всегда был ярким событием. А я *парень*. Регулярный секс без обязательств — это горшочек с золотом на конце радуги. Что-то, что мечтают найти все из нас, но не шибко-то верят в его существование.

Но здесь и сейчас, даже мой член — и тот не заинтересован. А это уже о чем-то говорит, учитывая то, что она практически голая.

Розалин делает шаг вперед и протягивает руки, чтобы обнять меня. Но я беру ее за предплечья и удерживаю на расстоянии вытянутых рук.

— Оденься.

Она выглядит, на самом деле, удивленной. В замешательстве.

Но, прежде чем я успеваю продолжить, в мою дверь стучат. И в коридоре слышится громкий поющий голос Долорес. «*How ya call ya lover boy? Come 'ere, lover boy...*»

Вот черт.

Это плохо. Все равно, что строить дом на месте старого индийского кладбища, тела которого ожили и очень недовольны сим фактом. Вот как это плохо.

Я отхожу от Розалин и иду в сторону двери, перебирая в голове свои варианты. Я мог бы запихать Розалин в шкаф или под кровать, но если Ди ее найдет, я буду выглядеть виноватым. Я мог бы не пускать Дина место преступления, но если когда-нибудь она поймет почему, я буду уж точно выглядеть виноватым.

Единственный способ выжить — выложить карты на стол. Рассказать Долорес правду — взывать к ее доверчивой натуре и Богом данной вере в честность ее парня.

Даа — вы правы — я попал, хуже некуда.

Я открываю дверь. Долорес держит передо мной диск с *Грязными Танцами*, а сама танцует на месте.

— Это отличный фильм для нас! Уверена, ты его еще не видел — учитывая то, что твои пропитанные тестостероном яйца были слишком заняты просмотром боевиков и военных порнух. Но, к счастью, для тебя, у меня есть режиссерская версия с дополнительными сценами. Мы можем повторить сцену в лифте. Я еще могу сделать горяченькое ча-ча-ча.

Я проскальзываю в дверь, прежде чем она заканчивает говорить, и закрываю за собой дверь. Тогда она и обращает внимание взгляд на моем лице и прекращает танцевать.

— Что случилось?

Я кладу свои руки ей на плечи и говорю:

— Мне нужно, чтобы ты *не* психовала.

Конечно же, такие слова как раз и заставляют ее начинать злиться. *Тупость*.

— Почему я должна психовать?

Стараюсь сгладить ситуацию.

— Ты должна мне доверять, Долорес. Клянусь, на самом деле, это не то, как это выглядит.

Не сильно-то сгладил, правда? *Вот, дерьмо*.

Ее тревожный коньячного цвета взгляд блуждает от моего лица к двери за моей спиной, и снова на меня. Она не соглашается со мной, ни в чем не уверяет. Она требует:

— Открой дверь, Мэтью.

Куда уж проще покончить с этим.

Я открываю дверь, и Долорес марширует вперед меня. К чему бы она себя не готовила, она этого не находит. Она оглядывает гостиную.

— Что ты...

Вот когда Розалин проходит по холлу — все еще в своем белье с поясом.

Потому что, если бы не помогло несчастье? То и счастья бы не было.

— Мне кажется, ты ведешь себя по-детски в плане... — Розалин останавливается, когда видит Ди — но ее это, кажется, не беспокоит. — Что ж, это смешно.

Я сжимаю зубы.

— Я же сказал тебе одеться.

— Я думала, ты просто прикинулся скромным. Не думала, что ты это серьезно.

Поворачиваюсь к ней спиной, а лицом к Ди.

— Ди...

Полдюжины эмоций отразились в ее глазах — шок, удивление, боль, предательство, унижение. Веры и доверия там не было.

Но она не сбежала.

И на какой-то момент, я подумал, что мог бы все с ней уладить. Что она вспомнит мои обещания — подумает о моих действиях — за последние несколько дней, и она придет к неизбежным заключениям, что я не изменщик.

Я дам вам секунду, чтобы догадаться о том, что произойдет потом. Чтобы подогреть ваш интерес.

...

...

...

...

...

...

...

...

Она дает мне пощечину. Сильную.

Шлеп.

А потом ринулась в дверь так, будто за ней черти гонятся.

— Дьявол!

Мне хочется последовать за ней — и я это сделаю — но сначала мне надо кое-кого истребить.

С рассеянной улыбкой Розалин говорит:

— А теперь, где мы остановились?

— Я как раз собирался вышвырнуть твою задницу за дверь. Все еще собираюсь. Не хочу возобновлять с тобой никаких отношений, Розалин. Все кончено. Даже не заговаривай со мной на вечеринках. Если встретишь меня на улице? Отвернись и пройди, нахрен, мимо. Если еще когда-нибудь затеешь что-то подобное, или просто вмешаешься в мою жизнь? Я сделаю все, чтобы твой муж и все ваши знакомые узнали, что ты коварная, хладнокровная, двуличная сучка. Понятно?

вернуться

22

специалист по выживанию в экстремальных условиях; человек, готовящийся выжить в ядерной войне

Ее уверенность испаряется, а выражение ее лица — становится ранимым. Но это длится лишь секунду. Потом ее взгляд становится ледяным. Злым, но управляемым. Как крыса борющаяся за выживание, даже если ей придется сжевать свою лапу.

— Очень хорошо.

Последний раз бросаю на нее взгляд и выхожу за дверь.

— Чтобы тебя здесь не было, когда я вернусь.

К тому времени, как я дождался следующего лифта и спустился в фойе, Ди уже нигде нет. Я выбегаю на тротуар и глазами ищу ее среди толпы занятых Нью-Йоркцев до тех пор, пока не замечаю ее светлую голову, движущуюся вниз по улице.

И вот когда начинается дождь. Проливной и ледяной, словно огромный, размером с небо душ превращается в холодную мощную струю.

Большое спасибо тебе, Господи. Такая вот отсрочка приговора.

Я перемещаюсь между пешеходами — изо всех сил стараюсь по пути не наткнуться глазом на раскрытые зонты. Когда я догоняю Ди, я хватаю ее за руку, разворачиваю ее и кричу:

— Может, ты прекратишь бежать! Я же просил тебя не психовать!

Она машет назад в сторону моего дома и кричит:

— Как я должна не психовать, когда в твоей квартире голая девица?

— Потому что я сейчас не с ней! А здесь — возможно подхватывая пневмонию — бегу за тобой!

— Зачем?

И вот здесь я понимаю, что просил Ди доверять мне — верить, что я отличаюсь от других придурков из ее прошлого — на самом деле, не давая ей на то причин. Любой может доставить девушке удовольствие — подарки, праздники — но это совсем не означает, что он честный. Он может просто выглядеть убедительным. Не показывая, при этом, свои скрытые мотивы или распутную натуру.

Чтобы доказать, что ты ничего не скрываешь, иногда тебе надо просто вывернуть свои карманы, открыть свою сумку и предоставить все это на досмотр. Даже если это неудобно и стеснительно. Доверие нужно заработать... иногда, обнажив себя.

— Мы встречались два года, еще в школе. Я хотел жениться на ней — и думал, она хочет того же. Но ошибался. Все это время она мне изменяла с парнем, который был старше меня, и богаче. А я был просто слеп, чтобы это замечать. Она бросила меня, когда он ее обрюхател. Она разбила мне сердце... а... а теперь, я этому очень рад. Потому что если бы не это... я бы никогда не встретил тебя.

Долорес выглядит удивленной. Потом сочувствующе, но поселившееся сомнение все еще там тоже.

— Она такая красивая.

Я смотрю на мокрые спутанные волосы Ди, запачканное тушью лицо, посиневшие от холода губы. А потом мотаю головой.

— Не для меня.

Она обдумывает мои слова, и через мгновение немного улыбается. Я протягиваю свою руку.

— Давай, пожалуйста, вернемся назад?

Она берет ее.

— Ладно.

Мы быстро возвращаемся ко мне. Когда подходим ближе, я вижу, как из парадной двери выходит Розалин — в черных очках, не смотря на погоду, в плаще, волосы затянуты в низкий аккуратный пучок на голове. Ее водитель держит над ее головой зонт, когда она идет к открытой двери лимузина. Я даже не смотрю ей вслед, когда она уезжает, я просто рад, что она это сделала.

Снова в моей квартире, Ди обнимает сама себя, но это не помогает ее зубам перестать стучать. Мы снимаем свою мокрую, холодную одежду, и я набираю двухместное джакузи горячей водой. Хотя немного вещей может быть лучше, чем секса в ванне, сейчас дело не в этом. Я не собираюсь рассыпаться в сентиментальностях и говорить, что я хочу ее просто «подержать». Я

хочу намного большего.

Просто... не прямо сейчас.

Я расслабляюсь, прислонившись к стенке ванны, руки лежат на ее краях, а голова Ди лежит на моей груди, и ее тело вдоль моего, и повернуто ко мне. Я закрываю глаза, наслаждаюсь чувством горячей воды, которая расслабляет мои мышцы и согревает мою кожу. В окутанной паром комнате тихо, спокойно — и мы просто довольствуемся тем, что есть.

До тех пор, пока Ди не шепчет:

— Что было самым плохим, что ты делал?

Я открываю свои глаза, чуть наклоняю голову, чтобы видеть ее лицо.

— Ты задаешь самые странные вопросы.

Вижу, как она улыбается. Она объясняет:

— О чем-то хорошем всегда легко говорить. Но плохие дела могут рассказать о большем.

Я вдыхаю глоток пара и мысленно перебираю в уме свои проступки. А потом признаюсь.

— Я... изменял... каждой девушке, которая у меня была, в старшей школе и колледже... до Розалин. И когда меня несколько раз на этом ловили, я заставлял их думать, что это была их вина.

В выражении ее лица нет осуждения. Ни ужаса или отвращения. Лишь любопытство.

— Зачем ты это делал?

Зачем парни изменяют? Это извечный вопрос с разнообразием ответов. Самый простой из них — потому что это парни. Но это еще не все.

Некоторым парням становится скучно. Хлопать по одной и той же попке, даже если она как у Кейт Аптон, может со временем надоест. Для других — это игра. Трепет от того, что можно сбежать с чем-то, с чем они не должны, волнение от того, что их могут поймать. И последние — просто козлы. У них духу не хватает признаться девушке, которая любит их, что они не любят ее также в ответ. Они думают, что уберегают ее от боли, заставляя их верить в то, что их обязательства значат больше, чем на самом деле.

— Потому что я был молодым и глупым. Эгоистом. Потому что я хотел их так сильно, чтобы соблазнять, но не достаточно сильно, чтобы перестать, при этом, соблазнять других женщин. Потому что я не знал, как это чертовски ужасно и унижительно, когда тебе вот так лгут.

— Хотя, карма — это праведная сука. После Розалин... потом я узнал. И я поклялся, что больше никогда не заставлю кого-то почувствовать такое.

Каким-то извращенным способом, Розалин оказала мне услугу — преподавала мне урок, в котором я так нуждался. Сделала меня лучше. Ради женщин, которые были после нее.

Ради Долорес.

Я прикасаюсь к подбородку Ди и заставляю ее посмотреть мне в глаза.

— Я бы *никогда* не поступил так с тобой. Та знаешь это, верно?

Пожалуйста, Господи... пожалуйста, пусть она поверит.

Она исследует меня своим взглядом, пытаюсь прочесть меня — потом улыбается мне кривоватой улыбкой.

— Да, я это знаю.

Она снова кладет на меня свою голову.

— Но мне, все равно, время от времени требуется напоминание.

— Что насчет тебя? — интересуюсь я. — Какие скелеты в твоём шкафу?

Она отвечает не сразу. Когда она начинает говорить, у нее тихий голос.

— Когда мне было шестнадцать, я сделала аборт. Он был моим первым мужчиной — красивым, забавным, из лучшего района города. Он сказал, что любит меня, и... я поверила ему.

Она наблюдала за тем, как ее рука движется под водой, создавая волновой эффект.

— И я знаю, я должна... сожалеть... об этом. Чувствовать вину. Но этого нет. В то время, это было правильным решением. Тем не менее, — продолжает она, — время от времени, я сама себе думаю, что сейчас у меня был бы ребенок. Ему или ей было бы сейчас девять. И я не... грущу... это точно, но мне интересно, какой бы была сейчас моя жизнь, если все сложилось по-другому.

Она смотрит вверх на меня.

— Думаешь, я ужасный человек?

— Нисколечко, — прижимаю ее ближе к себе и целую в макушку.

Ее голос не такой тяжелый, когда она говорит спустя мгновение:

— Я имею в виду, разве это не сумасшествие? Я — и воспитываю маленького мальчика или девочку?

— А ты хочешь детей? — спрашиваю я. — Когда-нибудь?

Она пожимает плечами.

— Не знаю, не уверена, получится ли у меня. Моя мама была не лучшим примером. Не думаю, что она была готова стать матерью. Я была случайностью; Билли — убожеством. Она любила нас и, действительно, старалась, но никогда не было... стабильности... когда я росла, ты знаешь, что я имею в виду? Она постоянно меняла работу, пытаюсь перестроить себя, в поисках любви в неправильных местах. Она скорее друг, чем родитель. Боюсь, ее противоречивость могла перейти по наследству.

Даже если этот разговор стал гораздо серьезнее, чем я когда-либо мог себе представить, я не могу перестать думать о Ди, в качестве матери. Гуляющей по улицам в своих топах и каблуках, с малышом, прижатым к ее груди в одном из этих хитроумных изобретений.

И в моем воображении, малыш — идеальное сочетание нас обоих: светлые локоны волос Ди, и мои карие глаза.

— Думаю, ты будешь отличной матерью.

В ее глазах тает чувство благодарности и лучится сквозь ее улыбку.

— Правда?

— Правда.

На самом деле, Долорес во многом напоминает мне Александру. Яростная — страстная в своих привязанностях. Любительница крепких объятий и тысячи поцелуев. Это и есть составляющие самой лучшей матери.

После этого мы молчим. Лежим в ванне, пока вода не становится холодной, наслаждаясь комфортной тишиной — вместе.

Некоторые женщины не оценят этих слов, но я все равно их скажу: вам не обязательно любить, чтобы иметь великолепный секс. Мой самый фантастичный сексуальный опыт в моей жизни был без вовлечения эмоций вообще. Он был с женщинами, к которым я был безразличен. Я не знал их достаточно хорошо, чтобы бы они мне нравились или нет. Иногда, я даже не знал их имен.

Но я знал, что они были страстными — я хотел их, они были для меня привлекательными, на чисто физическом уровне.

Страсть — это просто. Чисто. Весело.

Любовь — это заморочно. Запутанно. Иногда пугающе.

Страсть — это властно. Первобытно. Сильно.

Любовь — это сомнительно. Мимолетно. Она может вынести мозг.

Я понимаю, что такое мнение — абсолютно исключительно по отношению к мужчинам — но статистически говоря, парни намного охотнее получают удовлетворение от случайного безэмоционального секса, чем женщины.

Погуглите, если не верите мне.

Большинство женщин, жаждут чувств во время полового акта — порой они даже кончить не в состоянии без этого.

Но Долорес Уоррен к ним не относится. Она взорвала мне мозг в первый же раз, когда мы пошли на свидание. Не зная меня достаточно хорошо, чтобы испытывать ко мне что-то, и это было великолепно. Для обоих из нас. Фактически, мне казалось, что она хотела, чтобы именно так все и было.

Как я и сказал... страсть — это легко.

Но после той ночи, когда в мою квартиру ворвалась Розалин, что-то изменилось. Сместилось.

Преобразилось.

Я хочу, чтобы Ди не просто жестко кончала. Я хочу доставить ей удовольствие. Хочу, чтобы она чувствовала себя счастливой, чувствовала, что о ней заботятся не только в спальне, но и за ее пределами. И я хочу быть причиной этих чувств.

Она вздыхает во сне, и я просыпаюсь от этого звука. Она лежит на животе, одеяло прикрывает ее только по пояс, открывая ее безупречную спину. Я смотрю на ее лицо, интересно, что ей снится. Черты ее лица расслабленные, гладкие — отчего она выглядит уязвимой и юной.

Невинной.

И мою грудь наполняет невероятное чувство защиты, которое сжимает мое сердце. Сначала я прикасаюсь к ней рукой, нежно веду ей вдоль ее позвоночника. За моей рукой, к ней прикасаются мои губы. Мой язык. Пробую на вкус сладкую солоноватость ее кожи вдоль спины к шее.

— Мэтью, — вздыхает она. И я знаю, что она тоже не спит.

Она перекачивается на спину, в темноте ее тревожный взгляд отыскивает мой. Убираю одеяло, обнажая ее ноги. Призывая ее.

Накрываю ее собой, прижимаясь к ней грудью. И когда я целую ее губы, это намного больше, чем просто поцелуй. Совсем другой, по сравнению с теми, что у нас уже были.

Я хочу, чтобы она знала, что я чувствую. Хочу показать ей — с каждой лаской, с каждым касанием — что она значит для меня. И больше всего... я хочу, чтобы она знала, что то же самое я значу и для нее. Хочу почувствовать это с ее стороны.

Я вхожу в нее полностью. Ее невероятно тугая влажность растягивается, поддается мне, потом сжимает меня, когда я начинаю выходить из нее, чтобы сделать еще один толчок. Мой рот парит на ее ртом, наши дыхания переплелись, а вздохи слились.

Это невероятно.

Она прикасается к моему лицу, а я целую ее в подбородок, в щеку, целую ее волосы, ее ушко, окатывая ее своими вновь обретенными чувствами. Наши движения мягкие... не нежные или спокойные сами по себе, но... со смыслом.

Глубоким.

Ее бедра вздымаются навстречу моим, смыкая нас глубоко. Я сглатываю всхлип, который слетает с ее губ, когда она кончает первой. Я погружаюсь в нее, жестко, через ее оргазм, пока я не следую за ней со своим, сотрясающим землю, оргазмом.

Ее ноги обвивают меня, держа меня в великолепном заключении теплых объятий. Мы целуемся, покусывая губы друг друга. Поворачиваю свою голову к ее шее, а лицом утыкаюсь в ее ключицу, вдыхая ее запах. Она гладит мои руки и кладет мне их на плечи.

Спустя несколько минут, я неохотно отклоняюсь от нее. Руки Ди сжимаются вокруг меня, так что я не могу от нее отодвинуться. Мы засыпаем в таком положении — мое тело служит ей

тяжелым одеялом, а ее — моей эластичной подушкой.

ГЛАВА 14

На протяжении последующих дней, Долорес и я проводили вместе практически каждую ночь. Она, наконец, стала раскрываться и рассказывать мне все о своих бывших. Их было не так уж и много, как вы, возможно, думали, но те, что были — те еще красавчики.

Первый придурок, конечно — малыш, который ее обрюхатил, а потом послал куда подальше.

Кретин номер два оказался старше, чем прикидывался. Лет так... на десять. И женат. И с ребенком.

Следующий урод — этот был во время колледжа Долорес — украл у нее информацию о банковском счете, обчистил его по полной, и смылся в Вегас. Оставил ей записку, в которой объяснил, что у него безудержная игромания, которую он скрывал от Ди все те месяцы, что они были вместе.

И, наконец, — последняя рана. Ублюдок, который ее ударил.

Долорес сказала, что это было лишь раз, но одного раза для меня итак уже слишком много. Она не скажет мне его имя, но я клянусь всем святым, что если когда-нибудь его узнаю? Я выслежу этого козла, приду к нему, и переломаю ему все кости на руке, которой он к ней притронулся.

А потом сломаю другую, чтобы убедиться, что он про это не забудет.

О — еще и история ее родителей. Долорес сказала, что ее мать и отец страстно влюбились друг в друга, клянясь, что это было хоть и внезапное, но продолжительное чувство. До тех пор, пока ее мать не забеременела. Тут-то ее отец и превратился в привидение и исчез... и больше о нем не слышали.

Теперь, когда я знаю детали неудач Ди, все обретает намного больший смысл. Почему она была такой нервной в начале, даже не смотря на то, что я ей нравился — *потому что я ей нравился*.

Удивительно, что она вообще стала доверять мне сейчас. После такой истории, я бы не стал поражаться, если бы она опустила руки и стала бы лесбиянкой.

Но — как бы классно это ни было — я рад, что этого не случилось.

Ночь перед Днем Благодарения — официально самый большой день для похода по барам на календаре. Каждый год после офисной вечеринки, посвященной Дню Благодарения, Дрю, Джек и я идем в клуб и гуляем там до утра. Это отличное время. Такая же традиция, как и индейка и клюквенный соус.

Хотя, должен сказать, я никогда не понимал этот соус. Даже домашнего приготовления, хренова гадость.

В любом случае, в этом году я приглашу Ди прокатиться — вечеринка в офисе, и все, что после нее. Я не встречался с парнями уже больше двух недель. Такое иногда случается. Когда на рождество ребенок получает новенькую игрушку, последнее, что ему хочется делать, так это делиться ей с друзьями. Он постоянно держит ее при себе, может быть, даже спит с ней под подушкой. Потом, через неделю или две — он разрешает перейти ей к следующему в очереди.

Не то, чтобы Джек и Дрю получили бы свою «очередь» в той степени, как бы им этого хотелось — но пришло время показать ее. Дать парням с ней познакомиться, чтобы они тоже увидели, какая клевая она девушка. Такая, что может поиграть в дартс и бильярд и, при этом, не ударить в грязь лицом.

Я звоню Ди на сотовый с улицы возле ее дома, чтобы мне не надо было искать место для парковки своего байка. Потом выкуриваю сигарету, пока жду, когда она спустится. Когда она выходит, я с одобрением улыбаюсь ее внешнему виду. Черные сатиновые брюки обтягивают ее ножки так плотно, что они кажутся крашеными. Ярко-розовые босоножки на шпильках сочетаются с топом на бретельках через шею. И в руках она держит черный коротенький пиджак. Волосы завиты и заколоты вверх, притягивая внимание к ее бриллиантовой цепочке, которая спадает в ложбинку на ее груди.

— Красивая цепочка, — говорю я ей, когда подаю шлем.

Она пожимает плечами.

— Бижутерия от QVC.

Отмечаю у себя в голове, что надо подарить ей настоящую. А образ Долорес, усыпанной брильянтами — и больше ничем — заставляет мои глаза хитро прищуриться, а штаны натянуться от эрекции.

Она надевает шлем, но на Дукати сразу не забирается. Она стоит на тротуаре, руки на поясе, и задумчиво смотрит на мотоцикл.

— Как бы ты отнесся, если бы я сказала, что хочу повести сегодня твой мотоцикл?

— Я бы послал тебя куда подальше. Я не сажусь на заднее сиденье.

Она стучит меня по голове — но мой шлем смягчает удар.

— Тогда дай мне прокатиться самой. Просто вокруг квартала.

— Я... так не думаю.

Она дуется.

Я вздыхаю.

— Ты когда-нибудь водила мотоцикл?

— Нет, но всегда хотела.

— Нуу, я всегда хотел полетать, но это не значит, что я сейчас пристегну костюм для скайдайвинга и сигану с чертового Эмпайр-стейт-билдинг.

Она делает шаг ближе и успокаивающе гладит меня по груди.

— Ну, давай, пожалуйста? Я, правда, буду осторожной. И отблагодарю. Очень сильно отблагодарю. Прямо... извращенно, дам тебе приковать меня наручниками к кровати — вот как я тебя отблагодарю.

Забудьте о национальной системе вещания — это проверка.

Буду ли я держаться своего мужского эго, сохраню свою гордость и сберегу своего железного коня от кровавой бойни? Или, позволю своему члену управлять мной и попасть под влияние умопомрачительного обещания о сексе, в котором Ди будет в полном моем распоряжении?

Бороться нет смысла.

— Тогда еду на заднем сиденье.

Скольжу на заднее сиденье так, чтобы у нее было место сесть впереди меня. Потом показываю ей сцепление, газ, и — что самое важное — тормоз.

Знаете, как говорят про мгновения из жизни, которые проносятся у вас перед глазами перед смертью?

К тому времени, как мы подъезжаем к офисному зданию, я могу сказать — без тени сомнения — это абсолютная хренова правда.

Передо мной пролетела вся моя жизнь. Трижды.

Один раз, когда Ди вывернула перед автобусом. Один раз, когда она влетела в мусорные баки, которые разлетелись в разные стороны, словно кегли боулинга, и один раз, когда такси чуть не отбросило нас в сторону.

Хотя тот последний раз, был не совсем по вине Долорес. Нью-Йоркские тачки просто ненормальные — они вытолкают вас, не моргнув глазом, и даже не посмотрят в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, мертвы ли вы.

Оставив мой байк на парковке, Ди и я проходим, держась за руки, в большой, украшенный конференц-зал. Классическая оживленная музыка доносится из колонок ди-джея, которые стоят в одном углу, от украшенных столов вдоль стены веет ароматами, от которых текут слюнки, а комната заполнена звуками смеха и разговоров.

Джон Эванс хорош во многих вещах — но устраивать отличные вечеринки — это превыше всего.

Мы с Ди ходим по залу, я представляю ее своим коллегам, моему исполнительному помощнику. В баре берем выпивку и остаемся вместе с Джеком О'Шей, который демонстрирует нам легкую версию своего подвига в прошлый уик-энд. Я замечаю своих родителей в другой стороне зала — и когда мы направляемся в их сторону, Джек ловит мой взгляд, показывает на Ди и жестом дает мне понять, что она ему нравится.

Мама у меня маленького роста — больше, чем на фут (30,5 см) ниже отца, который, даже сейчас, в его возрасте под метр девяносто. За годы она немного постарела, ее пышные светло каштановые волосы поседели еще немного по сравнению с последним разом, когда я ее видел.

Но ее глаза — того же орехового цвета, как и мои — все еще сверкают живым огнем, как это было всегда.

Она была настоящей дамой из высшего общества, воспитанная быть элегантной, сдержанной... и молчаливой.

По легенде, она встретила моего отца, когда он появился на ее вечеринке по случаю ее первого выхода в свет, и их мгновенно охватило страстью. В те дни он был хулиганистым — гулякой — но он был заморожен ее умиротворенностью. А ее беспомощно манила его страстная натура. И не смотря на угрозы моего деда отречься от нее, они сбежали через четыре недели после знакомства.

Моя мама не из жестких. Она мягкая, благородная. У нее изначально тихий голос — почти лиричный, как у Джеки Кеннеди в тех исторических интервью Белого Дома. Мой отец всегда ее яро оберегал, и я не помню ничего — *ничего* — что она не попросила бы, и отец немедленно бы ни сделал.

Мой отец приветствует меня рукопожатием.

— Сын.

— Привет пап.

Ди стоит рядом со мной, когда моя мама меня обнимает.

— Дорогой.

Знакомить девушку со своими родителями может быть сложно, особенно если твоя мать — одна из самых критичных, категоричных женщин, которым очень сложно угодить. Мать моего соседа по комнате в колледже была такой же. Она на кусочки порвала его девушку за то, что та надела чертовы белые шорты после Дня Труда. Нет необходимости говорить, что после этого, она недолго оставалась его подружкой.

Но мои родители просты. Мой отец, в особенности, знает, что я не святой. Он считает, что если я могу найти женщину, которая будет меня терпеть, этого уже достаточно. Мама просто хочет, чтобы я был счастлив. Ее определение счастья — это быть женатым с двумя детьми и домашним питомцем. Любая, кто сможет это осуществить, принимается в нашу семью с распростертыми объятиями.

А если она еще и убедит меня продать байк — то ее будут просто обожать.

— Мама, отец, это Долорес Уоррен.

Долорес широко улыбается.

— Так приятно с вами познакомиться, мистер и миссис Фишер.

Мой отец кивает.

— Взаимно.

А мама комментирует.

— Какие чудесные туфли, Долорес.

— Спасибо. Это моя самая последняя любимая пара — и они намного удобнее, чем кажется. Я даже могу танцевать в них, и они нисколько не будут давить.

— Ты танцовщица, дорогая? — спрашивает мама.

— Непрофессиональная.

— Когда я была в твоём возрасте, я любила танцевать. Заставляла Фрэнка водить меня куда-нибудь каждый раз, когда только была возможность.

Так как бокал Ди практически пуст, я беру выпивку нам обоим с подноса, проходящего мимо официанта. Я вижу, как входит Кейт Брукс, и из фотографий в квартире Долорес узнаю в парне, стоящим рядом с ней кузена Долорес.

Отдаю Ди её бокал, и когда в её разговоре с моей матерью затишья, я говорю ей:

— Твой кузен и Кейт только вошли.

Моя мама извиняется со словами:

— Было приятно познакомиться, дорогая. Надеюсь, скоро увидимся снова.

— Я тоже, — тепло отвечает Долорес.

Когда мы проходим через толпу, она мне говорит:

— Нам надо как-нибудь взять твою маму на танцы. Уверена, что внутри неё сидит танцовщица тверкинга, готовая вырваться наружу.

— Вырваться или ноги переломать себе? — усмехаюсь я.

Мы подходим к Кейт и Билли, и Долорес представляет меня своему брату. Он крепко пожимает мне руку.

— Рад знакомству.

Я киваю. А Долорес дразнит своего брата.

— Кейт, наконец-то, одела тебя в костюм, а? Выглядишь хорошо — никогда бы не подумала, что ты можешь быть таким опрятным.

Он тянет себя за воротник, видно, что ему неудобно.

— Не привыкай к этому. Единственное, когда я достану эту вещь из шкафа — когда пойду на похороны.

Кейт закатывает глаза. Потом к нам присоединяется Джон Эванс. Всех друг другу представили, и мы несколько минут говорим о делах. Я вижу, как через зал идет Дрю, направляясь прямо к нам. Зная его с рождения, я стал уже экспертом, читая выражение его лица — даже то, что он хочет скрыть. В данный момент — он раздражен. Ужасно.

До конца не уверен, в чем дело. Он и Кейт потеряли Андерсона — клиента, которого они оба обрабатывали — несколько недель назад. Хотя его старик был раздражен, Дрю слишком гордился собой, что послал того кретина куда подальше. Так что дело не в этом. Он также смог

уладить дела с отцом, значит это тоже не то, что его злит. На секундочку я задумываюсь, что, возможно, это из-за Кейт — она первая, кого я знаю, кто смог сбить спесь с Дрю, — она здесь, со своим женихом, вот от чего он так бесится.

Но я отметаю эту мысль сразу же, как только успеваю подумать об этом. Дрю печется о своей машине, о своих клиентах — но не женщинах. Он никогда не ревнует, так же как и не заводит отношений. Так что я не могу представить себе, чтобы он расстраивался из-за того, что девица, которую он хочет трахнуть, трахается с кем-то еще. Даже если это такая красавица, как Кейт Брукс.

— Дрю! — приветствует его отец. — Я как раз рассказывал мистеру Уоррену о сделке, которую Кейт заключила на прошлой неделе. Как же нам с ней повезло.

— Это все игра, — подначивает Долорес. — Под ее деловым костюмом и образом хорошей девочки бьется сердце настоящего бунтаря. Я могла бы рассказать вам столько историй о Кэти, от которых у вас глаза на лоб полезут.

Кейт бросает на Долорес предупреждающий взгляд.

— Спасибо Ди, но, *пожалуйста*, не надо.

Билли усмехается и обнимает Кейт за талию.

Дрю хмурится. И, хотя он и шутит, его слова резки.

— Точно. Ты была той еще нарушительницей закона тогда, не так ли, Кейт? Папа, ты знал, что она пела в группе? Ты так зарабатывала, когда училась в школе, верно? Думаю, это еще похлеще стриптиза.

Ди резко смотрит на Дрю — очевидно, не одобряя его тон.

Кейт кашляет. Дрю подает ей платок, по-рыцарски. Но потом направляет свое смертоносное остроумие на Уоррена.

— И Билли здесь, он этим до сих пор и занимается. Ты ведь музыкант, верно?

— Верно, — отвечает Билли.

— Ну, расскажи нам, Билли, тебе нравятся такие рокеры, как Брет Майклс? Или скорее Ванилла Айс?

— Никто из них.

— Почему бы тебе не взять свою гармошку, или на чем ты там играешь, и не выступить на сцене? В этой комнате крутятся большие деньги. Может, ты получишь заказ на свадьбу. Или мицву.

Билли смотрит так, будто умирает от желания врезать Дрю.

— Я не играю на таких мероприятиях.

И после этого комментария, кажется Дрю жаждит того, чтобы он попытался.

— Ух ты. В нынешней экономической ситуации, не думаю, что бедные и безработные могут

быть такими привередливыми.

— Послушай, ты кусок...

Кейт пытается снять напряжение — как рефери на ринге, разнимающий двух боксеров, упрямо пытающихся оторвать друг от друга кусок.

— Билли, милый, не мог ты принести чего-нибудь выпить еще из бара? Я это уже почти допила,
— тянет она руку Уоррена.

Он пыхтит. Но все равно идет к бару.

Затем, таким же яростным тоном, каким выглядит Дрю, Кейт говорит:

— Дрю, я только что вспомнила, мне надо передать тебе некоторые документы по счету Генезиса. Они у меня в кабинете. Пойдем.

— Это же вечеринка, Кейт, — весело заявляет Джон. — Оставь это до понедельника.

— Это займет всего минуту, — говорит она ему с улыбкой. Потом ее улыбка исчезает, и она хватает Дрю за руку и уводит за собой.

Пока Джон болтает с коллегой, стоящим рядом с ним, Ди наклоняется ко мне и тихонько говорит:

— Мне не нравится, как твой друг разговаривал с моим кузенком и Кейт.

Я ее обнимаю за талию.

— Он просто конкурирует. Это бизнес — что-то типа волчьих законов.

И я не сомневаюсь, что Дрю готов отдать свое правое яйцо за шанс отыметь Кейт Брукс.

Но Ди не успокаивается.

— Если он вернется и решит снова вести себя, как придурок, я собираюсь сказать ему, что он рискует быть посланным отсюда.

За те недели, с тех пор, что я встретил ее, я видел разные стороны Долорес — беззаботную, соблазнительную, нежную, глупую. Но я впервые вижу, как она кого-то защищает. Я очень сильно уважаю преданность. Тот факт, что Ди так яростно выражает себя, просто чертовски восхитительный.

Прижимаюсь губами к ее макушке.

— Давай просто надеяться, что до этого не дойдет.

Когда через пару минут Кейт и Дрю не возвращаются в конференц-зал, я догадываюсь, что Билли отправился на их поиски. Потому что десять минут спустя, Билли и Кейт подходят к Ди, оба выглядят нервными. Напряженными. Далекое не счастливой парой.

Дрю не возвращается на вечеринку вообще.

Когда через полчаса уходит Джек, я понимаю, что он и Дрю решили отправиться по барам пораньше. Учитывая недавние угрозы Ди против Дрю, думаю, сегодня не совсем подходящая ночь, чтобы везти к парням. Так что, когда офисная вечеринка подходит к концу, Кейт, Билли, Ди и я отправляемся в город вместе. Мы несколько кварталов проходим пешком и занимаем столик в таверне, которая только-только начала наполняться и которая устраивает живое шоу, где выступают сами зрители на их маленькой сцене.

Долорес и Кейт уговаривают Билли записаться на выступление. Билли пихает Кейт локтем.

— Давай споем вместе. Как в старые времена.

Кейт качает головой.

— Ни за что. Время моего пения прошло. Мой микрофон убран далеко и надолго.

Хотя у нее шутливый тон, Уоррен выглядит... разочарованным. Наверно, даже немного ранимым.

После первого круга выпивки, слышится его имя, и он выходит на сцену — позаимствовав одну из гитар таверны. Он поет кавер «Here's to Us». Не помню названия группы, что поет эту песню, но я знаю их звучание приближено к тяжелому металлу, и у них сексуальная рыжая солистка.

И я должен сказать — Билли Уоррен меня просто чертовски поразил. Он, действительно, хорошо играет на гитаре и у него замечательный голос — мягкий, с достаточным количеством хрипотцы.

Ди поднимает свой бокал, хлопает, и кричит, и все это одновременно с качанием головы в такт музыки. Кейт, однако, наблюдает за Билли с гордым — но серьезным — видом. Думаю, некоторые слова в песне довольно грустны, по-своему. Проницательны.

Они рассказывают о любви, хороших временах, ошибках, и о том, что надо двигаться дальше.

Уоррен идеально берет последнюю ноту песни, и весь зал раздается аплодисментами. Кейт улыбается и поднимается со стула, когда он возвращается к столу. Она говорит, что Билли был молодцом. Я пожимаю ему руку и говорю то же самое. Тогда как Ди ведет себя более восторженно.

— Это было классно, говнюк!

Потом она сжимает в объятиях его так, что он краснеет.

Кейт извиняется и уходит в дамскую комнату. А я поворачиваюсь к Долорес.

— Я так понимаю, твой брат собрал в себе все музыкальные гены вашей семьи, а?

Билли добавляет:

— Я так понимаю, ты уже испытал на себе способности пения Ди.

— Да пошли вы оба — я отличная певица.

Ее кузен усмехается.

— Конечно, Человек дождя. Коты сбегаются со всей округи, чтобы послушать тебя — в надежде, что им повезет.

Я смеюсь, и чокаюсь своей бутылкой с пивом Уоррена. Потом он пригибается, когда Ди бросается в него соленым крендельком.

Кейт возвращается и садится рядом с Билли, и я не могу не заметить пустое пространство между их стульями. Билли наклоняется вперед и говорит:

— В общем... у меня есть новости. Звонил тот музыкальный продюсер, который был несколько месяцев назад на моем выступлении. Он хочет, чтобы я приехал в Калифорнию... говорит, он может записать меня в студии.

Ди весело улыбается.

— О, Господи! Это фантастика!

Но судя по выражению лица Кейт, она так совсем не думает.

— Когда... когда это было? — спрашивает она.

Билли пожимает плечами.

— Несколько дней назад.

Он отпивает пиво.

— А почему я слышу об этом только сейчас?

Воздух становится напряженным.

У Билли тяжелый взгляд.

— А когда я должен был сказать тебе, Кейт. Тебя никогда нет рядом.

Она хмурится еще больше.

— Мы живем вместе.

— И даже когда ты дома, ты все равно где-то не здесь.

Она отводит взгляд и проводит рукой по волосам. Долорес наблюдает за ними — обеспокоенно — словно ребенок разведенных родителей, которые как раз ссорятся.

— Я не могу... — начинает Кейт. — Я не могу сейчас переезжать в Калифорнию.

Билли уставился на свою бутылку пива.

— Да, я знаю. Вот поэтому я и еду сам.

Кейт выглядит ошарашенной — обиженной и немного злой.

— Но... у нас были планы. Ты поддерживал меня, когда я была в школе, а теперь я... моя очередь сделать то же самое для тебя.

Билли отодвигает стул назад. Защитная реакция и некое отчаяние заставляет его сжать кулаки и напрячься.

— Ну что ж, планы меняются, Кейти. Ну, правда, ты вообще хотя бы заметишь, когда я уеду? Мне вот так не кажется.

Она собирается спросить, что он имеет в виду. Видно, как это вертится у нее на языке. Но она сдерживается и говорит:

— Я не хочу ругаться.

А это раздражает Уоррена еще больше.

— Конечно, ты не хочешь ругаться. Последнее время ты ничего не хочешь делать со мной! Ты слишком занята, чтобы куда-то пойти...

— Я работаю!

Он ее игнорирует.

— Ты не хочешь спорить, не хочешь разговаривать, не хочешь заниматься сексом...

Щеки Кейт вспыхивают, но я не могу понять, то ли это от смущения, то ли от злости.

— Все, что ты хочешь делать, это просматривать свои чертовы документы и решать, какой же костюм надеть на работу.

— Это не так!

— Я знаю, что бизнес — это мужской мир, но я не знал, что ты должна была одеваться, как мужик.

Вскакивает Долорес.

— Не будь придурком, Билли.

— Не вмешивайся, Ди-Ди.

С яростным взглядом, Кейт говорит своему жениху прямо в лицо:

— Да пошел ты на хрен.

Он как-то горько засмеялся.

— Интересно, а на чей хрен последнее время ходила ты? Уж точно не на мой.

Кейт резко встает и дергает свою сумку со спинки стула.

— Я иду домой. До свидания, Мэтью. Ди, я тебе позвоню.

Когда Кейт выходит за дверь, Уоррен поднимается чтобы пойти за ней, но Ди хватается его за руку.

— Билли! Не надо... не надо говорить то, чего ты уже не сможешь вернуть назад... то, чего ты на самом деле не думаешь, и мы оба это знаем.

Он просто кивает. А потом тоже уходит.

Ди делает большой глоток своего мартини.

— Ну вот, это произошло.

— Думаешь, у них будет все нормально? — спрашиваю я.

— Нет. Я уверена, что они помиряются, останутся вместе — будут сохранять отношения через расстояния. Их отношения, как морг... безжизненные. И Билли прав. Не могу вспомнить, чтобы они ругались и спорили до сегодняшнего вечера.

— Разве это плохо? — интересуюсь я, заканчивая свое пиво.

— Для них да. Они не спорят, не потому что счастливы — они не ругаются, потому что, мне кажется, в глубине души никто из них не хочет признаться, что ругаться больше не о чем.

Самые удачные браки и отношения — между лучшими друзьями — которые еще и хотят трахнуть друг друга. Самыми близкими друзьями, которые доверяют друг другу, и которые не могут отвести друг от друга глаз. Когда ты проводишь много лет с одним и тем же человеком — это должно быть комфортно. Они притираются друг к другу. Как заношенная пара штанов.

Но еще должна быть страсть — непреодолимое влечение. Необузданное желание. Иногда, как у Стивена и Александры, накатывать волнами. Они балуют себя этим, если в суете жизни им выпадает такой шанс. Но если страсть ушла, и ты даже не думаешь о том, чтобы возобновить этот огонь — все, что тебе остается — это дружба. Партнерство.

В восемьдесят лет, этого может быть вполне достаточно. Но в чертовы двадцать пять? Ты просто плывешь по течению.

— Ты готов идти? — спрашивает меня Ди.

— Ага. Кажется, на вечер мы остались с тобой вдвоем.

Она тыкает в меня кулаком.

— Воины уик-энда... в среду. Давай, пошли.

Следующие несколько часов, мы ходим по барам. Играем в дартс и бильярд. Она сделала меня на пятьдесят баксов в нашей последней игре, потому что я не сразу понял, что имею дело с опытным жуликом.

А следовало бы знать.

В конце концов, мы оказываемся в клубе — прижимаясь, потираясь друг о друга в толпе людей на танцполе. Но все это время Ди более податливая, чем обычно. Она кажется какой-то подавленной. Встревоженной. Не та непредсказуемая и бунтарская девчонка, которую я знал последние несколько недель.

Я завершаю вечер — намного раньше, чем это бывало в прошлые года — и мы возвращаемся к ней домой. Там мы просто заваливаемся на диван и болтаем ни о чем... и обо всем. Постепенно, мы заговариваем о домашних питомцах, и я рассказываю ей все о Кинге, огромном черном Датском Доге, с которым я вместе рос. Я искренне любил этого здорового волосатого засранца, поэтому был вроде как в ужасе, когда Долорес сказала:

— У меня никогда не было собаки.

— Правда? Никогда? Даже... чихуахуа?

Она машет головой.

— У меня был хомячок — они довольно самостоятельные. Моя мама никогда не хотела брать на себя ответственность за собаку. Плюс сюда еще и слюнофобия.

Я улыбаюсь, потому что чувствую, что это будет забавно.

— Что?

— Слюнофобия. У меня стойкое отвращение к любому человеку или животному с чрезмерно продуктивной слюнной железой.

— Ты сейчас шутишь.

— Я еще могу терпеть слюнявые поцелуи — ну ты это уже знаешь. Это довольно возбуждает, в определенные моменты. Но слишком много слюней — это мерзко. А харкание, распускание слюней — это просто недопустимо. Прямо тошнит.

Долорес не волнует грязь или пот или неопрятность. Она не боится грызунов — даже крыс размером с кота, которые рыщут по городу и довольно-таки ужасны, я вам скажу. Она влюблена в мой мотоцикл и на самом деле любит змей. Ничего не могу поделать, но такой бзик — это прореха в броне «мне на все похрен» — кажется мне прикольной. Смешной.

И мне хочется прямо поиздеваться над ней немного на эту тему.

Девятилетний мальчишка, сидящий во мне — тот самый, который махал длинноногим пауком у лица Александры, не смотря на последствия, которые следовали за этим — вылезит наружу. Это единственное объяснение того, что я делаю дальше.

— Значит... тебе не понравится, если я сделаю вот так?

Я громко очищаю свой нос и скапливаю на задней стенке горла большой шарик слизи.

Долорес отклоняется назад, с отвращением закрывает глаза и поднимает руки в знак протеста:

— Не делай так больше.

Я сглатываю слюну и насмехаюсь:

— Думаю, ты, на самом деле, не захочешь, чтобы я тут перед тобой изобразил Джона Бендера.

Джон Бендер — это из «Клуба «Завтрак». Если вы не понимаете, о чем я, посмотрите и узнаете.

Она, и правда, выглядит немного так, будто в панике.

— Даже не смей!

Я широко улыбаюсь. Потом наклоняю голову назад, открываю рот и выпускаю в воздух огромный харчок. Он пролетает какое-то расстояние, на мгновение зависает, а потом снова приземляется в мой раскрытый в ожидании рот. Прежде чем я успеваю сказать «вкусно», Ди уже орет, вскочив на ноги.

— Ааа! Как противно!

Она скачет, пританцовывая, будто ей под платье заползли муравьи, и тычет в меня пальцем, когда орет:

— Ты больше не Мальчик-Клитор или Бог! Ты Человек-харчок и ты мне противен! Больше никогда не буду с тобой целоваться!

— Ты бросаешь мне вызов?

Она нервно смеется и отходит назад.

— Нет... нет, ты и твой грязный язык держитесь от меня подальше!

В один миг, я соскакиваю с дивана и хватаю ее за талию. Ди старается вырваться и мы оба с визгом падаем на пол, катаемся по нему и смеемся. У меня получается оказаться сверху. Сцепляю вместе ее запястья и завожу ее руки над ее головой. У нее просто нет шансов сбросить меня, но это не останавливает ее от попыток.

И, может, это трение от того, что она извивается под моим телом. А, может, от того, что мне так весело. А, может, это такое фантастическое сексуальное влечение, которое мы испытываем, находясь именно в этом позе. Но какая бы ни была причина, я тут же, ужасно возбуждаюсь.

Тем не мене, я игнорирую свой стояк. Он еще не скоро пройдет. А мне надо ее немного попытать. Как щупальца из научно-фантастического ужастика, мой вытянутый язык медленно приближается к лицу Ди. Голова Ди мечется из стороны в стороны, а крик режет слух.

Потом она пытается меня укусить.

А я продолжаю наступать свою добычу. Лизнул ее щеку, потом лоб — при этом отставляю смачные слюнявые следы, как личинки, которые мутировали от утечки радиации. Добираюсь до ее закрытых глаз, и только собираюсь приблизиться к ее шее, когда в дверь раздается громкий звук.

Интересно, может соседи услышали громкий крик Ди и вызвали копов. Я скатываюсь с нее. Она поднимается, издает хрюкающие, но бунтарские звуки, пока вытирает свое лицо. Потом она мне грозит:

— Тебе крышка, Фишер. Не смыкай ночью своих глаз.

Я просто смеюсь.

Ди открывает дверь, даже не посмотрев в глазок. А там стоит, с поникшей головой, футляром с гитарой в руках — Билли Уоррен. Он поднимает глаза на Ди и спрашивает:

— Можно я останусь сегодня здесь?

Ди шире открывает дверь и Билли заходит.

— Да, конечно. Что... ты в порядке?

Он забрасывает свою гитару в угол. У него влажные глаза, словно он сдерживает слезы, но у него не получается:

— Кейт и я... мы... расстались с Кейт.

ГЛАВА 15

Билли рассказал Долорес некоторые детали, после чего настоял, чтобы она проверила, как там Кейт — звучит так, словно ее поезд переехал. Ди хватает свое пальто, и уже у дверей смотрит мне в глаза. Потом кивает головой в сторону своего брата, молча прося меня о том, чтобы я побыл с ним, пока ее нет.

Я киваю головой. На ее лице благодарная улыбка, и она уходит.

Оставив меня и малыша Билли одного.

Чувствую себя так, будто мне надо играть роль хозяина, но это квартира его сестры — очевидно, что он должен чувствовать себя здесь комфортно — потому что он знает, где находится крепкий ликер. Как только дверь закрывается, он проходит на кухню и возвращается с бутылкой водки, двумя стопками и пивом.

Он садится на диван, ставит все это добро на стол и наливает две рюмки. Одну двигает в мою сторону, а вторую тут же выпивает. К тому времени, как я успеваю проглотить свою выпивку, Билли уже заканчивает со второй.

Тяжело выдыхает и пристально смотрит на стол. Не поднимая глаз, он сообщает мне:

— Тыходишь моей сестре. Ты делаешь ее... счастливой. У Ди плохой вкус на мужчин — всегда был. Обычно ей попадаются придурки — но ты, ты кажешься приличным парнем.

Я открываю свое пиво.

— Мне нравится думать, что это так. Она тоже делает меня счастливым.

Он кивает. Потом поднимает на меня свой взгляд.

— Она этого достойна — хоть и заставит тебя, скорее всего, пройти через ад. Долорес может быть огромной занозой в заднице, но это только потому, что ее обижали — потому что она доверялась неправильным людям... и теперь она боится, что ты тоже можешь оказаться не тем человеком. Но... она любит... сильно. Она отдает все, что у нее есть. Если она впустишь тебя к себе в душу, она никогда тебя не подведет.

— Я знаю, что она достойна этого, — усмехаюсь я. — И я работаю над тем, чтобы она смогла впустить меня к себе в душу.

Билли берет свое пиво.

— Хорошо.

Предлагает мне выпить еще рюмку — я качаю головой, и он выпивает ее сам.

Потом говорит:

— Я знаю, что ты меня не знаешь, друг, но я надеюсь, что ты будешь честен со мной. Между Кейт и Эвансом что-то есть?

Какое-то мгновение я перевариваю эти слова, и потом осторожно спрашиваю:

— А Кейт тебе говорила, что между ними что-то есть?

Он делает глоток пива и качает головой.

— Неа, просто чувствую. Она постоянно о нем упоминает — либо он ее вывел из себя, либо он помогает ей решить проблему, либо о том, как он блестяще что-то сделал.

В таких ситуациях, я не люблю лгать. Меня воспитывали так — относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе. В тоже время, Дрю — мой лучший друг. И хотя Билли и кажется хорошим парнем, если мне понадобится спрятаться за чью-то спину, то она точно будет не его.

— Кейт не кажется той, которая будет изменять, Билли.

— Нет. По крайней мере, не была до этого.

Я киваю.

— А Дрю... ну, он не заводит интрижек с женщинами с работы. Это что-то вроде правила, по которому он живет. И раньше он никогда его не нарушал. Ни разу.

Он отклоняется назад, успокоившись — чувствую облегчение — от моего пояснения.

Потом, как-то небрежно, он заявляет:

— Это хреново.

Я соглашаюсь.

— Когда люди расстаются — всегда так.

Он фыркает.

— У меня это впервые. Кейт и я... мы вместе были вечность — с пятнадцати лет. Она была у меня первой во всем. И я думал, что будет последней тоже. Моей единственной.

Я просто киваю и даю ему высказаться.

— Но последние несколько лет... такое чувство, что мы тормозим друг друга, знаешь? Я не

думаю, что когда-нибудь перестану ее любить... но теперь все по-другому. Этого не достаточно. Мы больше... не подходим... друг другу.

С сочувствием, я ему говорю:

— Такое случается... часто. Люди меняются.

Он тоже кивает.

— Дааа.

Делает еще глоток пива.

— Все равно хреново.

— Это временно.

Несколько минут мы сидим молча — время разговора по душам закончилось.

Так что я беру пульт и выбираю канал с фильмами по требованию.

— Хочешь посмотреть *Хищника*?

Билли наливает себе еще рюмку.

— Конечно. Ни разу не видел.

Я улыбаюсь.

— Это изменит твою жизнь.

За несколько часов до восхода солнца, Долорес возвращается домой. Я в полудреме на кресле, тогда как Билли спит в отключке на диване.

На столе стоит пустая бутылка из-под водки — она выполнила свою миссию.

Ди со вздохом скидывает туфли. Потом она видит меня. И она удивлена.

— Ты все еще здесь?

— А не должен быть?

— Нет, нет. Все в порядке.

Она накрывает своего кузена пледом, нежно убирая с его лица волосы, как мама болеющего малыша. Потом она проходит мимо меня в свою спальню. Я поднимаюсь и иду за ней.

— Как Кейт?

Долорес снимает свою одежду, в которой она была еще на вечеринке — стягивает ее и бросает на пол, так и оставляя ее там лежать. Сама остается в леопардовых трусиках и таком же

лифчике без лямок.

— Кейт раздавлена. Страдает... Билли наговорил всякой ерунды, когда они ругались. Обидной ерунды. И она чувствует себя виноватой. Билли из кожи вон лез, чтобы поддержать Кейт, когда она училась. Она ненавидит себя, потому что не сможет отплатить ему тем же.

Ди продолжает стоять ко мне спиной, когда снимает свой лифчик, и разворачивается только после того, как натягивает через голову красную футболку.

— Спасибо, что остался с ним, Мэтью.

— Конечно.

Она вздыхает, но ее плечи напряжены.

— Я, правда, так устала.

Я начинаю расстегивать свою рубашку, чтобы лечь с Ди в кровать. Я не рассчитываю на секс, хотя, если учесть, сколько ее кузен сегодня выпил, не думаю, что его сможет разбудить даже самая бурная оргия. Но я не ожидал того, что она скажет потом.

— Сейчас ты можешь идти.

Мои пальцы застывают на пуговицах.

— Что?

— Я сказала, спасибо, я устала — ты можешь идти.

А ее взгляд плоский, лицо натянуто — как у манекена в магазине.

Я делаю к ней шаг, пытаюсь не обращать внимания на ее вид.

— Ди, я знаю, ты расстроена...

— Или, может быть, я просто не хочу, чтобы ты здесь оставался, Мэтью! — взбунтовалась она.

— Может быть, я просто хочу побыть одна.

И да — на тот случай, если вам интересно — вот оно мое яростное выражение лица. Челюсть напряжена, губы сжаты, глаза светятся адреналином. Меня злят ее слова — ее вид — ее чертово упорство не смотреть на меня и на наши отношения без нависающих над ними тени ее прошлого.

— Ты не хочешь быть одной — ты просто до ужаса боишься. Ты видишь, как Кейт и твой кузен не хотят чувствовать то, что они чувствуют...

Она хлопает в ладоши, медленно. С сарказмом.

— Элементарно, Ватсон. Если у тебя не получится с банком, кажется, что ты сможешь стать терапевтом.

Я провожу рукой по волосам, пытаюсь справиться с отчаянием, от которого мне хочется проломить кулаком стену в ее спальне.

— Все это дерьмо, когда ты меня отталкиваешь, уже порядком поднадоело, Долорес.

— Что ж, дверь вон там, — указывает она. — Почему бы тебе не пойти и не поискать себе чего-то новенького.

У меня низкий голос, но закипающий от злости.

— Хорошая идея. Я так и сделаю.

Потом я разворачиваюсь и ухожу из чертовой комнаты.

Так я дохожу до гостиной, и уже хватаюсь за дверную ручку входной двери и останавливаюсь. Потому что это как раз то, чего она от меня ждет. Что я сдамся, махну на нее рукой.

На нас.

Ди скорее нанесет удар первой, а потом выбросит белый флаг, чем рискнет позже оказаться застигнутой врасплох.

Я это знаю. Также как знаю, что последнее, чего бы она хотела, так это того, чтобы я ушел.

Оставил ее одну.

Убираю руку от двери и возвращаюсь в спальню. Она сидит на краю кровати ко мне спиной, спина ровная, словно она палку проглотила.

— Я никуда не уйду. Хочешь покричать? Кричи. Хочешь кому-нибудь врезать? Я могу принять удар на себя. Или мы вообще можем не разговаривать. Но... я никуда не уйду.

Я сажусь на кровать и сбрасываю туфли, следом одежду. Ди скользит под одеяло, потом выключает лампу, но комната не погружается в полную темноту. Из окна идет достаточно света, чтобы разглядеть ее силуэт — лежащий на спине, смотрящий в потолок. В боксерах, я забираюсь под одеяло рядом с ней. И как только моя голова касается подушки, она двигается ближе, поворачиваясь на бок, и кладет голову мне на плечо.

— Я рада, что ты не ушел.

Обнимаю ее рукой, прижимая наши тела — сейчас ее щека прижимается к моей груди, рука — на моем животе, наши ноги переплетены. Долорес шепчет:

— Что мне делать завтра? Это День Благодарения. Кейт, Билли и я собирались этот день провести вместе — пойти пожарить стейки.

Я хмурюсь.

— Стейки?

Чувствую, как она пожимает плечами.

— Все едят индейку. А я ненавижу делать то, что делают все.

И я не могу сдержать улыбку.

— Я не могу выбирать между ними, — продолжает она. — Это будет сложно — не хочу, чтобы

кто-то из них чувствовал себя одиноко. — Ди поднимает голову и смотрит мне в глаза. — Если бы Стивен и Александра расстались, кого бы ты выбрал, чтобы провести день?

Я легонько глажу ее по спине, и отвечаю так беспомощно, как только возможно.

— Я не знаю.

Она снова ложится мне на грудь. А я добавляю:

— Ты не должна выбирать. Ты могла бы послать их обоих, и пойти завтра со мной к родителям Дрю.

Она фыркает:

— Нет, я не могу так поступить.

На самом деле я и не думал, что она пойдет на это.

Я предлагаю альтернативу.

— Твой кузен проспит еще много часов. И когда он проснется, я тебе гарантирую, что ему не захочется стейков. Оставь Билли записку, позавтракай с Кейт, побудь с ней днем, а потом поужинай с Билли.

— Но они все равно будут одни, по крайней мере, какую-то часть дня.

— Они взрослые люди, Ди. Они справятся. И кто знает, может быть, завтра они все уладят.

— Я так не думаю, — мягко говорит она. — Возможно, будет даже лучше, если этого не случится.

— Твой кузен сказал, примерно то же самое.

Она слегка целует мою грудь — одно милое касание.

— Просто так... грустно. Конец эпохи.

Я сжимаю ее. Ди снова поднимает голову, чтобы посмотреть на меня.

— Мэтью, эти последние недели с тобой... я... — она делает паузу и облизывает свои губы. — Я... я, правда, рада, что ты остался.

— Я тоже.

Через несколько минут, ее дыхание становится ровным и глубоким. Я думаю, что она уснула, до тех пор, пока она тихонько не говорит:

— Просто... не делай мне больно... ладно.

Я провожу рукой по ее волосам и крепко ее сжимаю.

— Никогда, Долорес. Обещаю.

Это были последние слова, что мы сказали, перед тем, как заснуть.

Рано утром следующего дня, Ди просыпается только для того, чтобы поцеловать меня на прощание. Я прохожу мимо Билли — потерянного для мира — лежащего на диване, и направляюсь домой, чтобы принять душ. Потом я еду к родителям Дрю в загородный дом на праздник.

Все обычные гости на месте — Джон и Энн, Стивен и Александра, Джордж и моя мама с отцом. Через рукопожатия и объятия я прохожу на заднюю террасу, с которой открывается панорамный вид на задний двор. И вид на Дрю — с Маккензи — качающихся на качелях, на которых мы сами играли детьми, целую вечность назад.

Не смотря на то, что, казалось, они были вовлечены в серьезный разговор, я все равно выхожу через дверь, чтобы к ним присоединиться. Дрю говорит Маккензи, что я здесь, и она спрыгивает с качелей, бежит и бросается в мои объятия, будто она не видела меня несколько месяцев. Но я это принимаю и крепко ее сжимаю, когда ее маленькие ручонки обнимаю меня за шею.

Потом я опускаю ее вниз, и мы возвращаемся к Дрю.

— Привет, друг, — приветствует он меня.

— Что случилось? — спрашиваю я. — Прошлым вечером ты рано ушел? И больше не вернулся на вечеринку.

Он пожимает плечами.

— Было не до того. Сходил в спортзал и отправился спать.

Хм. Такое поведение странно для Дрю, и мне интересно, связано ли это с его психозом на Кейт и Билли на вечеринке.

— А ты был с той девчонкой Долорес? — спрашивает он.

Я киваю. И пробую почву.

— С ней, Кейт, и Билли.

Он качает головой.

— Тот парень жополиз.

К нам подходит Маккензи и протягивает Банку Плохих слов — изобретение Александры — чтобы мы следили за собой в присутствии ребенка. Это одновременно отравляет мне жизнь и доводит до истеричного смеха.

— Он не так уж и плох.

Дрю говорит:

— Меня раздражают идиоты.

И он лишается еще одного доллара.

Мне кажется, он делает это специально — говорит ругательных слов больше, чем бы он их говорил, если бы банки не было. Это как закрученная версия реверсивной психологии, просто чтобы взломать систему и показать своей сестре, что контролировать его не получится.

И, наверно, вам интересно, почему я не сказал ему о том, что Кейт и Билли расстались? Ответ прост: Парни не распускают чертовы сплетни. Мы не болтаем о такой ерунде, как проблемы в отношениях других людей. Мы едва говорим о своих-то проблемах. Вот так все просто.

Плюс, если Дрю узнает, что Билли ее бросил, он пристанет к ней, как банный лист. Потому что все знают, что брошенные девушки это как давно висящий фрукт. Таких легко подобрать. Думаю, так у него появится не совсем справедливое преимущество в их маленькой битве полов. Преимущество, которое ему совсем не нужно.

Последнее время, люди расстаются постоянно... только для того, чтобы сойтись снова на следующий день. Не смотря на то, что сказала Ди, Билли кажется очень подавленным. У меня такое чувство, что он собирается попробовать еще раз, прежде чем все закончится.

Нет смысла давать Дрю лишние надежды.

— Ну, а что там у тебя с Долорес? — спрашивает он.

Я улыбаюсь. И просто отвечаю:

— Просто вместе проводим время. Она классная.

— Я так понимаю, ты ее поимел?

Я хмурюсь. Хоть я и знаю, что он не собирался вести себя неуважительно, Ди не просто какая-то первая попавшаяся. И я чувствую себя оскорбленным, когда он вот так говорит о ней. Поэтому стараюсь его осадить.

— Все совсем не так, Дрю.

Сейчас он смущен.

— А как, Мэтью? Ты пропускал наши похождения больше двух недель. Я еще могу понять, если это было ради ублажения какой-нибудь цыпочки. Но если нет, в чем тогда дело?

Я жду, когда к нам подойдет Маккензи со своей банкой... но ее нет. Наверно, она ничего не услышала.

Потом я стараюсь объяснить Дрю, чтобы он понял, но так как он никогда никого не любил, за исключением самого себя, я, действительно, не знаю, сможет ли он понять.

— Она просто... другая. Трудно объяснить. Мы разговариваем, понимаешь? И я постоянно о ней думаю. Как только я с ней расstaюсь, в ту же минуту не могу дождаться, когда увижу ее снова. Она просто... поражает меня. Я бы хотел, что б ты понимал, о чем я говорю.

Он меня предостерегает.

— Ты на опасной территории, друг. Видишь, что творится со Стивеном. Эта дорожка ведет Темной Стороне. А мы всегда говорили, что мы туда не попадем. Ты уверен насчет этого?

Я просто продолжаю улыбаться. И в самой лучшей манере Дарта Вайдера говорю:

— Ты не знаешь всей мощи Темной Силы.

Этот ужин в честь Дня Благодарения определенно достоин книги рекордов. Если бы у меня была с собой камера, я бы точно запечатлел это невероятное стихийное бедствие. Глупо было с моей стороны думать, что все-слышащая Маккензи не усекла того, как Дрю говорил мне про ублажение цыпочек. Она слышала, вот. Причина, по которой она не стала заставлять Дрю платить в том, что она просто не знала, что это были «плохие слова».

После того, как она повторила это за ужином в День Благодарения? Она это узнала. И тут началось такое!

Снова не могу удержаться от смеха. Когда она спрашивает Стивена:

— Что такое ублажать цыпочек?

Это самое смешное, что я когда-либо слышал. Я был в таком шоке, что у меня изо рта вылетела оливка и попала Стивену прямо в глаз, чуть не оставив его слепым. Отец Дрю чуть не умер, когда подавился своей индейкой, а моя мать опрокидывает свой бокал с вином — которое тут же пропитывает шелковую скатерть Энн Эванс.

Просто замечательно.

Александра была на самом деле не в себе. Конечно, если бы ее гнев был направлен на меня, я бы, наверно, так не веселился. Но он направлен прямо на Дрю, так что я смеялся над словами Маккензи, и тем, что последовало за ними всю дорогу домой.

Только мне бы хотелось, что бы со мной была Долорес и все это увидела. Говоря о Ди, прежде чем вернуться в город, я останавливаюсь на заправке и звоню ей узнать, как у нее прошел день.

— Лучше, чем ожидала, — говорит она. — Но можно я останусь у тебя сегодня вечером? Мой кузен переносит свои чувства на музыку. И как бы я не любила слушать его пение, еще одна душераздирающая песня, и я сделаю так, что наша серия с пищевым отравлением будет выглядеть, как простая икота.

И моя жизнь сразу стала намного лучше. Я знаю, что когда мы только начали общаться с Ди, она сказала, что ей не нужны были отношения. И я знаю, что у нее еще остались свои опасения — но посмотрите на нас сейчас. Она хочет приехать ко мне, просит остаться у меня. Это огромный шаг. Это значит, что она хочет того же, что и я. Что мы на одной волне. Что она заинтересована в будущем — со мной.

Я усмехаюсь в телефон.

— Конечно, я буду дома через тридцать минут. Приезжай, малыш.

Будет и на моей улице праздник. Так часто говорят. А вот, что не так часто говорят, но что

тоже верно — *Не возносись высоко, чтобы не пасть глубоко.*

Помните, какое-то время назад, я вам говорил, что женщинам надо прекращать разыгрывать из себя жертву? Перестать читать в действиях парней то, чего нет на самом деле, и просто принять то, что они говорят, на самом-то деле? Я был так увлечен Ди, хотел взять то, что у нас есть и бежать с этим до конца, что проигнорировал свой же совет.

Вы когда-нибудь слышали о мифе об Икаре?

Вы, вероятно, не ожидали урока из Греческой мифологии, но, тем не менее, это важно. Икар был сыном выдающегося умельца. Его отец сделал ему пару крыльев из перьев и воска и предупредил его, прежде чем ему взлететь, чтобы тот не сбивался с пути. Не лететь слишком высоко. Икар согласился.

Но уже в полете, он так увлекся своими ощущениями, что позабыл о предупреждении отца. Он не обратил внимания на знаки, которые были прямо перед ним, потому что он знал, куда летит, считал, что у него все под контролем.

Вы догадываетесь, что случилось потом? Да, Икар загорелся. Его крылья развалились, и он разбился о землю.

К сожалению... я могу это понять.

ГЛАВА 16

В Библии написано, что всему свое время под небесами. Время миру и время войне, время сеять и время собирать урожай... время любить... и время *говорить* о своей любви.

Ну, на самом деле там не так написано. Но следовало бы написать. Потому что многие бедняги совершают ошибку, когда говорят женщине о своих чувствах в неподходящий момент.

Например, после секса. *Неправильно.* Сразу нарветесь на неприятности.

Или во время скандала. *Вообще неправильно.* Есть причина, по которой песня группы Doors «Love her madly» [23] до сих пор популярна. Потому что слова «Разве ты не любишь ее, когда она выходит за дверь» — вечны. Мужчины не любят терять. Будь то их любимая футболка, или девушка. В попытке сохранить последнее, мы можем ляпнуть какую-нибудь глупость — то, что мы на самом деле не имеем в виду.

Но для меня, сегодняшний вечер просто идеален, для того, чтобы вывести наши отношения на новый уровень. Я сделал для нее ключи от своей квартиры, и когда я положу их ей в руку, мне захочется сказать ей, что я в нее влюбляюсь.

Вы ведь не удивлены, правильно? Господи, вы должны были это предвидеть.

В последнее время я много об этом думал. Это произошло постепенно, но так он и лучше. За четыре недели, Ди превратилась из девушки, которую я хотел просто переспать, в девушку, с которой мне хотелось проводить вместе время, в девушку, которая мне действительно нравилась... в ту, без которой я не хочу жить.

Я все время думаю о ней, я тоскую по ней, скучаю, когда мы врозь, и не важно, сколько времени мы провели вместе. Она забавная и красивая и интересная... конечно, она также и

заноза в заднице, но — как я уже говорил вначале — как раз из-за ее бзиков я ее и люблю.

Последние полторы недели были замечательными. Билли все еще трется в ее квартире, так что, она приходила туда, чтобы проверить, как у него дела, а остальное время она была здесь, со мной. Но мне все равно хочется большего. За последние несколько дней мне хотелось несколько раз огорошить ее этой новостью, но мне хочется, чтобы это было запоминающимся. Особенным. То, о чем она с гордостью расскажет Кейт, или еще кому-нибудь — нашим детям. Девушкам нравится такая фигня.

Сегодня я с ней еще не разговаривал. Весь день я встречался то с одним клиентом, то с другим. Но вечером она придет, и у меня уже все спланировано. Хотите об этом услышать?

Мы начнем с экскурсии в парк аттракционов Jersey Shore на побережье. Мои родители часто водили меня туда, когда я был ребенком. Сейчас декабрь, но многие горки работают круглый год. В этом месте царит неопишное волшебство — аура простых времен — ностальгическая красота. Я буду держать Долорес за руку, потрачу 30 баксов, чтобы выиграть для нее игрушку, цена которой 2 доллара в одном из тех автоматов, где вам нужно выбить тяжелые банки бейсбольным мячом. Мы покатаемся с ней на машинках, возможно, на американских горках. Съедем с ней наивкуснейший, но невероятно вредный торт «муравейник».

Потом мы разуемся, и прогуляемся босиком по пляжу, так близко к воде, чтобы можно было увидеть волны в лунном свете, но при этом не намочить. Будет холодно, и она прижмется ко мне, а я обниму ее, чтобы согреть. А потом, под шум разбивающихся волн, я ей скажу.

Что она изменила мою жизнь. Что остаток жизни я хочу разделить вместе с ней. Что уже все не так, по сравнению с тем, что было четыре недели назад. Все намного лучше. И это из-за нее. Не думаю, что ее это спугнет. Хотя такое возможно. И если да, я скажу ей, что не обязательно говорить мне что-то в ответ. Я довольно терпелив. Я могу подождать.

вернуться

23

Люби ее безумно

Потом мы займемся любовью. И это будет великолепно. Секс на пляже не так хорош, как кажется. Песок далеко не друг вашим гениталиям. Но... если Ди захочет, я уже точно не собираюсь ее подводить.

Когда я слышу, как открывается дверь в моей квартире, я смотрю в зеркало ванной. *Все хорошо*. Потом иду в гостиную. Улыбаюсь — до тех пор, пока не вижу лицо Долорес.

Она в ярости. Скрежет зубами, ходит кругами по комнате, раздувает ноздри. А слова вылетают из ее рта, словно град пуль. Так что я вхожу внутрь.

— Твой друг просто придурок! И я хочу, чтобы ты мне сказал, где я могу его найти.

— Какой друг?

— Дрю-которому-я-хочу-оторвать-член-и-скормить-ему-самому-Эванс.

Я усмехаюсь, хотя мне и не следовало.

— Полегче, Лорена Боббит [24]. Успокойся.

Успокойся? О чем я вообще думаю? Эти два слова, словно вода, капающая на жир на плите — делает его только жарче. Это второй самый верный путь вывести из себя женщину еще больше, чем она уже есть. Первый, конечно же, спросить, у нее что, месячные?

— Успокоиться? Ты хочешь, чтобы я успокоилась? — кричит Ди.

— Да что с тобой такое?

— Со мной то, бесчувственный ты кретин, что я только что от Кейт. Она подавлена — просто уничтожена. Все из-за твоего дружка, Дрю, который поигрался, а потом повел себя с ней, как со шлюхой, которой даже нет надобности заплатить.

Я знал, что Дрю запал на Кейт, но все равно, не могу сдержать удивления в своем голосе.

— Дрю и Кейт переспали?

Ди складывает на груди руки.

— Определенно. Он был весь такой добренький и заботливый к ней с тех пор, как она рассталась с Билли. Заставил ее поверить, что она для него что-то значит. Она провела выходные в его квартире. А потом, этим утром, после того, как они пришли на работу, он сказал ее, что в постели она хренова — и не стоит того, чтобы повторить.

Я прижимаю пальцы ко лбу, пытаюсь переварить то, что сказала Ди — что на самом деле не имеет никакого смысла. Дрю не приводит девушек к себе домой — никаких. Он не спит с одной и той же девушкой дважды... по крайней мере... только если он уже забыл, что спал с ней. И провести все выходные с девушкой? Да не может быть.

— Ты уверена, что Кейт говорила про Дрю? — спрашиваю я.

— Он назвал ее чертовым «проектом», Мэтью! Тем, с которым он «покончил». А я собираюсь сделать проект из его морды. Кейт, самый лучший человек, из тех, кого я знаю. Она, может, и кажется жесткой снаружи, но внутри она мягкая. Ранимая. Ему не надо было так с ней поступать.

За злостью Ди скрывается боль. Она страдает, потому что страдает ее подруга. Я подаюсь вперед, чтобы прикоснуться к ней, успокоить ее, но она делает шаг назад.

Я выставляю руки вперед в знак того, что сдаюсь, и стараюсь вразумить ее.

— Дрю не такой подлец, Ди. Он очень уважает женщин... по-своему. Он любит проводить с ними время, без всяких обид. Он не принижает женщин. Ни за что бы, ни обидел кого-то из них, особенно... Господи, особенно Кейт.

— Ну, он обидел!

Я качаю головой.

— Должно быть, Кейт неправильно его поняла.

На какой-то момент она просто уставилась на меня. Скребет по мне взглядом, вверх и вниз, словно она видит меня в первый раз. Потом ее выражение меняется от праведного к леденящему недоверию.

А голос становится хриплым.

— Ты его защищаешь?

— Он мой лучший друг. Конечно, я его защищаю!

Она резко вздергивает подбородок. Шипит:

— Ну, что ж. Тогда и ты иди на хрен!

— Что, прости?

— Если ты думаешь, что нет ничего плохого в том, что он сделал, значит, ты не тот, кем я тебя считала. Даже близко не стоишь.

А я кричу:

— И ты это серьезно сейчас?

— Да! И я та еще идиотка. Раз считала, что могу позволить себе доверять тебе... я никогда не позволяла вещам зайти так далеко. Все кончено Мэтью. Не приходи ко мне больше, не звони! Ты и твой хренов дружок, просто держитесь от нас подальше!

Ее слова действуют на меня, как удар кувалдой в живот. Они угнетают. Ранят. И чертовски сводят с ума. Ди продолжает свою тираду, но я больше не слушаю. Все, о чем я думаю, так это каким я был тупицей.

Слепцом.

Опять.

Это почти смешно, в депрессивном, ироническом смысле. Ди говорила мне — и не раз — что ей это не нужно было. Что все ее отношения никогда не заканчивались на хорошей ноте. Но я не слушал. Я слышал то, что хотел услышать, и верил, что смогу ее переубедить. Что если я буду достаточно обаятельным, достаточно спокойным, она увидит — как видел я — как хорошо нам может быть вместе.

Что за чертов придурок.

Правда, нет никакой разницы по сравнению с Розалин. Предупреждающие знаки не могли возникать по тем же причинам — но они были. И я их пропустил.

— Черт! — я пинаю кофейный столик, но он не ломается. Так что я пинаю его снова — пока этого не происходит. Ломается ножка, и стеклянная поверхность разбивается о пол, заставляя Ди тут же замолчать.

Она делает два шага назад, выгляди осторожной — практически напуганной, что она завела меня так далеко. И я ненавижу, что заставил ее так выглядеть. Но я просто взбешен, слишком

разочарован в ней тоже. Так что теперь, взбунтовался я.

— Ты говоришь, Кейт кажется жесткой снаружи, но мягкая внутри? А не хочешь сама взглянуть в зеркало, Ди? Ты в ужасе, ни кто иной, как маленькая напуганная девочка. Ты скорее останешься одна, чем решишься на что-то лучшее. Что-то, что могло бы быть прекрасным. Я из кожи вон лез ради тебя! Я целых две недели бегал вокруг тебя на цыпочках, стараясь не спугнуть тебя! И к чему это привело? Ни к чему! Думаешь, с меня хватит? С *меня* хватит! Потому что, оно того не стоит.

Она обнимает себя за талию, пытаясь себя сдержать. И она больше не выглядит злой. Она выглядит... грустной.

Я делаю вдох и провожу рукой по волосам. И я смеюсь над собой — потому что я такой идиот. Жалкий.

— Я тут все спланировал. Собирался повести тебя в парк аттракционов и выиграть для тебя медвежонка. Собирался сказать тебе, что ты самая невероятная, красивая, фантастичная женщина из тех, что я знал. И я собирался сказать тебе, что я окончательно в тебя влюбился. А теперь... теперь я не могу сказать ничего из этого.

Я качаю головой.

— Потому что ты просто ждешь ... ищешь причину... потому что я не могу любить того, кто просто жаждит сбежать через дверь.

Сейчас ее голос тише. Мягче.

— Я говорила тебе... говорила, что ничего у меня не получится.

А мой голос подавленный.

— Да, думаю, наконец, я тебе поверил.

Я смотрю в медово-карие глаза Ди. Глаза, которые всегда говорили о многом, даже если она молчала. И я поворачиваюсь к ней спиной.

— Просто иди, Ди. Просто уходи — это то, что ты хотела сделать с самого первого дня.

Я слышу, как она дышит. Как ждет. А потом слышу ее шаги. Она останавливается у двери, и на какой-то прекрасный, ужасный миг, мне кажется, она передумала.

Пока не слышу ее шепот.

— Прощай, Мэтью.

Я ничего не отвечаю, и не поворачиваюсь. Пока не слышу, как за ней закрывается дверь.

ГЛАВА 17

— Черт.

После того, как уходит Ди, я тридцать минут хожу кругами по квартире, ругаясь, и пиная все

вокруг — злясь на весь мир.

— Дерьмо!

Я злюсь на себя за то, что позволил зайти делу так далеко — за то, что потерял терпение и самообладание — и даже за то, что влюбился в Ди, если на то пошло. Мое самобичевание горячо и разнообразно, и в нем нет никакого смысла — даже для меня.

Ужасно злюсь на Долорес — за то, что она мне не доверяла, за то, что даже не попыталась этого сделать. За то, что считала недостойным риска то, что мы имели. За то, что думала, что я сам чертов риск в принципе, тогда как я делал все возможное, чтобы показать ей, что я не такой.

вернуться

24

Лорена Боббит — получившая всемирную известность после того, как в 1993 году Лорена в ответ на домашнее насилие со стороны Джона отрезала ему ножом половой член

А еще я злюсь на Дрю — но пока не уверен за что. Может, он и оскорбил Кейт, как утверждала Ди. А если и так, то это был идиотский ход. Который так несправедливо отразился на мне. И меня бесит, что он вообще с ней замутил — нарушил свое ценное, тупое хреново правило, которое было ради цели. *Этой* цели. Потому что — как чертов террорист-смертник — его действия имеют печальные последствия для всех, кто его окружает.

Но больше всего, меня бесит то, что Дрю не берет свой хренов телефон, чтобы я мог выяснить, что же случилось.

— Черт побери!

Парни не любят болтать. Телефон для нас не так уж и важен, только если мы не пытаемся выяснить, где нам встречаться, и какой был последний счет в бейсболе. Но в этот раз мне действительно нужно с ним поговорить — а он пропал без вести. Я звоню Эрин, секретарю Дрю, которая все еще в офисе. Она сказала, что днем он ушел домой, почувствовав себя плохо — скорее всего, подхватил простуду.

Охрененно.

Да пошло оно все. Бросаю трубку, хватаю ключи и иду к Дрю — чтобы выудить из него всю историю.

Но когда я прихожу к нему, он не открывает.

Долблю в дверь в третий — или тридцатый — раз.

— Дрю! Открой чертову дверь! Какого хрена с тобой сегодня случилось? Дрю!

Ничего. Я останавливаюсь и прислушиваюсь хоть к каким-то признакам жизни внутри квартиры, но все, что я слышу, это тишина. Никакого шарканья шагов, или скрипа диванных пружин. Возможно, его даже и дома нет. Что означает, на данный момент, ни черта мне не везет.

Тяжело дыша, я покидаю здание. Сажусь на свой байк — и еду. Быстро и резко. Может, на данный момент это не самая лучшая идея, но я все равно так делаю. Выезжаю через тоннель на магистраль, где движение уже не такое плотное, слава богу.

Дует такой холодный и обжигающий ветер, что мое лицо немеет. Но это даже хорошо. Потому что намного лучше ничего не чувствовать, чем чувствовать, что что-то теряешь. Теряешь то, что было у нас с Ди, то, что могло бы еще быть.

Я еду несколько часов. Пытаюсь выбросить все из головы. Пытаюсь забыть сегодняшний день... и все четыре недели, что были до этого.

Я паркую свой байк в гараже, слажу с него — окоченевший и замерзший от такой езды. Не думал, что у меня еще была надежда увидеть там Долорес, в ожидании меня. Что она поймет, что совершила ужасную ошибку и появится у моих дверей, моля о прощении. *Особенно в части мольбы.*

Но я понимаю, что именно на это я и надеялся... когда подхожу к своей двери, а ее там нет.

И на меня накатывает разочарование.

Это чувство усиливается, когда я проверяю пропущенные звонки на телефоне, и вижу, что звонков от Ди среди них нет.

Но звонить ей я не хочу.

Я в отчаянии, и я скучаю по ней — но я ей не звоню. Не стану за ней бегать. Ни в этот раз. Больше никогда, если до этого вообще дойдет.

Дрю тоже не ответил на мои звонки. С нетерпением жду, когда вернусь завтра на работу, где увижу его, узнаю всю историю... и скорее всего, врежу ему по его тупой морде. От этого мне полегчает.

Не волнуйтесь — на самом деле не собираюсь ему навредить. Хоть он тренируется боксу не так часто, как я, Дрю далеко не неженка. Он может о себе позаботиться. И в отличие от наших с Долорес отношений, наша дружба это переживет. Несколько тумачков, у друзей, не такое уж и большое дело.

У меня пропал аппетит, поэтому я не ужинаю. Просто принимаю душ и заваливаюсь в постель, голый и мокрый. Но когда я зарываюсь лицом в подушку, я чувствую ее запах. Аромат ее кожи, ее волос — он сладкий и терпкий, со вкусом яблока и корицы, яркий.

В моей груди боль.

Вместо того чтобы подняться и уйти спать на диван, как мне и следовало сделать, я прижимаю подушку сильнее и крепче сжимаю простыни — окутывая себя воспоминаниями о Ди — до тех пор, пока не засыпаю. Довольно таки жалко, да?

Даааа, я тоже так думаю, нахрен.

Утром во вторник, притаскиваю свою задницу на работу — сердитый, растрепанный, отвратный — хоть и спал, как убитый. Вот, я узнаю о представлении, что Билли Уоррен устроил Кейт в фойе, и мне интересно, они снова вместе или нет. Что может быть сильнее публичной серенады и полного цветов фойе. Но если Кейт снова с Билли, почему бы ей тогда не наплевать, на то дерьмо, что о ней думает или что чувствует к ней Дрю?

На протяжении всего дрянного дня, я проверяю, не появился ли Дрю. Не появился. Интересно, он действительно болен. Или что там случилось между ним и Кейт — и вероятность того, что она вернулась к своему бывшему — сломало его так, что он и подумать не мог.

Провожу свое время, в мыслях об этом... так что у меня нет времени думать о ней. Но, конечно, мой разум находит способ, как развернуть мои мысли к ней.

Насыщенные, болезненные мысли.

О том, где она — что она чувствует. Есть хоть какой-нибудь шанс, что она чувствует себя также плохо, как и я.

Эрин собирает вместе Стивена, Джека О'Шея и меня, и просит нас прикрыть Дрю, пока его нет. Как и он сам, его клиенты чертовски испорчены, и они испсихуются, если его не будет поблизости, чтобы держать их за руку. Я беру парочку его папок, потому что, не смотря на то, что сейчас я его считаю говнюком, я не собираюсь позволять его карьере пойти под откос.

Дополнительная работа заставляет время бежать быстрее, и я не успел заметить, как рабочий день заканчивается. Я иду в спортзал — хоть и чувствую себя дерьмово — и подвергаю себя жесткому испытанию и серии кулачного боя.

Потому что это именно то, что нужно парням, когда они страдают. Наказать самих себя или всех вокруг.

После зала я опять заезжаю к Дрю, значительно спокойнее, чем был вчера. Он все еще не открывает дверь, но в этот раз, я слышу звуки телевизора внутри. По звуку кажется, что он смотрит *Телеведущий: Легенда о Роне Бургунди*.

Я тарабаню в дверь.

— Открывай, придурок.

Единственное, что я слышу в ответ — это рычание Секс Пантеры — убойный момент в фильме.

— Ну, давай же, кретин. Знаешь, ты тут не единственный, у кого проблемы.

Когда он все равно не отвечает, я всерьез начинаю волноваться.

— Дрю, серьезно, тебе нужно дать мне какой-нибудь знак. Если нет, я решу, что ты на самом деле умираешь, и позвоню в 911.

Прошла минута. Потом еще. И когда я уже собирался вытащить телефон, что-то стукнуло о дверь изнутри. Как будто бы в нее бросили что-то специально. Может быть, бейсбольный мяч.

Бам.

— Дрю? Это был ты?

Бам.

— Хочешь, чтобы я выбил дверь,

Бам... Бам.

На мгновение я задумываюсь. Затем, чтобы удостовериться, что я прав, я спрашиваю:

— Значит, один стук — это да, два стука — нет?

Бам.

Думаю, сейчас так и будет. Я сажусь на пол и прислоняюсь спиной к двери Дрю. И я начинаю говорить, задавать вопросы, на которые можно ответить да или нет — чувствуя себя при этом каким-то идиотом. Подростком в фильме ужасов, разговаривающим с потусторонним миром через доску «уиджа», который считает себя слишком крутым, чтобы помнить, что такие сеансы никогда не заканчиваются хорошо.

— Эрин сказала, что ты ей писал. У тебя, правда, простуда?

Бам.

— Ты и Кейт были вместе на прошлой неделе?

Бам.

— Это было так же хорошо, как ты себе и представлял?

Бам... Бам.

Вас мог смутить его ответ. Но меня нет.

— Было еще лучше?

После этого последовала значительная пауза. А затем... *Бам.*

— Ты вел себя с ней как придурок после этого?

Бам... Бам.

Нет. Значит, Ди поняла все неверно. Но потом Дрю вроде как продолжает.

Бам.

Нет и да. Дрю был придурком с Кейт... но, как ему кажется, у него были на то причины. Я иду дальше.

— Долорес порвала со мной. Из-за того, как ты вел себя с Кейт. А я ведь на самом деле на нее запал, друг. Я... влюбился в нее.

Мой голос становится сильнее. Раздраженной.

— Тебя хоть немного это волнует? Ты вообще хоть сожалеешь?

Следом опять многозначительная пауза. А потом... *Бам.*

Хоть и приятно слышать о его сочувствии, мне это совсем не помогает. И, что самое важное, это был не Дрю, который покончил со мной и Ди. Это полностью наша вина. Ее отказ доверять мне... мой отказ продолжать пытаться завоевать ее доверие.

Чтобы там Дрю не наговорил Кейт, он явно страдает из-за этого. Так что, я не виню его ни в чем.

— Правда в том, что твоей вины нет. У нас были... проблемы. Проблемы, через которые, я думал, смогу решить... но... она не хотела этого так же сильно, как и я. Ты же знаешь, как это бывает.

Бам.

— Ты собираешь сидеть там вечно?

Бам... Бам.

— Тебе что-нибудь нужно? Я могу что-то сделать?

Бам... Бам.

Я киваю, хотя это всего лишь самому себе.

— Хочешь, чтобы я еще завтра пришел?

На какое-то мгновение последовала тишина, и когда я уже думал, что, по его мнению, разговор окончен, он отвечает.

Бам.

Я возвращаюсь к себе домой, и ничего не делаю, только весь остаток вечера пялюсь в телевизор. Все время на моем лице одинаковое выражение — мрачное. Когда я щелкаю каналы, появляется одна из чертовых долгих реклам. И начинает громко играть песня «Еще одна ночь» Филя Коллинса. Это как раз та часть песни, где он думает, звонить ли его девушке.

И это похоже на чертов фантастический фильм — словно телевизор читает мои хреновы мысли. Я смотрю на свой телефон. В задумчивости.

Прокручивая в голове слова рок-группы Jedi Mind Trick: *Позвони, придурок. Позвони.*

Я беру его, провожу пальцами по кнопкам. И набираю 9 из 10 цифр Ди...

Пока последняя реплика из песни в телевизоре не напоминает мне, что она может быть не одна.

Отбрасываю свой телефон в сторону, словно ошпарившись о полуфабрикаты, разогретые в микроволновке. Потом я зарываюсь лицом в подушки дивана и начинаю кричать.

— Черт!

В рекламном ролике меняется музыка. Теперь там играет «Against all odd's» — песня о парне, у которого есть много что сказать девушке, но она уже не вернется.

Знаете, кто-то, действительно, сильно насолил Филу Коллинсу.

Я напеваю некоторые слова, потому что здесь только вы и я. И для песни 80-х, она довольно таки хороша.

О, смотрите, вот еще «Total Eclipse of the Heart», завершая тройное уничтожение силы духа, мелодии 80-х из раздела почему-бы-тебе-не-прибить-самого-себя.

Да уж.

Простите, я пока пойду, перережу себе в ванной вены.

ГЛАВА 18

В среду утром у нас рабочее совещание в конференц-зале. Все время я сижу в каматозе — слушаю лишь в полуха. Когда оно заканчивается, уходят все, кроме Кейт, которая все еще сидит за столом, раскладывая и собирая стопку бумаг и папок перед собой.

Она лучшая подруга Долорес — и да, это значит, что есть некоторые принципы. Такие же неприступные, как и стена молчания. Но, на данном этапе, мне нечего терять.

— Эй.

Она мягко улыбается:

— Привет Мэтью.

Я не хожу вокруг, да около.

— Она... она вообще говорит обо мне?

Кейт смотрит вниз, на стол переговоров.

— Ни слова.

Да уж... хреново.

Но я не отказываюсь от надежд.

— Она думает обо мне?

Кейт встречается со мной взглядом, и он у нее сочувствующий — немного печальный. Не уверен, эта грусть у нее направлена на Долорес или на меня. Она шепчет:

— Каждый день. Все время. Она никуда не выходит, она просто... хандрит, и смотрит кино. Она в этом не признается, но я знаю, что это из-за тебя.

Что ж... ну хоть что-то. Страдание любит компанию — и страдание Долорес доставляет мне

некий комфорт. Успокоение. Что я, хотя бы, не один такой.

— Мэтью, почему ты просто не позвонишь ей? Люди иногда ругаются, совсем необязательно, чтобы на этом все заканчивалось.

Я уже качаю головой.

— Я не могу. Долорес любит, чтобы за ней бегали, я уже это понял. Но, в какой-то момент, ей надо перестать бегать, и позволить мне ее поймать. Я раскрылся перед ней, чтобы показать ей, как она важна для меня. Что я готов к длительным отношениям — если она захочет. Но теперь — ее очередь. Она должна показать мне, что тоже этого хочет.

Гордость — это не всегда грех. Иногда это спасение, которое не дает вам превратиться в придурка, не дает вам выглядеть дураком — но которым вы являетесь.

— Я уже был с тем, которая... хотела чего-то другого. *Кого-то* другого. Не хочу больше такое переживать.

Кейт кивает головой, слегка улыбаясь.

— Ладно. Чего бы это ни стоило, надеюсь, Ди скоро созреет.

— Спасибо.

Я делаю несколько шагов по направлению к двери. Но потом останавливаюсь. Потому что, не смотря на то что, я Дрю и не видел, но инстинкты во мне подсказывают, что он переживает. Зализывает раны.

Смертельные.

А еще чутье мне подсказывает, что Кейт залечивает те же самые раны — просто у нее получается лучше это скрывать.

— Послушай, Кейт... насчет того, что произошло между тобой и Дрю...

Все признаки дружелюбия тут же спали с ее лица. Ее взгляд становится тяжелым, губы сжаты и она перебивает меня резким голосом:

— Не надо, Мэтью. Просто... не надо.

Думаю, Дрю не единственный, кто включил радиомолчание.

— Хорошо. — Я сжимаю ее плечо. — Хорошего дня.

Она натянуто улыбается, а я направляюсь в свой кабинет.

Позже, тем же вечером, я заезжаю к Стивену и Александре, чтобы пригладеть за Маккензи, пока они пошли в кино. Лекси открывает дверь и смотрит на выражение моего лица дольше, чем нужно, а потом смотрит мне за спину. Никого там не увидев, ее лицо смягчается от сожаления.

Она крепко меня обнимает и говорит:

— Знаешь, Мэтью, существует такая вещь, как слишком разные.

Я тяжело сглатываю.

— Даа, я знаю, Лекс.

Времени на жалость нет, потому что светловолосое пятно в голубом наряде принцессы выбегает в холл, держа в руках медвежонка. Она врзается мне в ноги и обнимает меня за колени.

— Ты здесь!

Я поднимаю Маккензи на руки.

— Привет, принцесса!

— Хочешь поиграть в чайную вечеринку, дядя Мэтью? Ты можешь быть Баззом Лайтером, а я буду мисс Несбит.

— Звучит весело.

Я вознагражден шикарной детской улыбкой. И в первый раз за несколько дней, тяжесть на моем сердце стала легче.

Стивен помогает Александре надеть пальто, каждый из них целует Маккензи на прощание.

— Спать в восемь, — сообщает мне Александра. — Не позволяй ей уговорить тебя уложить ее позже.

— Не уверен, что я смогу устоять перед жалостливым взглядом больших голубых глаз.

Она улыбается.

— Будь сильным.

Они уходят, и я закрываю за ними дверь. Следующие полтора часа я играю в чаепитие с Маккензи. И в Барби. Потом мы строим стену и сносим ее машинкой Numvee на пульте управления. Перед тем как лечь спать, мы покидали мячик в игрушечное баскетбольное кольцо, которое я купил ей на день рождения.

Уже лежа в постели, она просит меня почитать ей историю и вытаскивает из-под подушки толстую книгу Дисней.

Золушка.

Маккензи обнимает своего медведя и смотрит на меня неморгающими сонными глазами. Когда доходим до места, где Принц делает свое объявление, она меня спрашивает:

— Дядя Мэтью?

— Ммм?

— Почему Золушка не пошла к принцу со своей туфелькой? Почему она не сказала ему, что «Это я»? Почему она стала ждать его?

Я задумываюсь над ее вопросом и не могу удержаться, чтобы провести сравнение со мной и Долорес.

— Может... может, Золушка не была уверена, какие у принца к ней чувства. Может, она хотела, чтобы он сам пришел за ней — так она будет знать, что он ее любит.

Это просто чертовски печально. Говорить о своей любовной жизни с четырехлетней.

Маккензи с пониманием кивает, и я продолжаю читать. Пока...

— Дядя Мэтью?

— Да?

— А почему принц не узнал, что это Золушка? Если он полюбил ее, он бы помнил, как она выглядела, правильно?

Я думаю о дразнящей улыбке Ди, ее идеальных губах, теплой нежности в ее глазах, когда она просыпается рядом со мной, как приятно гладить ее по щеке кончиками пальцев — словно касаться лепестка розы.

Когда я отвечаю, у меня хриплый голос:

— Да, Маккензи. Если бы он ее полюбил, он бы не забыл, как она выглядела. Никогда.

Она зевает, долго и широко. Потом поворачивается на бочок и устраивается на подушке.

С сонным вздохом в голосе, Маккензи говорит:

— Я думаю дядя Дрю прав. Этот принц просто придурок.

И это были ее последние слова перед тем, как она отправилась в царство снов.

В четверг на работе, мой отец останавливается у моего кабинета и сообщает мне, что моя мама ждет меня вечером на ужин. Расстраивать свою мать — это тяжкое преступление, и последнее, что мне сейчас нужно, это, чтобы мое имя стояло первым в черном списке моего старика.

Я приезжаю в пять тридцать. Мои родители живут в четырехспальном особняке, построенном еще в 1920-х, с оригинальной лепкой, тремя каминами, украшенными орнаментом, комнатой для приема гостей, кабинетом, музыкальной комнатой, буфетной, и великолепной столовой.

Действительно ли им нужно столько места? Нет. Но они и не подумают о переезде. Особенно после того, как я съехал, и как говорила моя мама, они наконец-то опять могут заниматься «приятными вещами».

Я понимаю, потребуется еще несколько лет прежде, чем нам понадобится установить один из тех классных автоматических стульев, чтобы они могли подниматься на лестнице.

Когда экономка, Сара, которая уже много лет работает у родителей, открывает дверь, я нахожу маму в комнате для приемов, которая наслаждается стаканчиком хереса у зажженного камина.

Увидев меня, она улыбается, поднимается и крепко меня обнимает.

— Здравствуй, дорогой. Я так рада, что ты смог сегодня прийти.

Она поднимает взгляд на мое лицо.

— Ты выглядишь усталым. Наверно, слишком много работаешь.

Я улыбаюсь ей.

— Нет, мама, совсем нет.

Мы садимся, и она рассказывает мне о хризантемах, которые она выращивает и последних новостях загородного клуба.

Когда из кабинета выходит мой отец, это знак, что обед уже подан.

Стол в столовой не очень большой — шесть стульев — но отец сидит на одном конце, просматривая газеты, которые он собирается читать, моя мама ест на другом конце, и я сижу между ними.

Когда мама разрезает свою курицу гордон блю, она спрашивает:

— Ты все еще видишься с той девушкой с офисной вечеринки? Она мне понравилась очень сильно, Мэтью. Такая с характером. Правильно, Фрэнк?

— Что?

— Девушка, которую Мэтью приводил на вечеринку — нам она понравилась, ведь так? Как ее звали? Дианна?

— Долорес, — признает мой отец, доказывая, что он самом деле в курсе происходящего вокруг него.

Иногда я думаю, что он просто ведет себя так, будто ничего не видит вокруг — и будто бы он глухой — чтобы ему не приходилось участвовать в разговорах, которые его не интересуют. Это такая уловка.

Я заставляю еду опуститься в свой неожиданно сжавшийся желудок.

— Нет, мама, Ди и я... у нас ничего не вышло.

От разочарования она щелкает языком.

— Ох, какая досада.

Она делает глоток вина.

— Я просто хочу, чтобы ты обзавелся семьей, дорогой. Никто из нас не становится моложе.

Ну, вот, началось.

Моя мама замечательная — добрая и нежная — но она все равно *мама*. Что означает, что теперь каждую секунду, она будет говорить о том, как мне нужен кто-то, кто обо мне будет заботиться и о том, что ей надо увидеть внуков, прежде чем, она умрет.

Такой разговор у нас уже был.

Она наклоняется в мою сторону, и заговорческим тоном шепчет:

— Это из-за... сексуальных проблем?

Мой кусочек курицы застрекает у меня в пищеводе. Я стучу себя по груди, чтобы пропихнуть его дальше — но голос у меня скрипучий.

— Что?

Она выпрямляется на своем стуле.

— Здесь нечего стыдиться, Мэтью. Я тебе подтирала задницу — так что нет причин, по которым мы не могли вести взрослый разговор о твоей сексуальной жизни.

«Подтирать задницу» и «сексуальная жизнь» — эти два выражения никогда, *никогда*, не следует употреблять в одном предложении. Если только ваше имя не Вуди Хренов Аллен.

Я прочищаю горло. Оно все еще жжет.

— Нет, мам. Там все было у нас в порядке.

— Ты уверен? Некоторые дамы стесняются выразить свои потребности...

Не может быть, чтобы это происходило.

— ...обсуждать свои желания. В этом месяце в нашем читательском клубе мы обсуждаем один роман, как раз на эту тему. *Пятьдесят оттенков серого*. Не хочешь взять почитать, Мэтью?

Я делаю большой глоток воды.

— Нет, я уже слышал о нем, спасибо.

От того, что моя дорогая, милая мамочка знакома с этим романом, однако, мне теперь будут сниться кошмары.

Она хлопает меня по руке.

— Ладно. Дашь мне знать, если передумаешь. Тот мистер Грей тот еще креативщик.

Слава богу, остальная часть разговора касается менее тошнотворных тем.

Когда тарелки пусты, я встаю из-за стола и целую маму в щеку.

— Спокойной ночи, мам. И... спасибо... за совет.

Она улыбается.

— Спокойной ночи, дорогой.

Мой отец вытирает рот и бросает салфетку в тарелку.

— Я тебя провожу. Хочу покурить.

Всю мою жизнь отец курил, но он не знает о том, что я курю. Не имеет значения, тринадцать мне или тридцать — если он когда-нибудь узнает, то переломает мне все чертовы пальцы.

Мы спускаемся вниз и встаем в открытом дверном проеме, где горит свет. Запах одеколона моего отца и только что зажженной сигареты пахнет знакомо. И, как ни странно... успокаивающе.

— Что случилось у тебя? — спрашивает он резким голосом старика. — Последние несколько дней ты ходишь, как в воду опущенный.

Видите? Он может долго ничего не говорить, но это только потому, что он слишком был занят тем, чтобы слушать и наблюдать — и претворяться, что ему ничего не надо.

Я пинаю камушек с верхней ступеньки.

— Все нормально, отец.

Чувствую, как он смотрит на меня. Внимательно.

— Нет, не нормально. — Он гасит свою сигарету в банке с песком. — Но будет нормально.

А потом он меня обнимает.

Сильно, как медведь. Также он меня обнимал, когда я был ребенком, перед отъездом в командировки.

— Ты — хороший парень, Мэтью. Всегда был. А если она этого не видит? Тогда она тебя не заслуживает.

Я обнимаю его в ответ, потому что... мне это чертовски нужно.

— Спасибо, отец.

Мы разжимаем объятия. Несколько кварталов я прохожу пешком, пытаюсь не думать — или видеть — лицо Ди в своих мыслях. Я иду вниз по улице, к дому Дрю.

Мне приветствует привратник, и когда я поднимаюсь в пент-хаус, и сажусь на пол в коридоре, облакачиваясь спиной на дверь Дрю.

Я не совсем уверен, слушает ли он, но, кажется, слушает.

И я смеюсь.

— Друг, я надеюсь, ты там сидишь, потому что ты не поверишь, какой разговор у меня сегодня состоялся с матерью...

Пятница выдалась тяжелой. Я просто... скучаю по ней. Сильно. Воспоминания, образ ее лица, каждую секунду всплывают в моей голове, мучая меня. Я не могу сконцентрироваться, не хочу есть. Мое тело кажется тяжелым, в груди жмет, болит, как при бронхите. Я скучаю по всему, что связано с ней. По ее смеху, ее смешным теориям, и да — не буду врать — скучаю по ее превосходным грудям. Я уже привык спать рядом с Ди — или на ней — кожа к коже, обнимая ее своей рукой, или зарывшись головой в ее грудь.

Моя чертова подушка не выдерживает с этим никакого сравнения.

Что мне на самом деле нужно, так это секс. Вам, может, не понравится такое слышать, жаль, конечно, но это правда. Когда ваш автомобиль окончательно умирает, вы же не продолжаете сидеть в нем, вспоминая обо всех временах, когда он вез вас на работу, к друзьям или в путешествие? Конечно, нет. Это глупо. По логике вещей — единственная вещь — это ехать покупать новую машину. Это единственный способ двигаться дальше.

Для мужчины или женщины — секс после разрыва во многом похож на это. Тебе хорошо — даже если это длится какое-то мгновение — и это напоминает вам, что жизнь не останавливается. Что конец света не наступил, только потому, что наступил конец вашим отношениям. Вселяет в вас уверенность в светлое будущее. Будущее, не утопающее в мучениях.

Но как только эта мысль оседает во мне, и я знаю, что это то, что мне следует сделать... я этого не хочу. Нет желания трахать кого-то, кто не Долорес Уоррен. И по правде сказать — есть какая-то маленькая, предположительно подкаблучная часть меня, которая еще и боится. Боится даже пробовать.

Это та же самая часть меня, которая кривится от разочарования каждый раз, когда прихожу домой, а ее там нет. Часть меня, которая все еще думает, что она все такие поймет, как здорово нам быть вместе, что она по уши в меня влюблена, и что она прибежит назад ко мне. И если что-то или все из этого случилось, я бы никогда не хотел огоршить ее новостью о том, что во время нашего разрыва, я переспал с другой женщиной. Правильно или нет, то доверие, которое я с таким трудом выстраивал с Долорес, было бы разрушено. Так что, в конце концов, это не просто риск, на который я хочу пойти — не ради случайного секса с первой попавшейся.

Суббота не лучше. Джек умоляет меня пойти с ним — жалуется, что его все бросили, что он скучает по своим товарищам по похождениям.

Но у меня нет на это настроения.

Вместо этого, я хватаю упаковку пива и пиццу и устаиваю пикник под дверью у Дрю. Говорю в основном я: он только «бамкает» свои ответы, когда я спрашиваю, жив ли он там вообще. По звукам кажется он перешел к просмотру *Лезвия славы*. Станный фильм.

Тем не менее, покончив с пиццей и последним пивом, я отклоняю голову назад на его дверь — слегка пьяный. И я начинаю философствовать. Говорю о выходных, когда мы были детьми, и мой дядя брал Дрю, Стивена и меня в поход в свою хижину в Адирондак.

Стивен со своей аллергией на ядовитый плющ — его раздуло, как шарик.

Но даже это его не останавливало, он все равно ходил с нами на поиски зарытых сокровищ. Мой дядя дал нам карту, которую он и мой старик сделали будучи детьми — чтобы искать коробку с серебряными долларами, которую они считали замечательной идеей закопать.

Первые три дня, мы только и делали, что охотились за ней. Но потом... как обычно и поступают дети... мы сдались. Мы переключили свое внимание на лазанье по деревьям, и драку на палках, а еще наблюдение за девчонками из местного колледжа, которые нагишом купались у озера.

Я думаю о тех временах и, конечно, Долорес — всегда о ней. И с грустью я интересуюсь:

— Думаешь, если бы мы поискали еще дольше, немного усерднее, постарались бы сильнее, думаешь, нам бы удалось отыскать сокровища?

Он не отвечает. А я пьян сильнее, чем думал. Поэтому прежде чем вырубиться в холле его дома, я собираю свои вещи и беру такси, чтобы добраться до своей собственной кровати.

И, как и все прошлые ночи, мне снится Долорес.

ГЛАВА 19

Когда парень лелеет свое разбитое сердце, у него три типа поведения: он пьет, он трахается, он дерется. Иногда все три происходят в один вечер.

Прошло уже шесть дней с тех пор, как я видел Долорес, и я никого не трахал. Минимум, что я делал — это пил. И я точно готов к драке. Я ходил в спортзал каждый день, работа сильнее, чем обычно, пытаюсь переключить чувства скуки по ней во что-то позитивное.

В воскресенье днем, когда захожу в зал, первый, что я вижу — лицо Шонеси. Вы же его помните, верно? Придурок, о котором я упоминал некоторое время назад, который нуждается в хорошей взбучке?

Кажется сегодня у него удачный день.

Он угрожающе ухмыляется.

— Хочешь сразиться или снова поведешь себя, как девочка.

Что-то внутри меня разорвалось — как Халк, когда он в клочья разрывает свою футболку — и я отвечаю:

— Давай.

Не могу дождаться, когда выйду на ринг. Чтобы начать бить — сбросить с себя все разочарование и вину, и вообще все плохие чувства, которые churning внутри меня последние шесть дней. Я скачу на цыпочках, качаю головой справа налево, разминая шею. Потом пролезаю под веревками, и направляюсь в центр ринга.

Шонеси уже ждет меня в нетерпении, выглядя при этом уверенно. Ронни стоит между нами и раздает типичные рекомендации относительно честного боя и спортивной этики. Мы стукнулись перчатками, разошлись по своим углам и стали ждать.

Вот звучит звонок.

Я ударяю по нему, реагируя быстро на ответы, но головой я в другом месте. Сказать по правде, то сейчас мне нет никакого дела до боя. Потому что сосредоточен я сейчас совсем не на своем сопернике. А на несправедливости жизни. На горечи от желания чего-то — кого-то — кто не разделяет моих желаний. В данный момент все мои мысли о боли и разбитом сердце — чувствах, которые я надеюсь, очистят удары.

Шонеси и я танцуем и деремся вокруг друг друга... и тут меня отвлекают движения у передней двери. А совсем забываю про то, что нужно работать ногами, о защитной позе, прыжках, правильных хуках и положении тела.

Потому что прямо там, в дверях стоит Долорес Уоррен.

В какую-то наносекунду, я осматриваю ее с ног до головы — ее волосы забраны назад в хвостик, открывая красивое лицо без макияжа. Ее белая футболка натянута на голубые джинсы. У меня нет времени поприветствовать ее или хотя бы поинтересоваться, почему она здесь.

Потому что в ту же секунду, когда я ее замечаю, кулак Шонеси встречается с моим лицом — словно удар снизу молотом Тора.

Мои зубы сжимаются, а голова дергается назад. Когда я падаю на спину, ударяясь о пол, мои глаза автоматически закрываются.

Не знаю, как долго я был в отключке, но должно быть это несколько мгновений. Когда я открываю глаза, в миллиметрах от меня щетинистое лицо Ронни. У меня затуманенный взгляд — краски и свет размыты и сливаются друг в друга. В ушах звенит, как помехи от телевизора.

Сквозь звон гремит голос Ронни.

— Фишер! Ты меня слышишь, Фишер?

Я моргаю и отвечаю, но у меня приглушенный голос, будто бы я разговариваю под водой.

— Даа, я... я слышу тебя.

— Ты меня хорошо видишь?

— Конечно, Ронни. Я тебя вижу целиком и полностью.

Ронни поворачивается и говорит с кем-то, кто стоит рядом с ним. Я могу разобрать лишь несколько слов... «сотрясение» ... больница». Потом склоняется надо мной.

— Мне надо, чтобы ты поднялся, Фишер.

Мои ноги считают, что это не очень хорошая идея.

— Я бы остался здесь, если ты не возражаешь.

— Тебе надо встать, Мэтью.

Ну, уж нет. Мои ноги все еще говорят «Отвали».

— Не думаю, что смогу.

А потом я вижу ее. Она садится на колени рядом с Ронни — рядом со мной. Она прикасается своей теплой ладонью к моей руке в том месте, где заканчивается футболка. И она шепчет:

— Поднимайся, сукин ты сын... потому что Микки любит тебя.

Я тут же начинаю закашливаться. Не из-за будоражащей цитаты из фильма — а из-за того, что эти слова могли бы значить.

Для нас.

— Ты смотрела *Рокки пять*?

Долорес кивает.

— Я смотрела их все. Смерть Микки — самое печальное, что я видела в своей жизни.

Потом ее лицо поникло, и она заплакала.

Она не пытается скрыть это. Она не закрывает лицо руками и не сдерживает рыдание. Потому что она не претворяется быть кем-то, кем не является. Примите ее или оставьте ее, вы получаете то, что видите.

Вот что я люблю в ней. Одна из многих вещей, что я в ней люблю.

У меня тяжелая рука, но я все равно ее поднимаю. Рука все еще в перчатке, но вытираю с ее щек дорожки от слез.

— Не плач, Ди.

— Прости. Прости. Я вела себя с тобой ужасно.

— Нет... я был идиотом. Я обещал быть терпеливым, а потом я... не был.

— Нет, ты был прав. Ты был прав во всем.

Я вспоминаю о наших зрителях, когда Ронни начинает всех уговаривать:

— Ну, ладно, парни, давайте оставим этих двоих голубков ненадолго. Пусть поплачутся друг дружке.

Когда все идут на выход, Ронни кивает мне и Ди:

— Вот именно поэтому, я и не хочу женщин в своем зале.

Как только мы остаемся одни, я заставляю себя сесть. Это не тот разговор, который мне хочется вести, лежа на спине. Ну... если только я не голый лежу на спине.

Ди помогает мне снять перчатки, и я облакачиваюсь спиной на угол ринга.

Она спрашивает:

— Ты в порядке?

— Да. Правда ощущение, что по моему лицу проехала фура, но в остальном я нормально.

Мстительным взглядом она смотрит в сторону раздевалки, куда вышел Шонеси.

— Прежде чем уйти, я проткну этому кретину шины. Тогда тебе станет легче?

Я усмехаюсь.

— Никогда не меняйся, Ди.

Она немного приходит в себя и смотрит вниз на свои руки. Потом признается:

— Одна только мысль о том, что у меня к тебе чувства — настоящие чувства, которые навсегда — пугает меня до ужаса.

Ее заявление меня не трогает. Она не говорит ничего такого, чего я уже не знаю. Но сам факт, что она здесь... он значит *все*.

— Я знаю.

— Я не хотела привыкать к тому, чтобы быть с тобой рядом, потому что я знала, что как только это случится, когда ты уйдешь... я буду в ужасном состоянии. Но уже слишком поздно. Я уже чувствую себя паршиво. В последние дни... мне никогда не было так плохо. Так одиноко. Пусто.

— У меня было также.

Она улыбается, хотя в ее глазах до сих пор стоят слезы. И в ее голосе.

— Но когда я с тобой... когда ты рядом со мной... все просто отлично. Ты делаешь меня счастливее, чем я могла вообще подумать, Мэтью.

— Что ж, все поправимо. Мне просто надо быть с тобой... все время. Это не будет так уж трудно. Потому что... я вроде как... люблю тебя.

— Ты замечательный человек, Мэтью. Забавный и добрый, внимательный и сексуальный, как бог. Ты... ты лучшее, что со мной случилось.

У нее мягкий и нежный взгляд, когда она смотрит на меня. Она с нежностью касается моего лица.

— Я люблю тебя, Мэтью.

Не смотря на то, что у меня ощущение, будто моя челюсть сейчас развалится, я улыбаюсь. Просто невозможно этого не сделать.

Моя рука скользит к затылку Долорес и я наклоняю ее ближе ко мне. Касаюсь ее рта своими губами — сначала слегка — потом сильнее, с большей значимостью. Притягиваю ее к себе, обнимаю. Наши языки касаются друг друга, чувствуют вкус друг друга, медленно, неторопливо, с обещанием чего-то большего.

Ди вздыхает, прикасается к моему лбу своим лбом.

— Не так я себе представляла мое признание тебе в любви.

— Я тоже. Но... это нам точно запомнится, правда? Для нас это нормально.

— Это уж точно.

Потом Ди вскакивает на ноги и протягивает мне свою руку.

— Почему мы все еще здесь?

С ее помощью у меня получается встать. Но когда я оказываюсь на ногах, я вспоминаю, почему вообще все это произошло, с самого начала.

— Ди, насчет Дрю и Кейт...

Она касается моих губ своими пальцами, заставляя меня замолчать.

— Нет. Мы не будем говорить о них. Никогда. Ты не твой идиотский лучший друг. Не хочу, чтобы он вставал между нами.

Она права. Дело не в Дрю, Кейт или Розалин, или еще каких-то кретинах из ее прошлого. Они не должны на нас влиять — они не должны нас касаться.

Дело в Ди и мне.

Когда мы выходим с ринга, я спрашиваю:

— Ди, ты приехала сюда на такси?

— Да, а что?

Я улыбаюсь.

— Я приехал на Дукати.

Ди это нравится.

— Я скучала по этой мощности между своих ног.

Одной рукой обнимаю ее за плечи.

— О, ты ее почувствуешь — *после* того, как я привезу тебя домой.

Долорес обнимает меня за пояс и качает головой.

— Как некрасиво!

Потом ее голос становится более жестким.

— Но нам обоим придется подождать с этим, потому что перед тем, как поехать домой, мы поймаем такси и поедem в больницу, чтобы тебя могли осмотреть.

— Что? Нет, я в порядке, правда.

Я ною, как шестилетний мальчишка, который не хочет идти к стоматологу.

Ди качает головой.

— Не хочу ничего слышать — ты поедешь. С потерей сознания шутки плохи. Я только что заполучила тебя назад, и я больше не собираюсь тебя терять.

Я открываю свой рот, чтобы поспорить — потому что я на самом деле в порядке — и я буду чувствовать себя просто фантастично, когда снова окажусь в постели с Ди. Или, на своем кухонном столе, или обеденном столе, у стены в гостиной — ну вы понимаете о чем я.

Но прежде чем я успеваю не согласиться, она добавляет:

— Тем более, если учесть то, что я запланировала для тебя? Нам точно понадобится медосмотр.

Что ж, когда она говорит это так...

Наша поездка в больницу была относительно короткой — чуть больше трех часов. После кучи вопросов и анализов, доктор поставил мне диагноз легкого сотрясения.

Чертов Шонеси.

Мало тебе не покажется — клянусь, я ты свое получишь сразу, как только я окажусь в спортзале.

Доктор сказал мне следить за тошнотой, расплывчивостью в глазах, и все такое. Одновременно с Ди мы спросили, можно ли заниматься сексом.

Он сказал, что можно.

Вот почему, как только закрывается дверь в мою квартиру, Ди и я начинаем целоваться, срывать друг с друга одежду, готовые растерзать друг друга — с шестидневным страстным желанием, сводящим нас с ума. От моей одежды избавиться легче, чем от одежды Ди, поэтому к тому моменту, как мы переступаем порог моей спальни, я абсолютно голый.

Горячий и большой, мне необходимо оказаться внутри нее намного сильнее, чем вдохнуть еще один глоток воздуха.

Рубашка Ди? Нет.

Ее лифчик? На бильярдном столе в моей столовой.

Я прикасаюсь к ней, прижимаю ее к себе — утопая в ощущениях от наших обнаженных тел, прижимающихся друг к другу, и бархатистости ее идеальной кожи.

Мои пальцы пытаются справиться с пуговицей на ее джинсах. Но Ди останавливает меня. Ее руки накрывают мои, и она делает один шаг назад. У нее резко поднимается и опускается

грудь, когда она пытается перевести дух.

— Мэтью... мне надо тебе что-то сказать. Я... кое-что сделала. Прошлым вечером.

Охренеть.

Прошлый вечер была суббота. Моя первая мысль — прошлым вечером Ди переспала с другим, и я чуть ли не согнулся пополам от резкой боли при мысли об этом. И от ярости.

Я знаю, технически, мы не были вместе. Мы расстались. Я не должен злиться.

К черту все — плевать.

Я ее прощу. Я это переживу... *после того*, как разнесу что-нибудь на мелкие кусочки, и поколочу по стенам, как горилла под кокаином.

Я сажусь на кровать.

— Что ты сделала? Чтобы это ни было, я... черт, просто расскажи мне.

А потом она делает самую странную вещь. Она улыбается. И расстегивает свои брюки, и говорит, спуская их вниз:

— Я всю неделю думала о том, что ты сказал. Как я боялась, как не хотела воспользоваться шансом...

— Я был зол, когда говорил все это, Долорес.

— Но ты все равно был прав. Так что я хотел сделать что-то, чтобы показать тебе, *доказать* тебе, что я тебе доверяю. Что я хочу этого, и тебя — всегда.

Она стягивает свои трусики, и меня тут же завораживает вид ее невероятно гладкой киски. До тех пор, пока не замечаю белый бинт, закрывающий маленький кусочек ее кожи пониже тазовой кости.

Она ее отрывает, и я вижу ярко-голубую тату, выведенная красивыми буквами на ее коже. Тату моего имени.

МЭТЬЮ

У меня нет слов — только смотрю. Потом падаю на колени перед ней и легонько целую все еще нежную кожу рядом с моим именем.

— Мне это чертовски нравится. Я люблю тебя, — я провожу по ней своими пальцами, очень нежно. — Теперь ты повязана со мной.

Долорес поднимает мое лицо вверх и проводит своими руками по моим волосам.

— Да, повязана.

Я встаю, разворачиваю ее кругом и бросаю ее на кровать. А потом прыгаю за ней.

ГЛАВА 20

Позже, когда солнце село, а простыни на моей кровати были фантастически смяты, после лихорадочных «Я люблю тебя» и «Я скучал по тебе» и «Никогда меня не оставляй» произносимых шепотом между прикосновениями и блаженными стонами, я заставляю себя подняться.

Это не просто. Ди лежит обнаженная в моей кровати, с распухшими губами, взъерошенными волосами. Не на долго останавливаюсь — со штанами в руках — просто смотря на нее.

— Боже, ты красива.

Она улыбается. И я знаю это, потому что она верит мне.

Она протягивает свою руку.

— Тогда не уходи. Вернись в кровать, Мэтью.

Я рычу, потому что это мне действительно этого хочется. Но я качаю головой.

— Я не на долго. Просто по-быстрому проверю Дрю — это мужской кодекс. Что я буду за друг, если не удостоверюсь, что он не повесился у себя в шкафу?

— Другом, который хочет сделать мир лучше.

Потом она замечает мою камеру, лежащую на прикроватной тумбе. Она вертит ее в руках, прикусывая свою губу.

— Думаю, мне надо будет себя чем-то занять... снимая непристойные селфи на твою камеру. Потом можем вместе их проявить, когда ты вернешься.

Я замираю на секунду, чтобы насладиться образами, что возникают у меня в голове — которые, я надеюсь, появятся на моей камере.

Потом я отдаю ей две пленки.

Целую ее на прощание, перед тем, как заставить себя направиться к двери. Прежде чем выйти, Ди зовет меня:

— Мэтью?

Я останавливаюсь и поворачиваюсь к ней.

— Я люблю тебя.

И как всякий раз сегодня, когда она мне это говорила, на моих губах появляется дурацкая, до смешного счастливая улыбка. Я опять иду к кровати, и снова целую ее.

— К твоему сведению? Я никогда не устану слушать такое из твоих уст.

Она удовлетворенно улыбается:

— Поторопись.

И скорее бегу к своему байку — чтобы как раз исполнить ее пожелание.

У квартиры Дрю все как обычно. Я колочу в дверь и зову его, но отвечает лишь ударом бейсбольного меча по двери, когда я спрашиваю его, живой он там или нет.

Я вздыхаю и кладу руку на дверь.

Пришло время для жесткости ради блага.

— Дружище, возьми себя в руки. Чтобы ни случилось между тобой и Кейт — как бы ты не облажался — оно лучше не станет, если ты не выйдешь и не начнешь решать эту проблему.

Ответа нет.

Я стараюсь подразнить его.

— За все те годы, что мы знаем друг друга, я и не предполагал, что ты можешь так запать на бабу. Ты понимаешь, что полностью сломал свой образ в моих глазах?

Тишина.

— Ну, давай, Дрю. Открой дверь. Вспомни, каким я был после Розалин? Ты был рядом со мной тогда... позволь мне отплатить тебе тем же.

Третий страйк, и я вне игры.

Я ударяю в дверь, так же, как бы я ударил в кулак Дрю, будь это лучшие времена.

— Ладно, друг, пусть будет по-твоему. Я вернусь завтра, хорошо?

Бам.

Дверь содрогается от удара меча с другой стороны, и я знаю, он меня услышал.

Я качаю головой, пока иду к лифту. Потому что завтра, когда я сюда вернусь, я буде не один. Я, правда, не хотел этого делать — но уже прошла чертова неделя. Он просто не оставил мне выбора.

Пора подключать тяжелую артиллерию.

Выхожу из дома на тротуар. Потом беру свой телефон и набираю номер.

После двух гудков она снимает трубку, приветствуя меня по имени.

— Привет Александра. Слушай, мне нужна твоя помощь... это насчет Дрю.

А остальное, как говорят, уже история.

Вот и вся история. Моменты, которых вы не видели ранее, ответы на некоторые вопросы, которые, возможно, вас мучали.

Если дело касается совета, то я уже довольно таки утомился — да и уже нечего особо советовать. Но я вот что скажу:

Жизнь — это короткий, крутой путь. Не пытайтесь жать по тормозам, не анализируйте слишком или не пытайтесь ее контролировать. Если вам повезет, как мне, вы найдете того самого, кто сядет рядом с вами и будет держать вас за руку на всех поворотах, подъемах и спусках.

А тогда? Так будет еще веселее.

ЭПИЛОГ

Шесть месяцев спустя...

Лас-Вегас, Невада. Часовня Элвиса Пресли. Технически она называется Беленькая Венчальная Часовня, но так как услугами в ней заведует двойник Элвиса, для меня это Часовня Элвиса. Мы ждем нашей очереди в соседней комнате в окружении фотографий звезд с их автографами, которые обменялись здесь своими клятвами.

Прошло шесть месяцев с момента нашего первого поцелуя на танцполе. Возможно, вы решите, что это слишком быстро. Может, вы подумаете, что мы сошли с ума. Но для меня и Ди?

Сумасшествие — это вполне нормально. Вот, например, посмотрите, как мы обручились.

— *Мистер, Фишер, пожалуйста, ляжьте назад!* — кричит медсестра командным голосом, но я ее игнорирую.

Что за чертова напасть.

Вместо романтического вечера в любимом ресторане Ди, я каким-то образом оказался в больничном халате, на тележке, в дальней палате чертового приемного отделения. Единственное, что могло быть еще хуже, если бы нечистая на руку медсестра или какой-нибудь бомж украл кольцо на помолвку.

Кольцо было изготовлено по моему дизайну, и оно совершенно. Безупречный бриллиант с изумрудами, рубинами и сапфирами по кругу. Оно разноцветное, уникальное, такое же, как и Ди. Сейчас мне просто нужно вручить его ей.

Достаю свои штаны из обычной больничной пластиковой коробки и вытаскиваю из карманамаленькую коробочку. Потом, прежде чем медсестра успевает меня остановить, я выскакиваю в коридор, который ведет в комнату ожидания приемного отделения, где сидит Ди. Она поднимается сразу же, как только замечает меня.

Я подхожу к ней и встаю перед ней на одно колено.

— *Я хочу, чтобы ты была моей. И я хочу быть твоим. Хочу быть причиной твоих улыбок. Хочу остаток жизни провести, слушая твои теории, и обучая тебя разнице между*

хорошим и плохим кино. Хочу в 80 лет держать тебя за руку, когда мы будем кататься на коньках — и я обещаю любить тебя каждую секунду, начиная с этого момента и навсегда. Ты выйдешь за меня, Долорес?

Да — вот таким вот романтичным было предложение.

Ди не хотела долго ждать, и мне самому не терпелось. Философское «Зачем ждать?» было в начале наших отношений, и оно нас не подвело. Так что, вот мы — я, Ди, Дрю и Кейт — в Вегасе по случаю нашей скорой свадьбы и убойному празднованию.

Я смотрю в зеркало и пытаюсь поправить свой галстук, но ничего не получается.

— Ты уверен насчет свадьбы? — спрашивает Дрю, стоя позади меня, одетый в свой смокинг.

— Уверенней не бывает, дружище.

Бросаю этот галстук. *Пошел он.*

— Ты, правда, уверен? — спрашивает Дрю — Еще не поздно все отменить.

Я улыбаюсь.

— Да, вообще-то, поздно.

Его взгляд на мой галстук, и он встает передо мной, чтобы поправить его — как отец помогает своему сыну-подростку собираться на выпускной. Когда Дрю удовлетворен, он кладет свои руки на плечи, смотрит мне в глаза и говорит:

— Ты уверен, что ты уверен?

Ч другого конца комнаты доносится хмурый голос Кейт:

— Дрю?

— Да, малыш?

— Он уверен. Не спрашивай его еще раз, а то я не буду счастлива. А тебе это не понравится, если я не буду счастлива.

Думаю, недавно они посмотрели *Невероятный Халк*.

Дрю кивает. Но как только Кейт отворачивается, он говорит губами:

— Ты уверен? Действительно уверен?

Я смеюсь. Потому что я уверен.

И потому что я никогда — никогда-никогда — бы не подумал, что увижу, как Дрю охомукает девица. Но выглядит именно так.

Кто бы мог подумать?

Я поправляю запонки, когда Ди встает рядом со мной, с довольной теплотой в ее взгляде. На ней абсолютно белое, кружевное, с длинными рукавами короткое платье и голубые шпильки.

Ее светлые волосы забраны по бокам, а длиной до плеч вуаль ниспадает по волосам, словно нимб, закрепленная к волосам маленькой бриллиантовой тиарой на вершине ее головы.

— О чем ты думаешь? — спрашивает она меня.

Я обнимаю ее за талию, прижимаю ближе к себе.

— Я думал о том, когда впервые тебе позвонил. Тогда я не хотел в этом признаваться, но я нервничал. — Я целую ее в висок, нежно. — А сейчас я не нервничаю.

Она кладет голову мне на грудь.

— Я тоже.

Как раз в этот момент открываются двойные двери часовни, и покрытый кристаллами Элвис входит в комнату.

— Мы готовы запустить это шоу, ребятки?

Дрю и я занимаем наши места у алтаря, когда двери опять закрываются. Начинает играть инструментальная музыка, двери открываются, и Кейт встает в проеме. Боковым зрением я вижу, как Дрю широко улыбается, когда следит за каждым движением Кейт. Когда она идет к алтарю, он подмигивает, а Кейт отвечает ему великолепной улыбкой.

Когда Кейт встает на свое место, двери снова открываются, и появляется Ди под руку с Элвисом. Когда он ведет ее к алтарю, он поет нашу свадебную песню «Ничего не могу с собой поделаться, чтобы не влюбиться».

Долорес и я стоим бок о бок, держась за руки, когда Элвис просит нас прочитать наши клятвы.

— Согласны ли Вы, Фрэнклин Фишер, взять в законные жены Долорес Уоррен?

— Да.

— Обещаете ли вы никогда не вести с ней, как «Hound Dog», «Don't Be Cruel», не оставлять ее «Lonesome Tonight [25]»

— Да.

— Обещаете ли Вы быть ее «Big Hunko'Love» «Teddy Bear [26]» и любить ее искренне и нежно, пока смерть не разлучит вас?

Я беру лицо Ди в свои ладони:

— Всегда.

Ди улыбается и пускает слезу, когда я надеваю ей на палец кольцо, рядом с ее кольцом на помолвку.

Потом Элвис спрашивает Долорес:

— Согласны ли Вы, Долорес Саншайн [27]Уоррен, взять в законные мужья Мэтью Фишшера,

Чистым и уверенным голосом она отвечает:

— Да.

— Обещаете ли Вы никогда не наступать на его «Blue Suede Shoes», не причинять ему «Suspicious Mind» или оставлять его «All Shook Up [28]».

— Согласна.

— Будете ли Вы всегда думать о нем, всегда показывать ему «Wonder of you» и всегда поддерживать в нем «Burning Love [29]», пока смерть не разлучит вас?

— Да.

С этими словами, Ди надевает на мой палец кольцо. И глубоким протяжным голосом Элвис провозглашает:

— Властью, данной мне Штатом Невадой, я объявляю вас мужем и женой. — Он шлепает меня по плечу. — Можете поцеловать невесту.

Мне не надо повторять дважды. Я обнимаю ее и прижимаюсь своими губами к ее губам — вкладывая в этот поцелуй каждую частичку своей любви, восхищения и страсти.

Не знаю, уместно ли использовать язык в свадебном поцелуе, но меня это не останавливает.

Прежде чем я успеваю поднять Долорес, она сама запрыгивает ко мне на руки, и я покачиваю ее, пока мы целуемся. Кейт хлопает, а Дрю присвистывает. После того, как мы наделали кучу фотографий, мы благодарим Элвиса и выходим. Вчетвером мы проводим остаток вечера, смеясь и танцуя до упаду.

Это на самом деле лучше всего на свете. И это только начало.

Несколько слов от редактора

Ну вот, мы почти закончили эту замечательную серию книг. Четвертая, и последняя, будет о свадьбе Дрю и Кейт. Дополнений больше не планируется, и их история будет завершена. Надеюсь, вам понравились книги и наш перевод. От себя, хочется выразить благодарность замечательной переводчице Яне Давиденко. Спасибо большое за труд, редактировать этот перевод было одно удовольствие.

Встретимся в следующей книге!

Перевод начнется в июле в группе https://vk.com/e_books_vk, следите за новостями!

вернуться

25

песни Элвиса Пресли «Бабник», «Не будь жестоким», «Тоскливый вечер»

вернуться

26

Притягательная любовь, Медвежонок Теди

вернуться

27

Sunshine — солнечный свет

вернуться

28

Голубые ботинки из искусственной замши, Подозрение, Возбужденный

вернуться

29

Интерес к тебе, Жгучая любовь

mir-knigi.org